

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЕДИНСТВО И СПЛОЧЕННОСТЬ НАРОДОВ СТРАН СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОДРУЖЕСТВА!

Из Призывов ЦК КПСС.

Во время переговоров.

НАЙРАМДАЛ—

19 октября в Кремле были подписаны документы по вопросам дальнейшего расширения и углубления всестороннего советско-монгольского сотрудничества и заключен договор о границе между СССР и МНР.

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 43 (2572)

23 ОКТЯБРЯ 1976

Фото А. ГОСТЕВА

ДРУЖБА!

18 октября в Москву по приглашению ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства с официальным дружеским визитом прибыла партийно-правительственная делегация Монгольской Народной Республики во главе с Первым секретарем Центрального Комитета Монгольской народно-революционной партии, Председателем Президиума Великого Народного хурала МНР Юмжагийном Цеденбалом.

На Внуковском аэродроме, украшенном государственными флагами Монгольской Народной Республики и Советского Союза, товарища Ю. Цеденбала, членов делегации тепло и сердечно приветствовали Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Ф. Д. Кулаков, секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев, другие официальные лица.

В тот же день в Кремле начались советско-монгольские переговоры. Переговоры вели:

с советской стороны — Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Ф. Д. Кулаков, секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев;

с монгольской стороны — Первый секретарь ЦК МНРП, Председатель Президиума Великого Народного хурала Ю. Цеденбал, члены Политбюро — Председатель Совета Министров МНР Ж. Батмунх, секретарь ЦК МНРП Д. Моломжамц, первый заместитель Председателя Совета Министров МНР Д. Майдар, секретарь ЦК МНРП Н. Жагварал, члены ЦК МНРП — заместитель Председателя Совета Министров МНР Д. Содном, министр иностранных дел МНР М. Дугэрсурэн, председатель ГКЭС Д. Салдан, посол МНР в СССР Х. Банзрагч.

Во время переговоров, проходивших в атмосфере братской дружбы, сердечности и полного взаимопонимания, стороны обменялись информацией о работе советского народа над выполнением решений XXV съезда КПСС и монгольского народа — XVII съезда МНРП, о высоком трудовом подъеме в обеих странах. Состоялся также обмен мнениями по широкому кругу международных проблем.

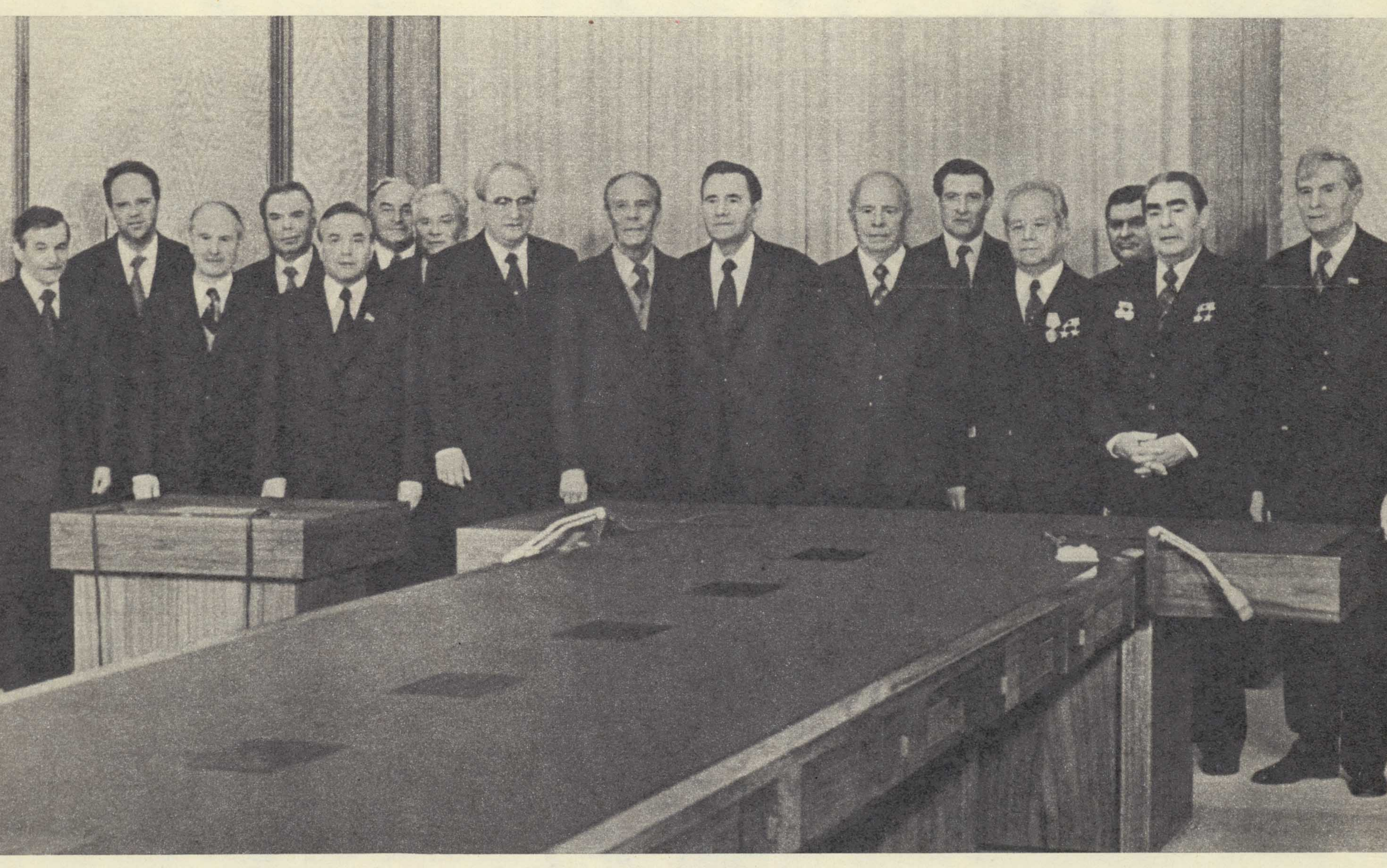
Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и правительство СССР дали в Большом Кремлевском дворце обед в честь партийно-правительственной делегации МНР. На обеде с речами выступили товарищи Л. И. Брежнев и Ю. Цеденбал.

19 октября завершились советско-монгольские переговоры. Согласовано коммюнике о пребывании в Советском Союзе партийно-правительственной делегации Монгольской Народной Республики.

В тот же день состоялась дружеская беседа Генерального секретаря Центрального Комитета КПСС Л. И. Брежнева с Первым секретарем Центрального Комитета МНРП, Председателем Президиума Великого Народного хурала МНР Ю. Цеденбалом.

◀ Кремль, 19 октября. Член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный вручил орден Ленина Первому секретарю ЦК МНРП, Председателю Президиума Великого Народного хурала МНР Ю. Цеденбалу.

Руководители Коммунистической партии и Советского государства при вручении награды товарищу А. П. Кириленко.

ПОБЕДА ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЕВ АЗЕРБАЙДЖАНА

ТРУДЯЩИЕСЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА! БОРИТЕСЬ ЗА ПРЕТВОРЕНИЕ В ЖИЗНЬ ИСТОРИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ XXV СЪЕЗДА КПСС, ВЕЛИЧЕСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ ДЕСЯТОЙ ПЯТИЛЕТКИ!

ВПЕРЕД, К НОВЫМ УСПЕХАМ В КОММУНИСТИЧЕСКОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ!

ИЗ ПРИЗЫВОВ ЦК КПСС К 59-Й ГОДОВЩИНЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Большой успех пришел к сельским труженикам Азербайджана в стартовый год десятой пятилетки. Успех во всех отраслях колхозного и совхозного производства. Вот красноречивые цифры: на приемные пункты и предприятия перерабатывающей промышленности уже поступило 503 тысячи тонн хлопка-сырца, 346 тысяч тонн зерна, 694 тысячи тонн винограда, 75 тысяч тонн плодов, 580 тысяч тонн овощей, 23 тысячи тонн бахчевых культур и более 13 тысяч тонн зеленого чайного листа. Это значительно превышает установленный на нынешний год объем закупок.

Трудящихся республики сердечно поздравил Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев.

«Рекордные объемы продажи государству продуктов земледелия, достигнутые в первом году десятой пятилетки,— говорится в приветствии Л. И. Брежнева,— замечательный вклад трудящихся Азербайджана в практическое осуществление решений XXV съезда КПСС. Это результат неуклонного проведения в жизнь аграрной политики партии, самоотверженного труда работников сельского хозяйства, боевой политической и организаторской работы партийных, советских, профсоюзных и комсомольских органов».

Рекордные объемы... Первым в республике выполнил повышенные социалистические обязательства по производству и продаже хлопка государству Бардинский район. Причем здешние хлопкоробы перевыполнили годовое задание на 13 тысяч тонн... Шамхорский район по производству хлопка достиг уровня, запланированного на 1980 год... Никогда еще Нагорный Карабах не давал такого количества винограда, как нынче... На счету астаринского субтропического совхоза имени Ленина около 910 тонн зеленого чайного листа, 85 процен-

ВРУЧЕНИЕ НАГРАДЫ ТОВАРИЩУ А. П. КИРИЛЕНКО

Фото В. Климова

14 октября в Кремле члену Политбюро ЦК КПСС, секретарю ЦК КПСС товарищу А. П. Кириленко были вручены орден Ленина и вторая золотая медаль «Серп и Молот» Героя Социалистического Труда.

Этой высокой награды товарищ А. П. Кириленко удостоен за большие заслуги перед Коммунистической партией и Советским государством и в связи с семидесятилетием со дня рождения.

Награду вручил член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный.

В зале при вручении награды были товарищи Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, А. А. Громыко, Ф. Д. Кулаков, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Г. В. Романов, М. А. Суслов, Д. Ф. Устинов, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, К. Ф. Катушев, М. В. Зимянин, К. У. Черненко.

При вручении награды выступил товарищ Н. В. Подгорный. Затем с ответным словом выступил товарищ А. П. Кириленко. Он выразил глубокую сердечную благодарность ЦК КПСС, Политбюро ЦК, Президиуму Верховного Совета и правительству СССР и лично Генеральному секретарю ЦК КПСС Леониду Ильичу Брежневу.

Руководители Коммунистической партии и Советского государства тепло и сердечно поздравили товарища А. П. Кириленко с высокой наградой Родины, пожелали ему крепкого здоровья, новых больших успехов в плодотворной деятельности на благо Коммунистической партии, советского народа.

тов урожая принято первым сортом... Нелегко было добиться таких успехов. Во многих районах погода нынче не баловала земледельцев. Они противопоставили ее причудам собранность, мастерство, организованность, использование передового опыта и рекомендаций науки.

Так поступили, например, в колхозе имени 26 бакинских комиссаров, Агдамского района. Здесь было создано 8 хозрасчетных комплексно-механизированных бригад, расширены хлопковые наделы. Шемахинский совхоз имени Сабира добился средней отдачи гектара в 90 центнеров винограда при 18 процентах сахаристости. И это на богаре, при крайне неблагоприятной погоде. Секрет успеха в том, что уже с 1973 года виноградари здесь проводят на одну подкормку и одну культивацию больше, чем раньше, и удобрения на каждый гектар вносят в новом соотношении.

Вырастить отличный урожай помогло социалистическое соревнование. В начале года работница хачмасского совхоза «Путь Ильича», депутат Верховного Совета Азербайджанской ССР Евгения Бенько выступила с почином — получить с каждого гектара по тысяче центнеров помидоров. Ее сразу поддержала давняя подруга — Перихан Дурнаева из совхоза имени М. Гусейнова. А затем в соревнование вступили сотни овощеводов. И многие добились успеха. Сама Бенько сняла на круг по 1100 центнеров, а Дурнаева — по 1200.

Достойно увенчать труд земледельцев помогла четкая организация работы водителей тракторных лафетов и грузовых автомашин. Конвейер поле — приемный пункт действовал безотказно.

Да разве только транспортники помогали убирать плоды земли! Успеху жатвы содействовали промышленные коллективы и работники торговли, интеллигенция, студенты и старшеклассники.

16 октября в Баку состоялся многолюдный митинг представителей трудящихся республики, посвященный успешному выполнению тружениками сельского хозяйства Азербайджана повышенных социалистических обязательств первого года пятилетки.

На митинге с речью выступил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана Г. А. Алиев.

В приветственном письме Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Л. И. Брежневу участники митинга заверили, что они и дальше будут отдавать все свои силы претворению в жизнь исторических решений XXV съезда КПСС.

Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР бригадир совхоза имени В. И. Ленина, Ждановского района, Сардар Импралиев сдал на заготовительный пункт с начала страды более трехсот тонн первосортного хлопка-сырца. Фото Ю. Рахиля (ТАСС).

ЗАКАТ КОЛОНИАЛИЗМА В АФРИКЕ

Павел ДЕМЧЕНКО

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Борьба африканских народов за свободу вступает сейчас в решающий этап: началось наступление на последние оплоты колониализма и расизма в южной части континента. Теперь уже с полным основанием можно говорить о том, что близится час освобождения народов Зимбабве (сейчас эта страна называется Родезией) и Намибии, что система апартеида, расовой дискриминации в Южно-Африканской Республике переживает жестокий кризис.

За последние два десятилетия Африка сделала подлинный рывок в своем историческом развитии. Достаточно напомнить, что к моменту окончания второй мировой войны лишь три-четыре африканских государства, занимавшие около десятой части территории континента, считались независимыми. Вся остальная его часть была закрашена на географической карте в цвета колониальных держав — Англии, Франции, Португалии, Испании, Италии, Бельгии.

Эти времена канули в вечность. Под ударами национально-освободительного движения произошел развал колониальных империй. На карте Африки теперь 48 независимых государств. И хотя борьба африканских народов за политическое, экономическое, социальное раскрепощение продолжается, характер ее претерпел серьезное изменение. Если раньше водораздел проходил в основном по линии африканцы — империализм, а цель была одна: политическая независимость, то ныне фронтов уже несколько. Здесь борьба и за искоренение остатков колониального господства в политике, экономике, культуре, и за ликвидацию последних очагов расизма, и за африканское единство, и за право самим распоряжаться собственными природными ресурсами. Наконец, едва ли не самый главный фронт проходит внутри каждой африканской страны. Это фронт социальный.

Трудной дорогой пришли к независимости бывшие португальские колонии. В каждой из них в течение многих лет происходила вооруженная борьба против колонизаторов, в ходе которой были созданы политические организации и обширные освобожденные районы. Именно поэтому крушение фашистского режима в Португалии привело к немедленному развалу португальской империи в Африке, просуществовавшей пятьсот лет. Одна за другой становятся независимыми Гвинея-Бисау, Мозамбик, Сан-Томе и Принсипи, наконец, Ангола, которой пришлось выдержать особенно трудные испытания — интервенцию войск ЮАР, банд иностранных наемников и отрядов раскольнических организаций, финансируемых и вооружаемых США, Францией, Англией.

Советский Союз, Куба, другие социалистические страны, многие африканские государства оказали ангольским патриотам большую материальную и морально-политическую поддержку. В жестокой борьбе, унесшей многие тысячи жизней, была одержана победа. Шестимиллионный народ смог приступить теперь к восстановлению разрушенного хозяйства, строительству новой жизни.

«События в Анголе,— сказал Л. И. Брежнев во время закончившегося недавно визита в СССР президента этой страны А. Нето,— еще раз подтвердили великую истину наших дней: решимость народа отстоять свою свободу, помноженная на интернациональную солидарность,— непобедимая сила. Каждый, кто действительно хочет учиться на революционном опыте, делает из этих событий именно такой вывод».

В ходе этого визита СССР и Народная Республика Ангола заключили Договор о дружбе и сотрудничестве, соглашение о межпартийных связях, было подписано советско-ангольское заявление. Эти документы послужат новым стимулом к углублению и расширению советско-ангольских отношений.

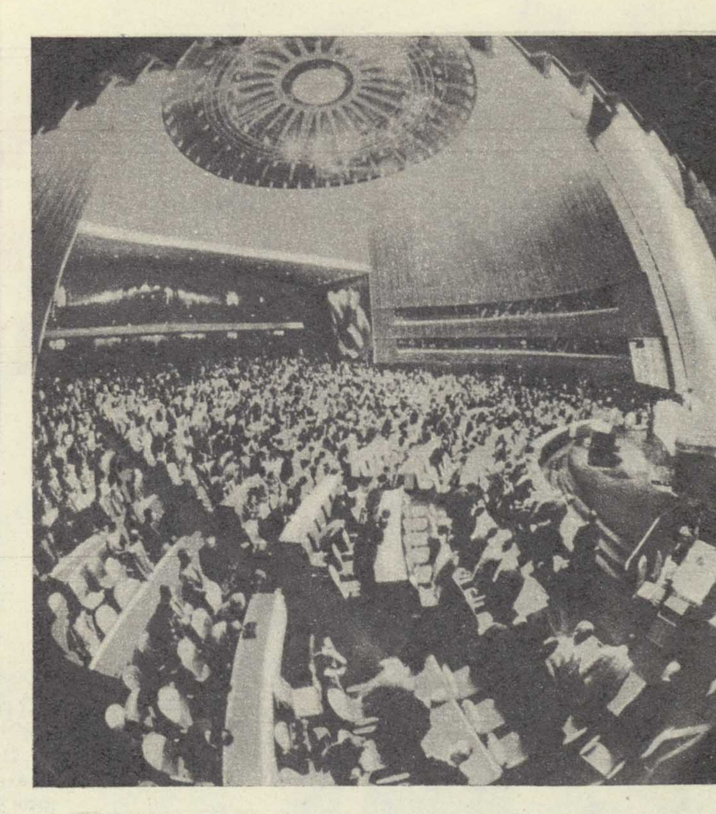
Победа в освободительной борьбе народов бывших португальских колоний, особенно Анголы и Мозамбика, провозглашение ими программ важных социальных перемен особенно четко обозначили политическую изоляцию расистских режимов в Родезии и ЮАР, необходимость отказа ее от незаконной оккупации Намибии. Как в Родезии, так и в Намибии уже ряд лет идет партизанская война, которая поддерживается многими свободными африканскими государствами. Бурные выступления — забастовки, демонстрации, митинги — африканского и «цветного» населения происходят в ЮАР.

В обстановке надвигающегося краха расистского режима в Родезии и прекращения оккупации Намибии США и Англия пытаются предпринять «пожарные меры» по спасению своих интересов на юге Африки. Они выдвинули план, в котором надеются совместить несовместимое: передать власть африканскому большинству и одновременно сохранить все привилегии за белым меньшинством. (В Родезии — около 6 миллионов африканцев и 270 тысяч белых.)

На эти дела даже предполагается выделить 1,5 — 2 миллиарда долларов. Иначе говоря, рассчитывают лишь сменить вывеску, а по существу, сохранить позиции империализма в этом районе.

Ясно, почему освободительные организации Зимбабве и Намибии, правительства многих африканских государств отвергают подобные планы и требуют полной независимости этих стран, борются за окончательную ликвидацию на континенте всех очагов колониализма и расизма.

24 ОКТЯБРЯ — ДЕНЬ ООН

На XXXI сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке.

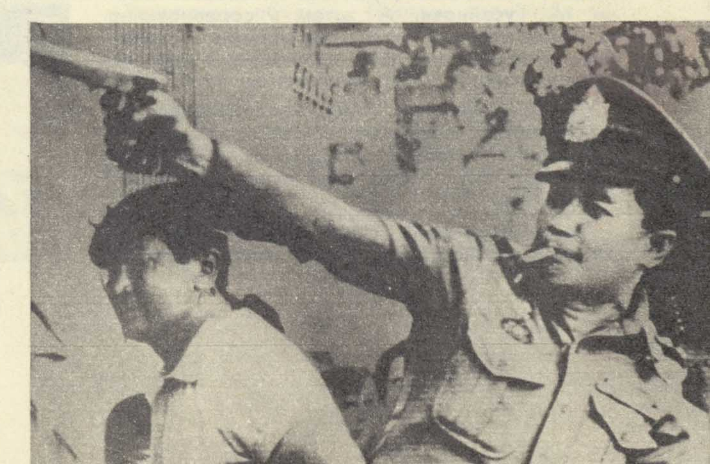
Фото ЮПИ—ТАСС.

Жертвы полицейского произвола.

Полицейский ведет прицельный огонь по демонстрантам.

Фото ЮПИ—ТАСС.

ИНИЦИАТИВЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

«Мы, народы Объединенных Наций, преисполнены решимости...» — эти слова были впервые произнесены тридцать один год назад. 24 октября 1945 года, после ратификации и сдачи на хранение ратификационных грамот пятью великими державами — СССР, США, Англией, Францией и Китаем с одобрения парламентов большинства других государств членов-учредителей Устав Организации Объединенных Наций вступил в силу. ООН была создана. Отсюда начался ее нелегкий путь в сложном, многоликом мире. 24 октября вошло в историю и ежегодно отмечается как «День ООН». Создание Организации Объединенных Наций явилось важной вехой в борьбе миролюбивых сил против войны, за развитие дружественных отношений между народами. Организация была задумана и создана как орган международного сотрудничества для поддержания всеобщего мира и безопасности и содействия экономическому и социальному прогрессу народов.

Только в условиях прочного мира возможно подлинное международное сотрудничество в различных областях, и прежде всего в сферах международного экономического, социального и научно-технического сотрудничества. Один швейцарский ученый при помощи счетно-электронных машин подсчитал, что за 5550 лет на нашей планете было 14 513 больших и малых войн, которые унесли 3640 миллионов жизней. Масштабы этих колоссальных потерь не идут ни в какое сравнение с тем, что ожидает человечество в случае, если империалистам удастся развязать мировую термоядерную войну. Вот почему так актуален в наши дни основополагающий принцип Устава ООН — принцип мирного сосуществования государств, которые должны «проявлять терпимость и жить вместе, в мире друг с другом, как добрые соседи».

Разоружение — насущная задача, стоящая перед человечеством. В течение долгого времени человеческий ум создавал оружие, сеющее смерть. Этот же ум может найти путь к уничтожению вооружений. Человечество способно избавиться от арсенала, им же выкованного, который теперь угрожает самой жизни на земле. Для этого требуются огромная энергия, воля, искреннее желание добиться разоружения. В авангарде борьбы за мир — мир без оружия — идет Советский Союз, примером своим, своими практическими делами показывающий всем объединенным нациям путь, который ведет к подлинному разоружению.

Не было еще форума ООН, на котором бы Советский Союз не выступил с новыми миролюбивыми инициативами. Вот и теперь СССР внес на рассмотрение XXXI сессии Генеральной Ассамблеи ООН Меморандум Советского Союза по вопросам прекращения гонки вооружений и разоружения и представил Генеральной Ассамблее проект Всемирного договора о неприменении силы в международных отношениях. Эти предложения содержались в выступлении члена Политбюро ЦК КПСС, министра иностранных дел СССР А. А. Громыко.

Меняется мир, и меняется ООН. Зал Генеральной Ассамблеи рассчитан на 2500 человек. Были времена, когда делегаты и их советники в полном составе занимали лишь половину зала. Сейчас зал заседаний стал тесен. Делегаты «отвоевывают» места, отведенные для журналистов и публики. Ныне на флагштоках у небоскреба ООН в Нью-Йорке полощутся флаги уже 145 государств-членов, в то время как первоначально Устав подписало в 1945 году 51 государство. Такое зрелище весьма символично и знаменательно, в нем заложен глубокий политический смысл. Оно отражает радикальные изменения на нашей планете, выход на мировую арену десятков и десятков молодых независимых государств Африки и Азии в результате победы национально-освободительных движений.

Организация Объединенных Наций как бы олицетворяет весь наш сложный мир с переплетением политических противоречий, социальных контрастов, противоборством разумных начал и тенденций, несущих военную опасность. Многогранная деятельность ООН подтверждает жизненность этой организации, ее необходимость и важность для дела мира и международного сотрудничества. ООН была и остается ареной острой политической борьбы сил мира и прогресса против сил войны и реакции.

Долг ООН — быть на уровне стоящих перед ней ответственных задач. Этого она может добиться, если твердо пойдет по пути, определенному Уставом, а государства — члены ООН будут действовать в соответствии с идеалами и задачами, которые в нем провозглашены. Советский Союз всегда будет прилагать все усилия, чтобы содействовать утверждению на земле прочного мира.

В. ДУНАЕВ

СТАВКА НА РЕПРЕССИИ

В эти дни Таиланд живет под дулами пулеметов. Улицы Бангкока и других городов патрулируются усиленными нарядами полиции и армии, на перекрестках установлены контрольно-пропускные пункты, у правительственных зданий стоят танки. В стране совершен государственный переворот. Группа реакционно настроенных генералов при поддержке местной реакции и помощи извне свергла законное правительство, распустила избранный демократическим путем парламент и отменила конституцию. Патрульной службой останавливаются и тщательно обыскиваются все автомашины, въезжающие в столицу и другие крупные города. Продолжаются массовые чистки в правительственных учреждениях. Объявлено, что каждый, кто нарушит антикоммунистические законы, принятые еще во времена военной диктатуры, будет расстрелян. Военные власти приступили к созданию по всей стране специальных лагерей для «перевоспитания» лиц, арестованных во время и после военного переворота. В них будут направляться все таиландцы, заподозренные в «левых симпатиях». Срок пребывания заключенных в этих лагерях не установлен, они будут находиться там до тех пор, «пока не откажутся от своих убеждений».

Слухи о готовящемся военном перевороте распространялись в Таиланде уже несколько месяцев. Генералы, которые стояли у власти на протяжении 40 лет, вынуждены были передать бразды правления гражданскому правительству три года назад в связи с широким выступлением в стране против реакционного диктаторского режима. Генералы открыто выражали недовольство решением о ликвидации американских военных баз и о выводе из Таиланда американских войск. В последнее время они недвусмысленно заявляли, что игра в «демократию» зашла слишком далеко.

В день переворота полиция и молодчики из крайне правых организаций учинили кровавую расправу над прогрессивно настроенными студентами в Таммасатском университете. Возвращение в Таиланд бывшего диктатора Танома Киттикачона вызвало волну возмущения в стране. В Бангкоке начались демонстрации. Около 5 тысяч студентов собрались на территории Таммасатского университета и заявили, что не уйдут, пока не будет выслан из страны Киттикачон. Против безоружных студентов были брошены отряды полиции, вооруженные винтовками, карабинами, гранатометами, пистолетами и даже безоткатными орудиями. Побоище продолжалось более трех часов. Полиция в упор расстреливала студентов. Несколько человек линчевали. Их трупы были тут же сожжены на кострах. Трое студентов были повешены на деревьях, в близлежащем парке. Многие студенты безуспешно пытались спастись, бросаясь в реку Менам, на берегу которой расположен университет.

Расправа над бангкокскими студентами была нужна реакции, чтобы запугать демократическую общественность, заранее подавить всякое сопротивление путчистам.

В. ДАРОВСКИЙ

ПРИЗНАНА ВИНОВНОЙ

Патриция Херст, дочь газетного магната, мультимиллионера Херста, приговорена к 7 годам тюремного заключения, но... может выйти на свободу уже через 16 месяцев «в случае примерного поведения». Такое решение принял 24 сентября в Сан-Франциско судья Уильям Оррик, заявивший, что он «преисполнен глубочайшего сострадания к осужденной».

В начале этого года Херст была признана виновной в ограблении банка и применении огнестрельного оружия при совершении преступления. Это ограбление было совершено в Сан-Франциско 15 апреля 1974 года группой, именовавшей себя «Симбионистской армией освобождения». В составе налетчиков была и наследница херстовских миллионов, незадолго до того «похищенная» членами этой группы из своей квартиры.

Патриция Херст у здания суда в Сан-Франциско. Фото АП — ТАСС.

— Добро пожаловать!

РАДУГА РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В УЗБЕКИСТАНЕ

Как самых дорогих гостей принимали трудящиеся Узбекистана посланцев литературы и искусства Российской Федерации. В течение недели под ярким даже в эту осеннюю пору солнцем сверкали жемчужины самобытных творений — поэтических и музыкальных, хореографических и певческих, изобразительных и кинематографических.

В возрожденном Ташкенте и преображенной Голодной степи, в юных индустриальных городах Навои, Алмалыке и на хлопковых полях Ферганской долины, Каршинской степи, Хорезма, в научных центрах Самарканда и на рисовых плантациях Каракалпакии — повсюду звучало сердечное «Добро пожаловать! Хуш келибсиз!».

— Я очень взволнована радушной встречей,— сказала народная артистка СССР, лауреат Ленинской премии Людмила Зыкина.— У меня остались теплые воспоминания от декады русской культуры в Узбекистане в 1963 году. И вот я вновь в краю белого золота... Привезла для моих старых друзей новые песни.

Председатель правления Союза писателей РСФСР, Герой Социалистического Труда С. В. Михалков подчеркнул:

— Нас связывает общая судьба, взаимная любовь наших народов. Писатели России часто бывают в Узбекистане и всегда восхищаются его достижениями. Этот праздник — общий для всех нас.

...Ташкентский Дворец искусств. На торжественном открытии Дней литературы и искусства РСФСР в Узбекистане кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов в своей речи сказал:

— Да, для трудящихся Советского Узбекистана каждая новая встреча с мастерами прекрасной многонациональной культуры великой России — светлый праздник. Но не только праздник. Приобщение к бесценной сокровищнице русской советской литературы и искусства — это приобщение к самым передовым идеям человечества — идеям ленинизма, приобщение к нравственному и эстетическому опыту нашего великого старшего брата.

...Высокие образцы классического пения и танца привезли мастера Москвы и Ленинграда. Много радости доставили выступления знаменитой «Березки», Северного русского народного хора, «Воронежских девчат», Красноярского государственного ансамбля танца Сибири, многих других коллективов и солистов. В этом празднике искусств были представлены все 16 автономных республик Российской Федерации.

Хлопкоробы и машиностроители, энергетики и химики, мелиораторы и студенты с огромным интересом принимали писателей России, авторов полюбившихся романов, повестей, стихотворных произведений — Сергея Михалкова, Юрия Бондарева, Льва Ошанина, Антонину Коптяеву, Михаила Дудина, Расула Гамзатова, Кайсына Кулиева, Михаила Львова, Владимира Фирсова и других.

Писатель Юрий Бондарев дал интервью корреспонденту «Огонька»:

— Встречают нас повсюду по-узбекски тепло, а интерес к проблемам, которые волнуют меня и моих коллег, прямо-таки жаркий. Это потому, что писатель всегда находится на самом переднем крае борьбы за торжество доброго начала в человеке, высокой нравственности общества. И тут нет национальных границ, каждая национальная литература вносит свой вклад. При этом чем крепче наши контакты, профессиональные и просто человеческие, тем лучше для общего дела.

— Понравился вам новый Ташкент? Вы впервые здесь?

— Чрезвычайно рад, что увидел этот прекрасный город. И не скрою: испытываю щемящее чувство возвращения к истокам, к первородности — к земле, где когда-то по узкой ташкентской улице с глинобитными домиками проходило мое детство... Этой улочки уже нет. Теперь на том месте современные дома. Бетон и стекло. Невероятный контраст, который, думаю, отразится в том, что я пишу.

— Не собираетесь ли перевести на русский язык кого-нибудь из узбекских коллег?

— Решение попробовать свои силы в переводе зреет. Этому способствует близкое общение с интересными узбекскими прозаиками.

...Яркая радуга российской культуры, воссиявшая в дни литературы и искусства РСФСР в Узбекистане, надолго останется в памяти.

Вяч. КОСТЫРЯ,
собкор «Огонька»
Фото С. Махкамова, Л. Гусейнова.

Встреча друзей.

ВТОРАЯ ЖАТВА

Октябрь для земледельцев Приамурья — месяц страды. И хотя уже давно засыпан в закрома хлеб урожая 1976 года, с полей амурских не ушел комбайн. По проселочным дорогам, как и в хлебную страду, пылят машины. Тысячи машин, в кузовах которых плоды второй жатвы — урожай сои. В октябре на амурской земле все говорят о сое: механизаторы и рыбаки, рабочие и партийные руководители, потому что соя здесь — основная культура хозяйства. Не будет преувеличением сказать, что это одна из ценнейших белково-масличных культур. Из ее бобов изготовляют масло и маргарин, фосфатиды, являющиеся ценным сырьем для кондитеров. Из фосфатидов также получают лецитин, входящий в состав лекарственных препаратов, питающих нервные ткани. Применяется соя и в промышленности: клей, пластмассы, краски, лаки — все это тесно связано с нею. Нужна она в бумажной промышленности, комбикормовой, текстильной, фармацевтической.

Много заслуг у сои, но зато она и требовательна. Нужна ей, например, в период созревания обязательная температура — 2200 градусов теплового запаса. Иначе не жди хорошего урожая. Нынешнее лето подвело — год можно считать неурожайным. Но амурские соеводы уверены, что и в столь сложных условиях выполнят задание Родины.

Несколько дней провел я в одном из крупных хозяйств — ордена Ленина колхозе «Приамурье». Председатель колхоза Альберт Юзепович Донга человек заслуженный. В прошлом профессиональный шофер, затем военный моряк-подводник, после демобилизации стал партийным работником, и вот теперь — председатель. Мы объехали с ним бригады, проверил он зерно в бункерах всех комбайнов. Кого-то журил, кому-то давал советы. За каждый центнер переживает Донга, но в исходе страды уверен. «И план и обязательства выполним,— говорит он.— Не имеет права колхоз, сдавший Родине двадцать две тысячи тонн хлеба, сплоховать во второй жатве...»

На полях колхоза «Приамурье».

Вечером был праздник в четвертой бригаде. На окраине поля площадью почти в тысячу гектаров, где трудится звено Юрия Кузнецова, еще пылили комбайны, убирая последние метры сои, а рядом с ними уже стояли «на товсь» «кировцы» с поднятыми плугами, готовые по первой команде вонзить лемеха в землю и начать подъем зяби. Для звена наступала последняя минута жатвы. Механизаторы первыми в колхозе завершили вторую жатву, убрав сою с площади 688 гектаров...

Вспоминается детство. Тогда, в послевоенные годы, с хлебом в Амурской области было туговато, и для нас, мальчишек, лучшим деликатесом была нажаренная в русской печке соя. Мы набивали ею карманы и убегали на целый день. И хотя сейчас хлеба на Амурской земле в изобилии, но соя остается соей, продуктом желанным.

В. КУЗНЕЦОВ,
собкор «Огонька»
Фото автора

ТАК МЫ ЖИВЕМ

На балконе — Чапковы.

22—23 ОКТЯБРЯ В ЧССР ПРОЙДУТ ВЫБОРЫ В ФЕДЕРАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ, РЕСПУБЛИКАНСКИЕ И МЕСТНЫЕ ОРГАНЫ ВЛАСТИ

Почему бы семье не иметь своего собственного пятилетнего плана? Тот, который составили супруги Фойту из Римаржова, сегодня выполнен по всем пунктам. Новая квартира с отдельной комнатой для детишек — Ленки, Рудольфа. Автомашина «Лада-2103» — итог пятилетних сбережений. За эти годы прибавка к зарплате, которую получает глава семьи, шофер Рудольф Фойту, составила 10 тысяч крон (100 крон = 12,50 рубля. **Прим. ред.**). Деньги пошли на оплату гаража, да еще Рудольф подработал на стройке.

Не отстает и хозяйка — Вера Фойту. Она закончила рабочую школу при народном предприятии «Гедва» и стала контролером готовой продукции. Соответственно увеличился ее оклад — как раз настолько, сколько Фойту выплачивают за обстановку квартиры, купленную в кредит.

В их доме есть холодильник, радиоприемник, телевизор, магнитофон. На стиральной машине они сэкономили: пользуются общей, установленной в прачечной в подвале.

Через 11 месяцев будет выплачен кредит. Что потом?

— Планов у нашей семьи много,— ответил глава семьи.— И мы знаем, что в социалистическом государстве планы всегда выполняются!

...Название этого села — Хижки — в переводе с чешского означает «лачуги». Сейчас здесь от них не осталось и следа. Тут, в горах — село находится в округе Писек,— выросли и продолжают расти красивые новостройки. Дела у здешнего кооператива, который специализируется на животноводстве и выращивании картофеля, идут хорошо.

Один из новых коттеджей принадлежит супругам Чапковым. Прекрасный дом, скажете вы, но не великоват ли? Следом за Марией и Яном высыпали двенадцатилетняя Марушка и три мальчугана от четырех до одиннадцати лет — Милан, Павел и Гонзик. Может быть, кто-то из них, когда вырастет, пойдет по стопам своего отца — электромонтера на соседнем заводе. Мария Чапкова — доярка, отличная работница. Председатель кооператива Вацлав Подлипски ею не нахвалится.

— В семьдесят первом мы переехали в новый дом. Построить его помогли завод и кооператив,— рассказывают Чапковы.— Что у нас появилось за пять лет? Прежде всего шестой член семьи. Приобрели мебель, телевизор, холодильник, машину, правда, не новую, но надежную.

— Бывает ли у вас свободное время?— спросили мы у Чапковых.— Все-таки четверо детей, масса хлопот дома и в саду, да и машина требует ухода.

— О, Чапковы всегда находят время и для общественной работы и для отдыха,— ответил нам за них председатель кооператива.— Ян Чапек — секретарь цехового комитета КПЧ, Мария работает в женском союзе.

...Рытиржовы из города Яблонец тоже самая обычная семья. Инженер Владимир Рытирж работает на заводе в Либерце, получает 3500 крон. Яна преподает в профессионально-техническом училище, ее вклад в бюджет семьи — примерно 2500 крон. Их годовой доход соответствует среднестатистическим данным. Но расхождения все-таки есть. Статистика предполагает семью из трех человек, а у Рытиржовых двое детей — Никола и Ондрей. В среднем по республике на семью приходится треть автомобиля. А перед их домом стоит новая, с иголочки «шкода». Мебель приобретена восемь лет назад, стиральная машина и холодильник служат исправно, вот только телевизор и радиоприемник пришлось недавно сменить на более современные модели.

— Мы же вам говорили, что у нас совершенно обычная семья,— дружно повторили супруги Рытиржовы.— А главное, радость нашей жизни не в одних покупках и приобретениях. Главное, что социалистическая страна наша крепнет...

Мы побывали в трех рядовых чехословацких семьях. Мы пришли к ним, вооружившись статистикой — конкретными цифрами, характеризующими наш сегодняшний уровень жизни. Правда, не все эти цифры отражены в семейных бюджетах. Сюда не заносятся, например, расходы на лекарства — их получают бесплатно,— на лечение в больницах, на учебники, которые выдаются детям в школах. Значительная часть государственного бюджета расходуется на пенсии, различные пособия, стипендии. Все это статистика называет «общественными фондами потребления». Только в прошлом году на каждого жителя республики было израсходовано из общественных фондов 6396 крон. Сюда входят расходы на социальное обеспечение, школы, медицинское обслуживание.

Многое изменилось за прошедшие пять лет. Выросли новые поселки и кварталы. Увеличилось производство товаров для населения, успешно развивалась торговля, сфера услуг. За всем этим стоят заботы наших народных депутатов. Их эстафету продолжат те, чьи имена назовет в эти дни чехословацкий народ.

Рытиржовы в сборе.

Семья Фойту из Римаржова.

А. ФИШЕР, К. УЛИК, П. СМРЖ.
Фото В. Кроппа и А. Штястного (журнал «Кветы»).

НАРОДНОЕ БОГАТСТВО

Юрий БЫЧКОВ

Новый музей-дворец. Просторные залы с мягким, ровно падающим верхним светом. Лучи жаркого солнца, проникая сквозь матовое стекло потолков, наполняют экспозиционные помещения ярким и ровным светом. На улице полуденный азиатский зной, а в залах музея — свежесть горного утра.

Киргизскому государственному музею изобразительных искусств есть что показать людям. Его фонды насчитывают более десяти тысяч произведений художников разных эпох, разных народов.

На цветных вкладках этого, а также 44-го номера «Огонька» читатель имеет возможность познакомиться с выразительным и звучным по чистоте тонов портретом придворной дамы работы французского мастера XVI века, который принадлежал по всем стилистическим признакам к кругу семьи Клуэ — прославленных живописцев эпохи Возрождения, и с характернейшим — торжественным и интимным одновременно — «Портретом неизвестного» кисти выдающегося русского портретиста конца XVIII—начала XIX века Д. Левицкого; с темпераментной живописью поэта русской женской красоты, автора ярких, задорных и удалых «Баб» и «Девок» Ф. Малявина, представленного в Киргизском музее изобразительных искусств жгуче-горячим, восторженно-неудержимым «Ямщиком», и с современным, артистично написанным, полным ритмов и красок сегодняшнего дня этюдом-картиной «В кафе» народного художника СССР Ю. Пименова.

Коллекция музея — настоящая сокровищница искусства.

Работы Д. Левицкого, В. Боровиковского и их современников достойно представляют свое время, время постижения и художественного осмысления русским искусством многогранной человеческой личности. «Портрет бабушки» К. Брюллова во фрунзенской коллекции оказался переходным от достижений искусства конца XVIII века к новой, демократической эстетике, заявившей о себе в творчестве Венецианова, Федотова, Тропинина. В киргизском музее, кстати сказать, В. Тропинин в «Гитаристе» и «Портрете брата художника» предстает во всей характерности своего искусства. «Портрет М. А. Бакунина» кисти страстного правдоискателя и проповедника Н. Ге — это убедительный пример нового, философско-этического искусства. В этой работе мы ощущаем одержимость идеей, поиск истины.

Гордость музея — четыре портретных произведения И. Репина. Примечательно, что самый ранний из них — «Портрет Шевцова» — исследователи относят к концу шестидесятых — началу семидесятых годов, «Портрет историка Соловьева» датирован 1889 годом, а «Портрет Я. М. Венгерова» написан в 1916 году. Почти полувековой путь великого русского художника нашел отражение в коллекции Киргизского музея изобразительных искусств!

Здесь мы увидим блистательный, буквально излучающий счастье, написанный широко и свободно «Портрет Вышеславцевой» К. Коровина и правдиво-достоверную «Шахтерку» Н. Касаткина, покоряющий силой духа «Женский портрет» М. Нестерова и радостный, окрашенный чувством расцветающей юности «Портрет дочери» А. Самохвалова — прекрасного художника, который образами своих незабываемых юных героинь рассказал миру о цветущей молодости Страны Советов.

На первое место в разговоре о прелести и, несомненно, добром, воспитующем влиянии пейзажного жанра следует поставить небольшое, но бесценное по своим эстетическим достоинствам полотно великого Александра Иванова «Оливковые деревья». Возвышенность мыслей художника, философская глубина и цельность его искусства, неукротимая тяга к жизненной правде превращают этюд в произведение живописи, волнующее зрителей и приближающее нас к постижению законов природы и сущности прекрасного.

Крохотный этюд И. Левитана мгновенно воскрешает в памяти известную картину Русского музея «Озеро». И еще одна встреча здесь, в этом музее, той же радостью узнавания заставила затрепетать сердце. Из «Пейзажа с рекой» И. Остроухова, безусловно, выросла его знаменитая картина «Сиверко».

Более чем кстати пришлись киргизскому музею иссык-кульские натурные этюды В. Верещагина. Поражаешься колористической точностью знаменитого баталиста в передаче характера природы Иссык-Куля. Верещагин-путешественник первым увидел триединство воды, гор и неба, нигде не заявляющее о себе в такой мере, как на Иссык-Куле.

Шишкин и Поленов, В. Серов и Рылов, Бялыницкий-Бируля и Нисский, П. Кузнецов и Туржанский, Мешков и Бакшеев... Невозможно не увлечься первоклассными пейзажами этих больших художников.

Корабельная роща под Елабугой у И. Шишкина и задумчивое небо Ближнего Востока В. Поленова; заснеженное крыльцо деревенского дома в тихий зимний день В. Серова и бурно-тревожная летняя ночь А. Рылова; легендарные деревянные храмы и избы Карелии в окружении безмолвных водных просторов В. Бялыницкого-Бирули и расчерченная движением скользящих по зеркалу залива кораблей и яхт водная стихия Г. Нисского; мифологичная и призрачная, подобная миражам, одухотворенная художником природа Казахстана в картинах П. Кузнецова и подчеркнуто материальная земля, небо, табун красно-белых коней в уральском пейзаже Л. Туржанского; элегическая песнь о землях Севера у В. Мешкова и ясный, примечающий мельчайшие подробности быта взгляд на Москву, которой предстоит вскоре решительно изменить свой облик, у В. Бакшеева.

Кончаловский и Дейнека в музее Фрунзе представлены произведениями добротными, высокого достоинства, Осмеркин и Лентулов — работами последнего периода их творчества.

В 1966 году, впервые оказавшись во Фрунзе и с нетерпением ожидая встречи с неизвестными мне шедеврами искусства, я отправился в республиканский художественный музей, размещавшийся тогда в скромном здании, бывшем в дореволюционном Пишпеке торговой палатой. За отсутствием в городе подходящих помещений в музее в те дни проходила отчетная республиканская выставка современных киргизских художников. Она занимала три четверти музейной площади, и постоянная экспозиция, в любом крупном музее представляющая собой только часть грандиозного целого, имя которому «музейный фонд», почти вся ушла из поля зрения посетителей в запасники.

Коллекцию мне тогда показывал Тургунбай Садыков — молодой киргизский скульптор, первый скульптор в истории Киргизии. В ответ на мои сетования по поводу скудости экспозиционных площадей он стал вспоминать:

— Когда я приехал во Фрунзе с юга Киргизии, из Оша, музей находился в бывшей церкви. Сто квадратных метров — вот и все. Но именно там довелось мне испытать потрясение искусством Коненкова, его неистовым духом. Его по-русски удалой, красочно-декоративный «Бурлак» по сей день стоит у меня перед глазами именно таким, как я увидел его впервые в гулком помещении переоборудованной под музей церкви. Там восхитил меня своим детским очарованием «Итальянский мальчик» Анны Семеновны Голубкиной. Там мне открылся Ласло Месарош, увлеченный постижением восточной пластики. Судьба занесла венгерского скульптора во Фрунзе в середине тридцатых годов. Он оказался, по сути, первым скульптором-профессионалом, обратившимся к нетронутому киргизскому материалу. Национальный тип лица, выраженный в скульптурной пластике,— приоритет Ласло Месароша. Со страстью запечатлевал он в объемах и формах характерность киргизов. Тогда, именно тогда я увидел, что первый шаг в пластическом постижении моего народа сделан. Нам предстоит сделать следующий шаг — постичь и выразить его духовность...

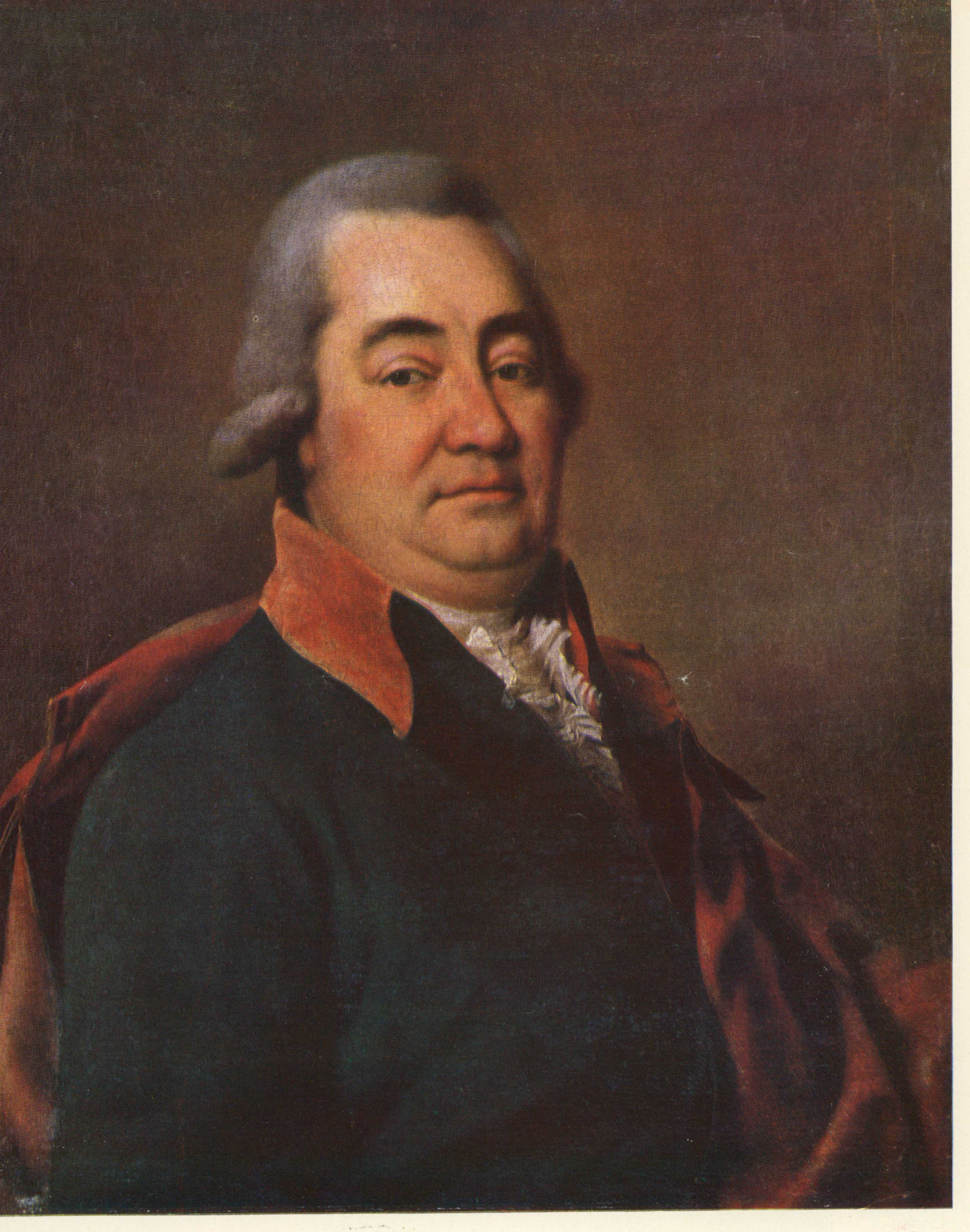
Талантливый юноша из аила Говсувар Тургунбай Садыков приехал в столицу республики учиться на скульптора в 1954 году. А музей, так поразивший его воображение, давший сильнейшие импульсы для дальнейшего развития его творчества, родился в 1934-м.

Семен Афанасьевич Чуйков, один из зачинателей и организаторов киргизского советского искусства, рассказывал мне, как он, будучи председателем организационного комитета Союза художников Киргизии, в 1934 году отправился из Фрунзе в Москву, как попал на прием к заведующему музейным отделом Наркомпроса РСФСР, старому большевику Феликсу Яковлевичу Кону, как увлек его своим взволнованным, подробным рассказом о Киргизии, о первых успехах строительства новой, социалистической культуры в далекой горной республике, как убежденно доказывал, что трудно, почти невозможно налаживать художественную жизнь, растить национальные кадры художников без музея, без подлинников великого искусства прошлого. И Кон дал предписание Третьяковской галерее и музейному фонду Наркомпроса выделить для создаваемого Киргизского государственного музея изобразительных искусств 72 оригинальных произведения русской и западноевропейской живописи. О многих из них и идет речь в нашем очерке. В том же году для музея приобрели работы киргизских художников с первой республиканской художественной выставки.

Соратником Чуйкова был исключительно даровитый художник — живописец В. Образцов. В 1920 году, после учебы в Ташкентской народной художественной школе в мастерской Исупова, по направлению Наркомпроса он едет в Пишпек организовывать учебно-художественные мастерские; они просуществовали полтора года и были закрыты из-за отсутствия средств. В начале двадцатых годов Образцов — един-

Круг Клуэ.
Франция, XVI век.
ПРИДВОРНАЯ
ДАМА.

Д. Левицкий. 1735—1822. ПОРТРЕТ НЕИЗВЕСТНОГО.

ственный художник в этих краях: уроженец Пишпека С. Чуйков учился в то время в Москве, во ВХУТЕИНе. Образцов сотрудничает в газете, ведет педагогическую работу, оформляет спектакли в театре, воспитывает молодых художников, пишет картины. В музее хранятся девятнадцать его живописных и графических работ — бесценное наследие мастера, чье искусство запечатлело духовно-нравственную атмосферу тех лет, утро социалистической Киргизии. Его небольшая по размерам картина «Слушают радио» необыкновенно возвышенно и правдиво передает чувство новой жизни, пришедшей на киргизскую землю.

Творчество и подвижническая жизнь этого художника оказали сильное влияние на киргизское искусство в период его становления. В портретах и композициях С. Чуйкова, созданных в тридцатые годы, та же очарованность характером нового человека, та же увлеченность открытым цветом. В его «Комсомолке», написанной в 1934 году, в этом раннем полотне прославленного живописца, буквально с первого взгляда привлекает колористическое богатство. «Мне кажется,—писал С. Чуйков,— колорит — это не сила цвета и не его количественное богатство или бедность, а также не интенсивность или бледность. Колорит — это гармония цвета, система сочетаний и взаимоотношений их.

Не всякая картина имеет то, что можно назвать колоритом: там, где нет гармонии, «цветовой музыки», там нет колорита. Когда цвета картины «поют» какую-то одну определенную мелодию, ясную, стройную и законченную, тогда мы имеем дело с живописным колоритом, в противном случае они остаются только цветами, красками...

Если так понимать колорит, то станет понятным и то, почему, каким образом он может помогать выражению содержания картины и, следовательно, ее идеи».

«Комсомолка» — именно такая картина. Идея всепобеждающей молодости выражена сильным, звучным, струящимся светом, великолепной гармонией красно-фиолетовых и розово-палевых тонов.

Мягкие, нежные, серебристо-жемчужные тона, мелодичная, задумчивая живопись, будто неторопливо льющаяся песня, как нельзя лучше выражают природу Киргизии. Этот киргизский колорит пейзажей Гапара Айтиева — достоинство национальной живописной школы.

В новом здании музея наряду с картинами основоположников и ветеранов киргизского искусства — В. Образцова, С. Чуйкова, Г. Айтиева, С. Акылбекова, А. Игнатьева — широко экспонируются работы молодых живописцев: Мэлса Акынбекова, Сатара Айтиева, Джамбула Джумабаева, Сапара Торобекова, Амана Асранкулова, Белека Джумабаева, Александра Воронина, Турсунбека Койчиева. Унаследовав от старшего поколения стремление к жизненной правде и поэтичное отношение к родной земле, молодые художники смелее, шире используют метафоричность художественного языка и декоративные качества цвета. Они стремятся к непосредственному, эмоциональному отображению действительности, размышляют над проблемами века.

На всесоюзной выставке «Слава труду», посвященной XXV съезду КПСС, киргизское искусство представляли главным образом молодые живописцы — А. Асранкулов, показавший картину «Металлург Тишеев», Б. Джумабаев — «Осеннюю пашню», А. Воронин — «Синий город», С. Ишенов — «В райцентр», С. Айтиев — «Песню гор». Картины Джамбула Джумабаева «Весть» и Сапара Торобекова «Сумерки» удостоены дипломов Академии художеств СССР, а работа талантливого молодого мастера Мэлса Акынбекова «В долине Алай-Ку» приобретена Государственной Третьяковской галереей.

Вглядываясь в тонкое по чувству, отмеченное печатью высокой живописной культуры полотно Джамбула Джумабаева «Проводы на учебу», примечаешь в его искусстве и доброе влияние поэтического мироощущения Г. Айтиева, и усвоенные им от С. Чуйкова уроки колористического мастерства, и умение передать атмосферу времени, что было бесценным даром В. Образцова.

Нынешний председатель Союза художников Киргизии Тургунбай Садыков, сознавая свою личную ответственность в создании киргизской скульптурной школы, энергично способствует росту музейного фонда. Недавно во Фрунзе по железной дороге прибыл драгоценный груз — коллекция слепков с шедевров мировой пластики, подаренная Советскому Союзу Надей Леже, вдовой французского художника-коммуниста Фернана Леже.

Всемирно известный Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина начинал свою жизнь с подвижнического труда профессора Цветаева по созданию слепков с великих творений скульпторов прошедших эпох. Для скульптурного отдела Киргизского музея изобразительных искусств выполненные на высочайшем техническом уровне, то есть весьма близкие к оригиналу, слепки фидиевского «Шествия девушек» (фрагмент фриза Парфенона), «Лучника из Суз» (фрагмент изразцового фриза царского дворца в Сузах, древний Иран), «Бога Амона с Тутанхамоном» (Древний Египет, XIV век до н. э.), «Умирающего раба» Микеланджело, «Крестьянина, несущего связку хвороста» (Нотр-Дам, Париж) и еще два десятка слепков с шедевров мирового искусства многое значат. Скульптор Садыков сегодня, подобно живописцу Чуйкову в 1934 году, смотрел далеко вперед, когда сумел доказать в Москве, что коллекция Нади Леже наибольшую пользу принесет в далеком Фрунзе.

В киргизском музее складывается ценная коллекция скульптуры. Советская пластика, например, представлена блестящими именами А. Голубкиной, С. Коненкова, И. Шадра, В. Мухиной, Е. Белашовой. Здесь собрана замечательная коллекция работ Коненкова, и в этом заслуга директора музея К. Усубалиевой. Кульджаке Ниязалиевна была желанным гостем в мастерской выдающегося скульптора России; следствием этой дружбы и большого взаимного уважения стал бесценный коненковский фонд во Фрунзе. Сергей Тимофеевич оказался наставником первого киргизского ваятеля Тургунбая Садыкова. Ныне Садыков — наставник киргизской молодежи и деятельный помощник музея...

Музей, обладающий настоящими сокровищами искусства,— гордость Советской Киргизии, всей нашей страны.

Н. Анненков и Ю. Соломин в «Униженных и оскорбленных».

Фото И. Ефимова

премьера

НА СЦЕНЕ— ГЕРОИ ДОСТОЕВСКОГО

Есть мнение, и справедливое, что творчество Федора Достоевского трудно, неподатливо для инсценировки, что в основе своей оно несценично: ведь мир его героев — это более всего мир внутри них самих, нематериальный, невещественный, но вместе с тем такой ощутимый, густой, порою давящий — мир души человека. Мученический, болезненный, и вдруг с острыми вспышками радости и счастья; угрюмый, дремотный и вдруг ослепляюще вдохновенный; чистый и светлый, и неожиданно пронизанный жертвенными страданиями, самоуничижением.

Чтобы воссоздать хоть какую-то часть его на сцене, по-своему отграниченной от живой жизни даже самой спецификой театра, мало проникнуть, следуя авторской мысли, в глубину этого мира, надо еще п р о н и к н у т ь с я им. Отозваться всем существом. Разделить его страдания и порывы.

Здесь неприемлем малейший схематизм в игре актера. Неприемлема внешняя «механика» так называемого нового режиссерского прочтения классики, время от времени возникающая на театральных подмостках и порой безудержно огрубляющая, упрощающая идею произведения, отнюдь не приближая его, как думают иные, к современному зрителю. Напротив, отдаляя.

С высокой творческой требовательностью к себе и актерской труппе подошел народный артист РСФСР Е. П. Велихов к инсценировке и постановке «Униженных и оскорбленных» Ф. М. Достоевского на сцене Малого театра. Как это нередко случается, в инсценировке исчезли и некоторые эпизоды романа, и некоторые его герои. И это усложнило задачи актеров, которым пришлось договаривать, домысливать то, что осталось, так сказать, за сценой. Но в данном случае, это во многом помогло более четко выявить для нас, сегодняшних зрителей, главную идею весьма противоречивого романа, собрать в единое целое разноликую многослойность характеров действующих лиц, сосредоточив наше внимание на важнейших конфликтах.

Поединок между добром и злом, неизбежно присутствующий в каждом творении великого русского писателя, приобретает законченность, определенность и сулит надежду на лучшую жизнь для униженных и оскорбленных мира сего. И крах для тех, кто помыкает людьми, попирает человеческое достоинство...

Благодаря интересной, сложной игре актеров Малого театра перед нами проходят образы людей слабых, но не жалких. Смешных, но не забавных. Властных, но не сильных... Неоднозначных. Достаточно вспомнить народного артиста СССР Н. Анненкова в роли Ихменева — человека, потерявшего и вновь обретшего единственную дочь. На наших глазах переносит он смертельный удар и возрождается для любви и счастья. Сколько же достоинства и гордости даже в слезах этого, кажется, обессилевшего, оскорбленного старика; как беспредельно, как единственно в своем роде и как близко нам страдание отца в исполнении этого большого актера! Каждое появление его на сцене сообщает залу новое настроение, новый оттенок переживания: тут и сочувствие, и удивление, скорбь, радость...

В то время как герой народного артиста РСФСР Н. Подгорного князь Валковский вызывает в нас чувства явно противоположные. Уже этот журчаще-монотонный, вкрадчивый голос как бы неожиданной фальшивой нотой взрезает общий хор страждущих, волнующихся, негодующих голосов «оскорбленных». Кошачья походка и мягкие жесты среди издерганной беспорядочности других движений настораживают, заставляют внимательнее, с опасной присмотреться к князю. И тем контрастнее на фоне его милой обходительности и фамильярности видна эгоистичная, себялюбивая сущность властолюбца и циника, человеконенавистника.

Конечно, не все актеры смогли в полной мере раскрыть своих героев в спектакле. Но все они по-своему — Ю. Соломин в роли Ивана Петровича, А. Евдокимова — Наташа, Э. Марцевич — Алеша, Л. Щербинина — Нелли — рассказывают нам о потерянной, не состоявшейся, по вине того смрадного общества, любви.

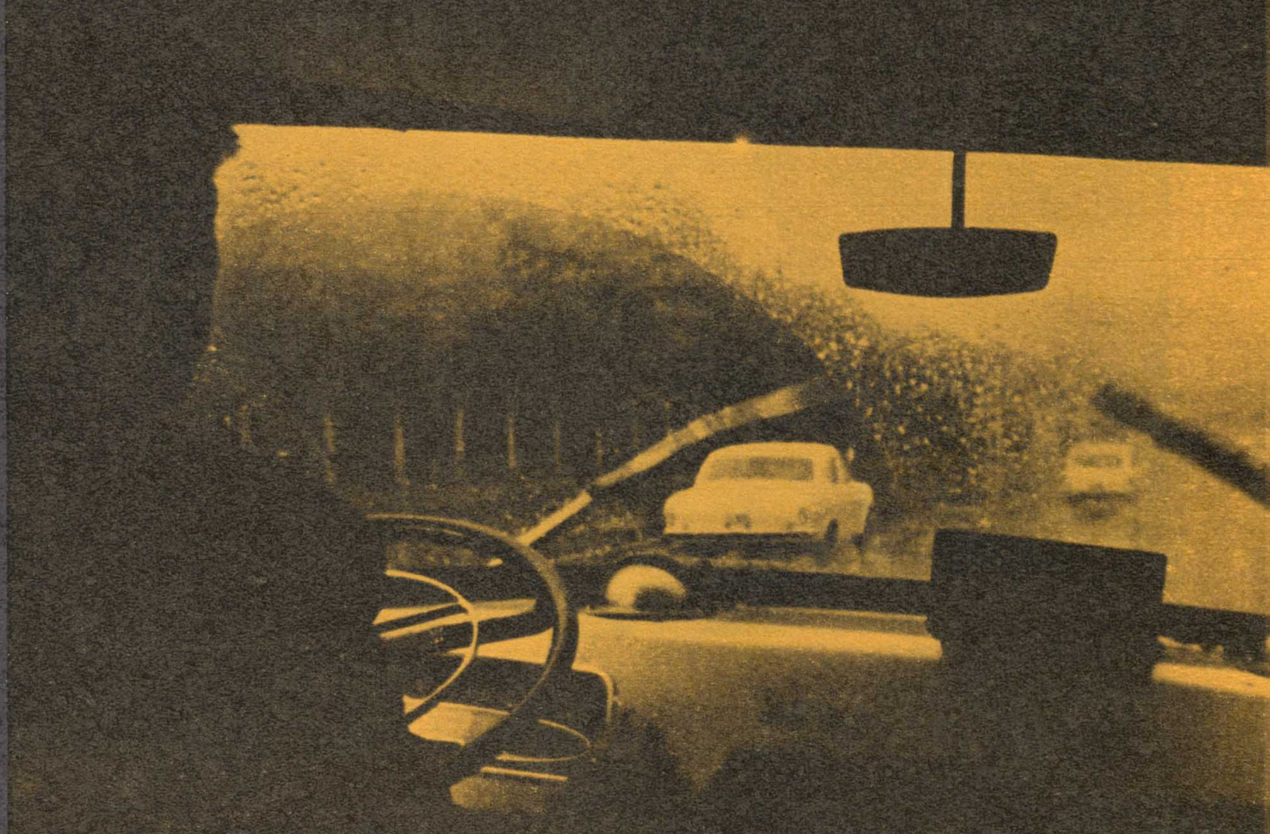
Н. АЛЕКСЕЕВА

Невидимый

Группа спешит по вызову. ▶

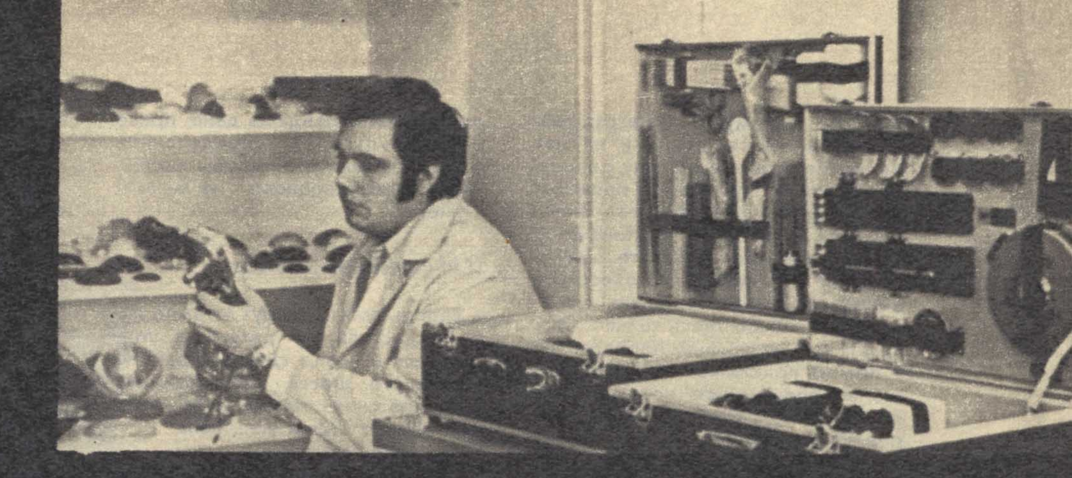
Дежурные ГУВД по городу И. В. Ветров, В. П. Замарайкин.

Старший эксперт Ю. В. Журавлев, начальник отделения С. И. Филатов.

Трасологическая лаборатория. Эксперт А. Овчинников.

Эксперты начинают осмотр...

Химический анализ проводят эксперты Ю. Горшенин и К. Чижов.

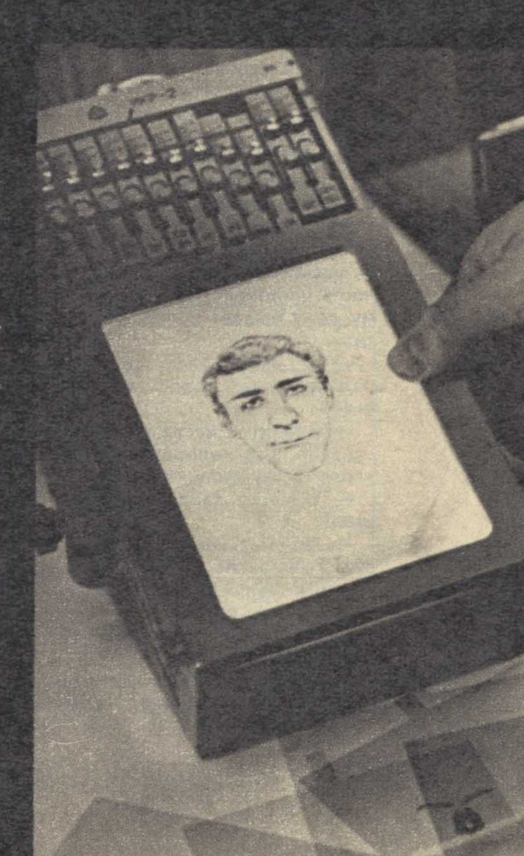

Б. СМИРНОВ,
фото А. БОЧИНИНА,
специальные корреспонденты «Огонька»

МОСКВА, ПЕТРОВКА, 38

Предъявляем пропуска и входим в Главное управление внутренних дел Мосгорисполкома.

Обычный, как в любом учреждении, длинный кори-

Портрет, собранный из изображений отдельных частей лица, называется «фоторобот».

дор. Но почему-то кажется: сейчас распахнется дверь и из нее выскочит детектив, на ходу поправляя оружие, или конвой проведет на допрос преступника, или... Смешно и говорить, но почему-то таким представляется это здание изнутри по некоторым повестям и кинофильмам. И невольно думаешь, что работа здесь только и состоит что из погонь, перестрелок и прочих приключений. Без них тоже не обойдешься, но, как говорится, не погоней единой... В этом репортаже мы решили рассказать о криминалистах, и хотя слово «криминалист» в переводе означает «относящийся к преступлению», речь здесь пойдет о вещах, казалось бы, далеких от темы: электронике, невидимых лучах и химических реакциях.

— Только не спешите забираться в наши кабинеты!— советует начальник научно-технического отдела ГУВД Василий Григорьевич Манаенков.— Включайтесь в дежурную группу, дождитесь вызова и поезжайте набираться впечатлений!

КАБИНЕТ ЭКСПЕРТА

Белые шкафы, белые столы, два телефона, стулья на колесиках. Сергей Иванович Филатов, дежурный эксперт, второй раз вытряхивает пепельницу, полную окурков. Не исследуемых, а самых что ни на есть обыкновенных. Сегодня мы уже пять часов томимся у телефонов. Странно как-то вот так сидеть и представлять себе, что где-то, наверное, какой-то человек только задумывает совершить свое черное дело, а мы уже начеку... Но пока, как говорится, суд да дело (вернее, пока до суда и дела еще далеко), мы «допрашиваем» Сергея Ивановича, или попросту Сергея, потому что эксперту от роду всего двадцать семь лет.

— Нам что, просто не везет, или дежурства всегда проходят так спокойно?

— Почему же, бывает и по нескольку вызовов за сутки. Кражи, угоны автомашин... Есть даже своя сезонность: наступают холода — жди вызовов в гаражи, там шоферы выхлопными газами иногда отравляются. А летом чаще идут квартирные кражи...

— Вам, наверное, со всякими делами приходится сталкиваться?

— За семь лет-то? Вот, смотрите.— И Филатов вынул из стола две общие тетради. Исписаны от корки до корки. Каждая строка — запись об исследовании. Страницы разлинованы в клеточку, записи идут подряд.

— Не думайте, что тут за каждой строкой — преступник,— объясняет Сергей.— Часто приходится устанавливать как раз невиновность человека. Потом, по одному делу бывает несколько экспертиз...

— А зачем вот эти фамилии подчеркнуты красным карандашом?

— Значит, исследование подсказало, что человек причастен к уголовному делу.

— И ваше заключение решающее?

— Почему же? Есть следствие, суд. Роль экспертизы часто бывает вспомогательной, нередко — основной, а порой единственной возможностью получить верную картину событий.

Мы во все глаза смотрим на своего собеседника, которому росчерком карандаша дано право решать — пусть в определенной мере, но решать — судьбы людей. Такая ответственность! И в этот момент...

ТЕЛЕФОННЫЙ ЗВОНОК

Теперь события идут в темпе самого настоящего детектива. Минут десять назад где-то в районе Рязанского шоссе взволнованная женщина сняла телефонную трубку, набрала «02» и услышала:

— Милиция!

Это на Петровке в длинном, светлом зале заработал один из десятков аппаратов. Телефонистка принимает сообщение, и через минуту дежурный по городу (сегодня — полковник милиции Ветров) уже знает: в жилом доме соседи обнаружили взломанную дверь одной из квартир. Щелчок тумблера на пульте — вызван райотдел милиции: «Предполагается квартирная кража». Еще щелчок — связь с патрульной машиной: «Следуйте по адресу...» Теперь минут пять ожидания, пока машина промчится по переулкам, пока патруль, прибыв по адресу, доложит: «Кража подтверждается!» И. В. Ветров снова снимает трубку: «Оперативная группа — на выезд!».

ДЕЖУРНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

На пороге, прячась от мелкого дождя, нас ждут трое. Знакомимся: инспектор уголовного розыска, следователь прокуратуры, судебный врач. Впрочем, врач не едет: случай не тот. Из глубины двора, со стороны вольера, появляется проводник с собакой, или, как здесь называют, кинолог. Вот и машина. Теперь в путь.

УЛИЦЫ МОСКВЫ

Ни рева сирен, ни визга шин на крутых поворотах. Едем быстро, но как-то очень спокойно. Только на перекрестках водитель нашего желто-синего микроавтобуса чуть-чуть просительно подсигналивает, и этого достаточно — следуем без единой остановки. Лабиринт переулков, двор, нужный подъезд.

ДВЕРЬ

Вся группа — конечно, в окружении любопытных — на лестничной площадке. Дверь в квартиру приоткрыта. Замок наполовину вывалился из своего гнезда — видно, его поддели каким-то инструментом. «Фомкой» орудовали,— бормочет себе под нос следователь и недовольно морщится: из такой хлипкой двери «вытряхнуть» замок ничего не стоит.

Вперед выходит Филатов. Все остальные ждут. Сергей целится аппаратом на замок, щелкает вспышкой. Еще, под другим углом, чтобы получилась каждая царапина... Входит в квартиру, осторожно ступая между разбросанными вещами. Вспышки направо, налево... Потом Филатов раскрывает свой спецчемодан с целой коллекцией необходимых для эксперта инструментов, приспособлений. Достает раздвижную пилу-ножовку, выпиливает кусок двери с многострадальным замком. Мягкой кисточкой и каким-то порошком «проявляет» следы пальцев на серванте, на ручках. Внимательно осматривается. Прикидывает, к чему еще могли прикоснуться преступники. Следы, нужны следы...

Всех действий эксперта мы описывать не станем, ведь в каждой профессии, а в этой особенно, есть свои секреты. Скажем только, что «добычей» Филатова стали обрезок проволоки, чешуйка дверной краски, щепотка подсохшей грязи.

СНОВА ПЕТРОВКА, 38

День следующий. Мы путешествуем по лабораториям научно-технического отдела вслед за добытыми «трофеями» из квартиры. Замок, например, достался трасологам.

Высокий, похожий на тяжелоатлета эксперт Саша Овчинников осторожно, как ювелирную ценность, держит в больших руках этот искореженный «дверной механизм». Внимательно разглядывает. Потом сноровисто разбирает замок, укладывает одну из деталей под микроскоп. Заметив что-то интересное, нажимает на спуск вмонтированного в микроскоп фотоаппарата.

— Объясните, пожалуйста, что тут изучать? Ясно, что замок был взломан...

— Не совсем так!— возражает Овчинников.— На внутренних деталях замка есть зазубрины, значит, его прежде пытались открыть. Для следствия это новая деталь. А не мог ли такие зазубрины оставить «свой» ключ, скажем, неосторожно вставленный хозяином? Сейчас проверим...

Ключом хозяев замка эксперт прочертил на контрольной железной пластинке легкие царапины. Эту пластинку вместе с деталькой замка поместил в какой-то непонятный прибор.

— Сравнительный криминалистический микроскоп. Наводим фокус... так... теперь посмотрите в окуляры!

Виден круг, как бы разделенный чертой пополам. В каждом полукружье множество неровных бороздок.

— Это сильно увеличенные царапины: слева — на контрольной пластинке, справа — на детали замка. Если царапины оставлены одним предметом, вот этим ключом, бороздки справа и слева должны совместиться. Сейчас попробуем...

Овчинников надолго застыл у прибора, вращая какие-то ручки. Наконец отстранился от окуляров.

— Не совпадают. Царапины в замке оставлены посторонним предметом. Можно предположить: прежде чем ломать дверь, кто-то пытался подобрать ключ. А замок пустячный, значит, взломщик, видать, был неопытным. Понимаете, какой ключ к следствию? Но эти выводы я для вас делаю, в виде исключения,— улыбается Саша,— эксперт-трасолог не должен выходить за рамки конкретного ответа: что за след он исследует, каким предметом след оставлен... Другие вопросы, как говорится, вне нашей компетенции. Эксперт не версии строит, а исследует факты...

ЛАБОРАТОРИИ

Впечатление такое, словно расследование вчерашней кражи происходит именно здесь, в тихих комнатах, а не в шумном жилом районе у Рязанского шоссе. Там, мы знаем, следователь допрашивает свидетелей, проверяет возникшие версии, а здесь точным и конкретным языком говорят немые «свидетели» происшествия. Вот химическая лаборатория, как ее здесь называют, «мокрая химия». Исследуется чешуйка краски: может быть, она просто отвалилась от двери, а может, ее занес на своей одежде преступник? Юрий Андреевич Горшенин, опытнейший эксперт, выведывает биографию этой ничтожной засохшей капли: что это за краска, где изготовлена, на каком растворителе замешана, как давно засохла. Круг следствия должен сузиться...

— Подобные анализы часто оканчиваются неожиданно,— рассказывает начальник отделения специальных исследований А. П. Тимохин.— Помню такой случай: какой-то автомобилист сбил человека и скрылся. Пострадавшего в тяжелом состоянии доставили в больницу. На одежде его обнаружили след от краски, дали нам на исследование. Я проверяю: действительно, автомобильная нитрокраска, причем многослойная, видно, машину не раз перекрашивали. Подозрение следствия падало на один старенький «Москвич», но водитель все отрицал. Я еду на автобазу, беру пробы краски с крыльев машины, с капота: близко, но не то. А у эксперта есть право только на два ответа: либо «да», либо «нет», никаких «приблизительно». Как тут быть? Рабочий день заканчивается, иду домой и, верите ли, уже ночью вдруг соображаю: автомобиль сбил человека на большой скорости, в этом случае пострадавшего подбрасывает вверх, значит... значит, надо искать на крыше! Рано утром мчусь на автобазу, сразу же начинаю осматривать крышу — есть вмятина! Беру пробу краски, возвращаюсь в лабораторию — теперь все в точности совпадает! Водитель сознался...

Еще одна лаборатория. В руках эксперта Валерия Сергеевича Заворыкина кусок провода. Вчера на месте кражи мы видели: провод торчал из двери, грабитель (или грабители) перерезал его, посчитав, скорее всего, что это сигнализация.

— Попробуем определить, каким ножом резали.

— Как, можно узнать, «финка» это была или охотничий нож?

— Нет, такой ответ характерен, скорее, для трасологов. Мы определим, что за марка стали у лезвия или характер сплава. На месте среза обязательно остались микрочастицы. Вот и займемся ими...

Установка в полкомнаты. Эксперт укрепляет обрезок провода на предметном столике, закрывает крышку установки. Смотрит через глазок, что-то регулирует.

— Эта часть установки — бинокулярный микроскоп. Увеличение в двести раз. Взгляните...

Наверное, так выглядит лунный пейзаж. Серые холмы, впадины.

— Другая часть установки — лазерный излучатель. Сейчас увидите его действие. Внимание!

Что-то ярко блеснуло в приборе, щелкнул разряд. Снова смотрим в окуляры: в лунном пейзаже возник новый кратер.

— Лазерный поток ударил в срез провода и выбил воронку размером в десять — двадцать микрон,— объясняет Заворыкин.— Металл в этом месте испарил-

ся, а испарения уловил спектрограф. Спектр металлов через призму проецируется на фотопластинку, как бы фотографируется. Теперь проявим и получим вот такой спектр.— Эксперт взял уже готовую пластинку.— Кстати, похожее исследование — это по делу срезанного с автомобиля приемника... Видите, линии разной величины. Это линия меди, это олово, а это никель, железо, марганец... Медный провод перерезан стальным ножом. У человека, которого подозревали, нашли нож, проверили марку стали — она оказалась такой же, как на срезе провода.

— И владелец ножа сознался?

— С лазером не поспоришь...

— Да, к такой установке и подойти-то без специальных знаний страшно.

— А у нас без специальных знаний делать нечего. Во всех лабораториях—физики, химики, микробиологи...

— Ну, а ваша первая специальность?

— Окончил институт стали, потом занимался рентгеноструктурным анализом.

— Есть ли возможность продолжать здесь научную работу?

— Было бы желание... Случаются очень неожиданные заявки. Недавно принесли изделия из найденного клада — там были украшения из непонятных золотых сплавов. Пришлось разработать новый метод анализа...

«Наша» кража казалась уже простым, заурядным делом рядом с теми проблемами, которыми приходилось заниматься криминалистам. Здесь — спектрофотометр, микрофотосъемка, электронные весы, инфракрасные лучи, а там—воришки... Неужели столько усилий, знаний надо приложить для того, чтобы изобличить преступника? И чем дольше мы были в лабораториях, тем больше убеждались: понятий «важное дело» и «неважное дело» здесь нет. За любым происшествием, от мелкого воровства до убийства, стоят люди, и оценка их действий — в любом случае — должна быть предельно объективной, бесспорной и справедливой.

СЛЕДСТВИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Сергей Филатов — дактилоскопист. В этой специальности больше всего приходится полагаться на собственные глаза, внимание и память. Попробуй запомни все эти спирали, дуги и завитки на кожном узоре человеческих пальцев! А дактилоскопист порой запоминает их наизусть, когда просматривает подряд сотни отпечатков в картотеке в поисках только одного, неповторимого, нужного...

Сейчас на столе у Филатова только два следа. Чьи они — двух человек? Или одного?

— Тут по вчерашней краже новости появились,— сообщает Филатов.— Задержали одного, взяли отпечатки. Сравниваю. Кажется, совпадают.

— Значит, дело закончено?

— Вы спешите... Я еще своего «да» не сказал. Если даже «да», вину человека еще надо доказывать. Следствие продолжается...

И Филатов как бы в подтверждение своих слов бросил взгляд на стол. Красный карандаш, которым он подчеркивает фамилии установленных преступников, еще покоился где-то в недрах стола...

ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦА

Советскому журналисту-международнику, спецкору «Правды» Олегу Игнатьеву, довелось совершить восемь поездок в партизанские районы Анголы, Мозамбика и Гвинеи-Бисау. В общей сложности около года провел он в отрядах народно-освободительных армий.

После свержения фашистского режима в Португалии О. Игнатьев дважды ездил в эту страну, а также в столицы Островов Зеленого Мыса, Гвинеи-Бисау, Анголы и Мозамбика. Результатом всех этих его поездок стали три книги, вышедшие недавно.

Широкий кругозор, глубокое знание истории национально-освободительных движений Анголы и Мозамбика — все это помогло автору ярко и убедительно рассказать об увиденном и пережитом. Читатель как бы сам становится участником событий, о которых повествует автор.

Одна из книг О. Игнатьева — документальная повесть об Амилкаре Кабрале. Студент Высшего института агрономии, делающий первые шаги в движении студентов-африканцев в Португалии; инженер — агроном на опытной станции в Бисау, уже выработавший план создания настоящей организации борцов, способных повести за собой массы; и, наконец, основатель ПАИГК— партии, сплотившей и поднявшей народ Гвинеи-Бисау и островов Зеленого Мыса на успешную борьбу против колониального господства.

Олег Игнатьев близко знал А. Кабрала, много раз встречался с ним в Африке и в Москве. Потом в течение двух лет неоднократно встречался с людьми, непосредственно работавшими с Кабралом, расследовавшими его убийство, читал документы, стенограммы допросов, после чего написал документальную повесть «Три выстрела в районе Миньер», которая раскрывает механику этого злодейского преступления португальского фашизма.

ПИДЕ (португальская охранка), колониальные власти в Бисау в течение многих лет пытались проникнуть в ряды партии, не раз их агенты были разоблачены сотрудниками службы безопасности ПАИГК. Главную ставку Лиссабон сделал на людей, случайно попавших в ПАИГК, ищущих в освободительном движении только личную выгоду и легкую наживу. И такие люди нашлись. Журналист подробно показывает, как ступили на путь предательства и измены бывшие члены партии, как плелись сети заговора, завершившегося выстрелами в ночь на 21 января 1973 года.

Завершает эту трилогию книга о последних днях португальской империи. Автор вновь проводит читателя по местам, уже не раз им пройденным. Мы встречаемся с людьми, хорошо знакомыми Игнатьеву по совместным походам в партизанских отрядах... Политкомиссар одного из районов Южного фронта в Гвинее-Бисау Константино Тейшейра, Педро Пирис, один из руководителей ПАИГК, Виторина Пиош, директор приюта для детей-сирот в Мозамбике и еще десятки людей, полных энергии и энтузиазма. Сейчас перед ними стоят новые организационные и хозяйственные задачи. Книги Олега Игнатьева читаются с большим интересом и дают богатую информацию о новых независимых африканских государствах.

Т. АНДРИАСОВА

«Амилкар Кабрал — сын Африки». М., Политиздат. 1975, 159 стр. «Три выстрела в районе Миньер». М., Профиздат. 1976, 144 стр. «Последние дни португальской империи». М., «Советская Россия», 1976, 93 стр.

ПОЗИЦИЯ СОЛДАТА

Уже давно не просыпаются в холодном поту от кошмарных видений солдаты Великой Отечественной, уцелевшие в той войне, и все — чудом.

В суровых битвах Великой Отечественной войны сформировалось целое поколение. Поколение это имеет одну особенность: и сегодня, спустя тридцать лет после войны, оно меряет жизнь, дает нравственные оценки людям, событиям собственной фронтовой мерою.

Проза азербайджанского писателя Г. Аббасзаде обладает и ярким национальным своеобразием и печатью индивидуального мастерства автора, его характера и темперамента. Но главную ее особенность составляет причастность Г. Аббасзаде к тому поколению юных рядовых и лейтенантов Отечественной, которые вошли в нашу литературу лет пятнадцать — двадцать назад.

В заглавной повести, давшей название его последней книге — «Четыре воскресенья», писатель ставит и разрешает нравственные проблемы нашего сегодняшнего существования так, как не мог бы сделать представитель любого другого поколения. Чистая совесть участника войны не одни только права дает. Она накладывает на человека и святейшую обязанность во всех испытаниях мирной жизни хранить свое имя незапятнанным.

Священная память об азербайджанском солдате, отдавшем свою жизнь за освобождение далекой, чужой страны, Италии, от фашизма, ведет повествование следующего произведения Г. Аббасзаде — «Гость издалека». Память эта, утверждает автор, не знает ни временных, ни пространственных границ. Она стала судьбою новых поколений. Итальянский юноша, сын азербайджанца-партизана, приезжает в горную деревню Гараселли, на родину своего отца — человека, которого сам он никогда не видел, не знал ни его языка, ни обычаев его страны. Привел юношу в этот край голос крови, голос памяти. Счастливое чувство интернационального братства народов родилось в общих страданиях, в общей борьбе.

Рассказы Г. Аббасзаде в большинстве своем посвящены нравственным проблемам сегодняшнего дня. Но и в них ясно ощутима позиция солдата Отечественной, его жизненный опыт и душевная цельность.

М. ХОЛМОГОРОВ

Гусейн Аббасзаде. «Четыре воскресенья». Повести и рассказы. М., «Советский писатель». 1975. 288 стр.

«Потерянный кров». Фото М. Строкова

гастроли НРАВСТВЕННЫЙ ПОИСК

Уже сама гастрольная афиша Государственного Академического театра драмы Литовской ССР в Москве дает представление о творческих устремлениях коллектива, о проблемах, которые он хочет обсудить со зрителем. Среди спектаклей, привезенных в столицу, «Протокол одного заседания» Гельмана, «Село Степанчиково и его обитатели» по Достоевскому, «Потерянный кров» по роману лауреата Ленинской премии Авижюса, «Миндаугас» Марцинкявичюса... Все эти разные спектакли очень разных авторов выражают творческое кредо литовского коллектива, цель его художественных поисков — заглянуть поглубже в человеческую душу, повести разговор о нравственном долге человека перед собой и перед своим народом.

Большой временной разрыв отделяет драму-поэму «Миндаугас» от «Потерянного крова» — тринадцатый век и недавнее прошлое, период фашистской оккупации Советской Литвы. Но в сознании зрителя невольно прокладываются мостки из одной эпохи в другую: философские раздумья театра о судьбе родины, ответственности человека и перед своей землей и перед ее людьми, незаурядные личности, взятые в кульминации исторического развития, связывают обе эти постановки.

Герой «Миндаугаса» — основатель Литовского государства, не останавливающийся ни перед чем ради владеющей им идеи — создания единой, сильной Литвы. Убийства, предательство, ложь — все дозволено на пути к цели. Теряя друзей, родных, теряя человеческую доброту и порядочность, князь теряет и себя как человека. Регимантас Адомайтис в роли Миндаугаса создает образ трагический. Трезвый ум князя беспощаден к себе так же, как и к другим. Во второй части спектакля напряжение страдающей и неудовлетворенной души князя, мучительный разлад его мысли и совести достигает высшей точки. Глубина нравственных страданий передана актером и постановщиком (главный режиссер театра — народный артист Литовской ССР Генрикас Ванцявичюс) без особых внешних эффектов, сдержанно. Большинству литовских актеров свойственна некоторая сдержанность, суховатость сценического поведения. В драме Марцинкявичюса такая строгость, холодноватость придает спектаклю особую тональность, становится одной из красок, оттеняющих стилистику исторически далекой, но рождающей в нас живой отзвук средневековой саги. Прекрасная музыка Э. Бальсиса, лаконичное оформление Ф. Навицкаса способствуют монументальности спектакля.

«Потерянный кров» — сценический пересказ замечательного романа Йонаса Авижюса. Пожертвовав многими его сюжетными линиями и персонажами, создатели инсценировки сосредоточили все усилия на раскрытии темы ответственности человека. Как должен он жить в момент, когда решается судьба его родины, всего человечества? Можно ли оставаться честным, можно ли сохранить себя, свою личность, не вмешиваясь в кровавые события войны, не сопротивляясь, со стороны наблюдая смертельную схватку Добра и Зла? Нет, страстно утверждают авторы спектакля, главный его герой, учитель и поэт Гедиминас Джюгас, приходящий в конце концов к пониманию неизбежности активной борьбы.

Спектакль получился небезупречным: трудность воссоздания множества эпизодов романа требует особого решения разноплановых сценических кусков, соединения их в едином ключе, а такое единство достигается режиссером не всегда. Тот же упрек можно обратить и к некоторым исполнителям...

Острота проблематики, наличие интересных актерских индивидуальностей, серьезность и профессионализм режиссуры — вот ценности, которыми обладает вильнюсский театр. Ценности очевидные, обеспечивающие любовь к нему зрителей.

Н. БАБОЧКИНА

ДЕТЯМ МИРА

Игорь Мотяшов. Авторитет доброго слова. М., «Детская литература», 1975, 287 стр.

Велика держава советской детской литературы. Талантливые писатели, лучшие художники-иллюстраторы, гуманизм содержания и фантастические тиражи — все это весомые слагаемые популярности нашей детской книги. Советская литература для детей высокохудожественна и многонациональна, она активно способствует коммунистическому воспитанию подрастающего поколения, завоевала широкое признание у нас и за рубежом. Ей принадлежит достойное место в культурной жизни социалистического общества. На многие языки переведены книги С. Михалкова и А. Барто, М. Прилежаевой и А. Алексина, С. Алексеева и С. Баруздина, Н. Носова и З. Воскресенской и многих других.

Однако еще довольно узок круг критиков и литературоведов, активно работающих в области исследования детской книги, хорошо понимающих ее специфику и большие задачи. К тем, кто постоянно следит за развитием литературы для детей и юношества, принадлежит Игорь Мотяшов.

Новое исследование критика «Авторитет доброго слова» посвящено мировому значению советской детской литературы. В книге убедительно раскрыта ее интернационалистская сущность, показана большая международная деятельность писателей, издателей, переводчиков, художников, критиков и теоретиков детской литературы, ибо создатели советской книги для детей одновременно и талантливые пропагандисты ее.

Игорь Мотяшов рассказывает в своей книге о многочисленных встречах литераторов из тридцати четырех стран мира, о международных совещаниях детских и юношеских писателей. Автор этих строк был членом советской делегации на первой московской встрече в марте 1973 года и, как говорится, мог собственными глазами убедиться в ее огромном значении. Участники совещания обратились с призывом к деятелям литературы и искусства нашей планеты беречь мир, детство, создавать книги, способствующие дружбе детей различных народов и рас. Если вспомнить, что проект обращения совместно написали русский писатель С. Алексеев, француз Пьер Гамарра, американка Ив Мэрриам, украинец Богдан Чалый, станет понятной важность взаимных контактов, которые перерастают в подлинно международное содружество детских писателей.

Ныне советские издательства детской литературы поддерживают хорошие творческие связи с зарубежными издательствами: тут и там рекомендуют друг другу лучшие книги для перевода и даже выпускают в ряде случаев совместные издания. Главная цель развивающихся контактов в области детской литературы, считает Игорь Мотяшов, объединить людей, искренне и увлеченно служащих будущим гражданам планеты, в мощное общественное движение, направить детскую литературу всех стран мира к утверждению благородных, истинно человеческих чувств и качеств.

Юрий ЯРМЫШ

ЧТО ЕСТЬ РОСТ?

Д. КУЛИКОВ,
директор Калужского электромеханического завода, Герой Социалистического Труда

Провожали на пенсию начальника цеха. Уходил Михаил Емельянович Мартвых. Сорок пять лет отдал он заводу. Пришел тринадцатилетним мальчишкой, бегал рассыльным, а дорос до начальника цеха и двадцать лет прекрасно справлялся с этой должностью. Проводы лишний раз послужили тому подтверждением: завод не просто провел «назревшее» мероприятие — это было событие. Приехали многочисленные воспитанники Михаила Емельяновича, по меньшей мере с десятка предприятий. Чествовали его тепло и красиво, потому что вся его жизнь — достойнейший пример и для рабочих и для командиров производства.

И Владимир Алексеевич Нинчев, инженер, которому мы доверили цех, когда ушел Мартвых, старается сохранить ту атмосферу, что воцарилась при старом начальнике. Те же внимание к человеку, отзывчивость на людские радости и горести, взаимное доверие. И не диво, что коллектив цеха попрежнему среди лучших.

Выбрать из многих окружающих тебя людей такого, который сумел бы возглавить коллектив,—это всегда трудно. Для руководителя любого ранга. И сколько раз мне, директору, приходилось взвешивать все «за» и «против», решая на первый взгляд простой вопрос: кого назначить начальником цеха?

«Современный руководитель,— говорил Леонид Ильич Брежнев на XXV съезде КПСС,— должен органически соединять в себе партийность с глубокой компетентностью, дисциплинированность с инициативой и творческим подходом к делу. Вместе с тем на любом участке руководитель обязан учитывать и социально-политические, воспитательные аспекты, быть чутким к людям, к их нуждам и запросам, служить примером в работе и в быту».

Какой большой комплекс взаимосвязанных требований! Хотелось бы высказать некоторые соображения о «воспитательных аспектах», об умении, желании, готовности воспитывать и растить людей. Жизнь, прожитая на нашем заводе, КЭМЗе — а я тут с малолетства, учеником электромонтера начинал,— убедила меня в том, что растить человека — это дело ювелирное, тут штампы, конвейеры противопоказаны. Между тем нельзя не признать, что немало у нас еще хозяйственных руководителей, которые считают, что воспитывать — дело не его, а кого-то другого, есть, мол, на то партком, завком, общественные организации, а директору, скажем, или начальнику цеха впору бы управиться с планом. Я же по опыту знаю, что рассуждающему так «руководителю» успеха ни на каком поприще не добиться. Потому, сколько живу, столько учусь растить, воспитывать людей. И достоинства руководителя во многом — жизнь учила меня этому — определяются и умением растить людей. Знаю, что, сказав так, я не сделал открытия. И все же намеренно подчеркнул эту мысль, прежде всего понятие, заключенное в слове «умение». Потому что растить можно по-разному. Растить и не сбиться на формальную поспешность выдвижения, на стандартный вариант, когда в каждом передовом рабочем уже видится выдающийся руководитель.

Наш Виктор Петрович Аманшин несколько лет назад сконструировал штамповочный автомат, который в двадцать (!) раз увеличил производительность труда на изготовлении маленькой, но очень важной детали. Причем это была не первая его рационализация. Сказочно талантливый слесарь, человек удивительных качеств, пример во всех буквально отношениях, Виктор Петрович, вероятно, справился бы с руководящей должностью, потянул бы, как говорят, не хуже других мастеров, начальников участков, цехов. Да и для престижа завода соблазнительно было выдвинуть рабочего, Героя Социалистического Труда, известного в городе, в области человека. А мы его не выдвинули. И не потому, что недооценили, а потому, что — я абсолютно убежден — оценили правильно. Слесарь, можно сказать, от природы, истинный художник в своем ремесле, рабочий-творец. Оторвать его от металла не поднималась рука. А поднимись — нанесли бы ущерб и ему самому и коллективу.

К тому же Виктор Петрович, верный своему призванию, никогда не рвался в начальники. А мы и не хотели повышать его формально. Выше, чем он поднялся в своем рабочем звании, подняться, пожалуй, невозможно, в звании ином он бы перестал быть Аманшиным.

Что есть рост человека? Нет ли тут известного стандарта? Пришла к токарю большая слава. В своем деле он академик. И вот решают: надо ему расти дальше. Посылают в институт учиться. После института он становится рядовым (в лучшем случае хорошим) технологом, начальником цеха. Проходит год-другой, и уже все забыли, что Иван Иванович когда-то был токарем-виртуозом, что с ним ученые люди советовались. А теперь он в общем-то ничем особым в семье начальников цехов не выделяется. Вот и возникает вопрос: не лучше ли было бы предоставить Ивану Ивановичу расти на «своей орбите», где он не просто токарь, а токарь-академик?

А Виктора Павловича Мутузкина растили по-иному. Когда-то Витька Мутузкин приезжал на завод прямо на коньках — уж очень соблазнительная горка лежала на пути от дома к проходной. Примчится Витька с ветерком, однако в проходной оставит вместе с коньками удалое свое озорство и почти еще детскую беспечность. Шла война, завод жил на голодном людском пайке. Старые, кадровые рабочие, обучая Виктора слесарному ремеслу, воспитывали в пареньке высокие гражданские качества. Учеба эта пришлась ему по душе. Когда вступил в комсомол, обнаружил в себе склонность к работе с людьми, а мы рассмотрели в нем задатки хорошего воспитателя. С таким расчетом и выдвинули Виктора на командную должность. Он раскрылся как способный организатор, вожак. Теперь Виктор Павлович один из самых сильных начальников цехов — авторитетный, дальновидный, уважаемый, Энергии, инициативы у него предостаточно, цех на хорошем счету, и в другой роли Мутузкина никто не представляет.

...Научиться растить людей, а тем, кто вырос, самим научиться быть воспитателями — таково наше заводское правило. Все начальники цехов, например, ведут у нас кружки политпросвещения, дежурят с дружинниками в опорном пункте правопорядка. Я вижу в этом огромный смысл. Одно дело, когда рабочий стоит у станка или сидит у конвейера, а начальник цеха, как говорится, руководит им, участником производственного процесса, и другое дело, когда они вместе обсуждают статью Владимира Ильича Ленина «Как организовать соревнование?» и вместе размышляют, как воплощаются ленинские идеи в нынешние дела коллектива. Думается, что благоприятный климат на заводе во многом обусловлен именно такой политикой.

В этом климате естественны поистине коммунистические черты отношения к работе, к долгу, к соревнованию. Разве не показателен такой, скажем, пример. Бригада токарей-автоматчиков Вячеслава Макарова все время в чем-то экспериментирует, что-то ищет. А если найдет новое, то тут же делится с бригадой другого завода — иных принципов социалистического соревнования просто-напросто не признает.

Раз уж я заговорил о климате в трудовом коллективе, то добавлю, что он не будет благоприятным, если мы, руководители, не подадим примера, как из всего, даже на первый взгляд незначительного, «делать погоду» на заводе. В дни торжеств и в трудную, напряженную пору у нас не забывают добрым словом отозваться о рабочих династиях, чей пример всегда поучителен. Петр Иванович, Василий Иванович, Алексей Иванович Жижины — рабочие. Какое наследство они оставили нашему заводу! Сын Петра, Георгий, тоже пришел на завод, у отца учился, а потом стал, как у нас говорят, к теплому еще отцовскому верстаку. А Глухаревы, Азаровы...

Когда мы вводим в заводские цеха выпускников профтехучилища, лучшие рабочие вручают им по традиции именной инструмент. Если человек споткнулся, заслуживает осуждения, судим, но обязательно коллективно. Если увольняется, не спешим расписаться в обходном листке, с ходу отпускаем лишь тех, кто не желает принять наш образ жизни.

У нас самая низкая среди калужских предприятий текучесть кадров. Есть, правда, «утечка», но такая, которая лишь подтверждает, что на КЭМЗе умеют воспитывать людей, формировать личности. Мы дали начало и помогли становлению нескольких новых предприятий в Калуге.

Геннадий Уланов приехал к нам после Горьковского политехнического института, вырос до начальника цеха, затем возглавил новый завод «Калугоприбор». Сейчас Геннадий Иванович Уланов—секретарь Калужского обкома партии. Школу КЭМЗа прошли Николай Зосимович Дмитриев — заместитель председателя Калужского облисполкома, Равиль Рахманович Зайнетдинов — директор радиолампового завода, Рудольф Яковлевич Крылов — директор завода «Калугоприбор», Игорь Сергеевич Кучин — секретарь Ленинского райкома КПСС Калуги. Все они остаются, как выражаются в городе, «кэмзяками», потому что не забывают коллектив, давший им самое большое в жизни богатство.

Девятую пятилетку наш завод выполнил за четыре с половиной года, объем производства увеличил в 1,9 раза, причем более чем на 90 процентов за счет роста производительности труда. Уверенно начали мы и десятую пятилетку. Одними из первых в Калуге поддержали почин Московского завода имени Владимира Ильича «Пятилетке качества — рабочую гарантию» и внесли в него свое дополнение: бороться за клеймо рабочей гарантии бригады.

...Не на легких хлебах выросла наша заводская семья. Мы смело беремся за самые трудные задания, привыкли принимать их как часть своей личной и коллективной судьбы.

«ПОТОМКИ ПИТЕРСКИХ ПРОЛЕТАРИЕВ, РАБОЧИЕ ГОРОДА ЛЕНИНА ПОКАЗАЛИ В ТЕ ДНИ, ЧТО ИХ ВОЛЯ И МУЖЕСТВО, ИХ ПРЕДАННОСТЬ ДЕЛУ ПАРТИИ И НАРОДА ПОИСТИНЕ БЕСПРЕДЕЛЬНЫ».

Л. И. БРЕЖНЕВ.

Из выступления на торжественном заседании, посвященном вручению городу-герою Ленинграду медали «Золотая Звезда».

РАССКАЗЫ О СМЕЛЫХ

К. ЧЕРЕВКОВ

Фото И. ТУНКЕЛЯ

Еще полыхала война, еще наши доблестные войска стремительно приближались к логову фашистов — Берлину, а там, где недавно проходила линия обороны города Ленина, где не успели зарасти травой окопы, где земля была опутана колючей проволокой, появлялись первые обелиски — памятные знаки в честь героических защитников города на Неве. Ленинградцы ничего не хотели откладывать на потом: молодое поколение — сыновья, дочери, внуки — должно знать и помнить о подвигах отцов и матерей.

Девятьсот дней и ночей огромный город жил в кольце вражеской блокады и выстоял. Там, где шли бои, теперь высятся обелиски, на постаментах застыли танки, сделанные руками голодных рабочих в нетопленных цехах, под бомбами, под орудийным обстрелом...

В год окончания Великой Отечественной войны ленинградцы заложили Московский и Приморский парки Победы. Теперь это крупнейшие зеленые оазисы города. И как бы часто людям ни приходилось бывать в Московском парке, они непременно задерживаются на центральной аллее, у бюстов героев-земляков.

Со дня Победы прошло уже более тридцати лет, но и сегодня каждый ленинградец считает своим долгом внести лепту в святое дело — увековечить память о подвиге родного города. Там, где проходило кольцо блокады, появился Зеленый пояс Славы. Это труд, талант и тех, кто прошел войну, и тех, кто родился в мирные дни.

«Суровое чудо Победы, огромное, как земной шар, слово «свобода» оплачены миллионами жизней, миллионами недопетых песен и недоделанных дел,— писала молодежная ленинградская газета «Смена».— Материнские горькие слезы проросли на безымянных солдатских могилах ромашками и клевером — милыми цветами России: чистыми, как беззаветность подвига...

...Пусть на месте кольца блокады вырастет вокруг Ленинграда Зеленое кольцо мира, пусть оно обозначит на вечные времена своим зеленым шумом рубеж нашего мужества.

Пусть каждый ленинградец, молодой и старый, долгом и честью своей сочтет в этот день посадить на смертельном рубеже дерево вечной жизни и памяти — это наш долг.

Это — дело нашей совести перед теми, кто отдал жизнь ради нашей жизни. Ради доброй славы города революции — Ленинграда».

В те дни прозвучал призыв поэта-фронтовика Михаила Дудина:

Военные годы пропахли пустыней,
Но память не стынет,
Но память не стынет.
Погибшим,
Ушедшим
Вернуться не в силах.
Сажайте деревья
На братских могилах.
Сажайте березы,
И клены,
И вязы.
Они вам расскажут
О смелых рассказы...

И вышли на памятные рубежи коммунисты и комсомольцы, рабочие, солдаты, писатели, ученые... Ленинградский областной и городской комитеты КПСС, районные и заводские партийные организации горячо поддержали это патриотическое движение. В сооружение Зеленого пояса Славы включились архитекторы, художники, скульпторы. Многие из них в недавнем прошлом были бойцами народного ополчения, солдатами и офицерами Ленинградского фронта. Специалисты института «Ленпроект» разработали общую художественную композицию, она тесно вплеталась в план развития пригородной лесопарковой зоны, проходившей по линии обороны города в сентябре сорок первого года. Так рождался замысел грандиозного уникального мемориального комплекса протяжением более чем в двести километров. Каждый район города, заводы, институты, школы имели свой участок, на котором в свободное от работы и занятий время строили памятники, созданные архитекторами и скульпторами тоже во внеурочное время.

На Большом кольце, Малой земле (Ораниенбаумский плацдарм) и Дороге жизни сооружались памятные знаки, скульптурные композиции. В сочетании с зелеными рощами, лесами, асфальтовыми полосами и обсаженными цветами и кустарниками дорогами они смотрятся как единое целое, воспринимаются как победный гимн бессмертию.

...Кировский вал. Пулковский рубеж. Ополченцы. Ижорский таран. Невский порог. Лемболовская твердыня. Сад мира... Разве перечислишь названия всех монументов, имена всех творцов этого народного сооружения?

Величественная и строгая простота мемориала на знаменитой Дороге жизни глубоко трогает сердце каждого, кто хотя бы раз тут побывал. Монумент «Цветок жизни» — память о детях, погибших в блокадные дни. Сооружали его не только взрослые, но и пионеры, объединенные в Пионерстрой. В одном из первых приказов этой необычной организации говорится:

«Строительство памятника детям, погибшим в годы блокады, объявить ударной пионерской стройкой... Создать бригады модельщиков, бетонщиков, плотников. В бригады зачислить всех желающих мальчиков...»

Неподалеку, на высоком зеленом холме, стоит еще один памятник. На распахнутых каменных страницах высечены известные всему миру, потрясающие душу строки дневника ленинградской школьницы Тани Савичевой. День за днем вписывала Таня в свою тетрадку трагическую судьбу ленинградской семьи:

Женя умерла 28 декабря, в 12 часов 30 минут утра 1941 г.

Бабушка умерла 25 января, в 3 часа дня 1942 г.

Лека умер 17 марта, в 5 часов утра 1942 г.

Дядя Вася умер 13 апреля, в 2 часа ночи 1942 г.

Дядя Леша — 10 мая, в 4 часа дня 1942 г.

Мама — 13 мая, в 7 часов 30 минут утра 1942 г...

И последние три страницы: «...Савичевы умерли.

Умерли все. Осталась одна Таня».

Вскоре после этого девочку переправили по Дороге жизни на Большую землю. Врачи делали все возможное, чтобы спасти ее, но медицина оказалась бессильной. Таня умерла первого июля 1944 года в Шатковском районе Горьковской области.

...Румболовская гора. Отсюда начиналась единственная дорога к берегу Ладоги, ею пользовались защитники города. Здесь трудящиеся Фрунзенского района установили памятник, прославляющий героев Дороги жизни. Другой — «Разорванное кольцо» — сооружен на берегу озера, у Вагановского спуска. Из деревни Ваганово уходила по ледяной трассе первая колонна автомашин в Кобону, за хлебом для голодающих ленинградцев.

На переднем крае, на линии окопов посажены деревья и цветы. Перекрестки дорог, узловые места сражений отмечены десятками памятников героям бессмертной эпопеи.

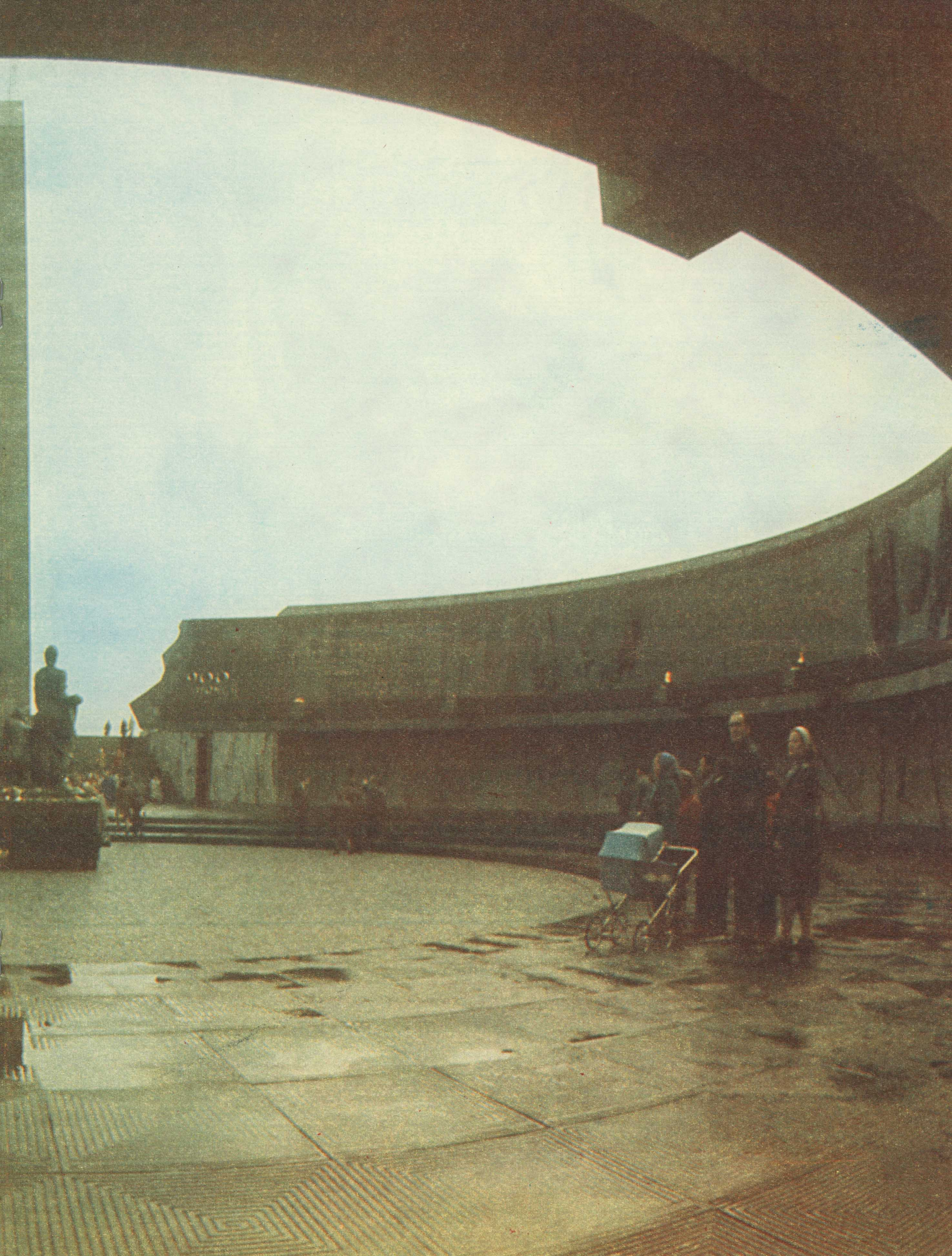
Когда создавался Зеленый пояс Славы, ленинградцы решили воздвигнуть монумент, ко-

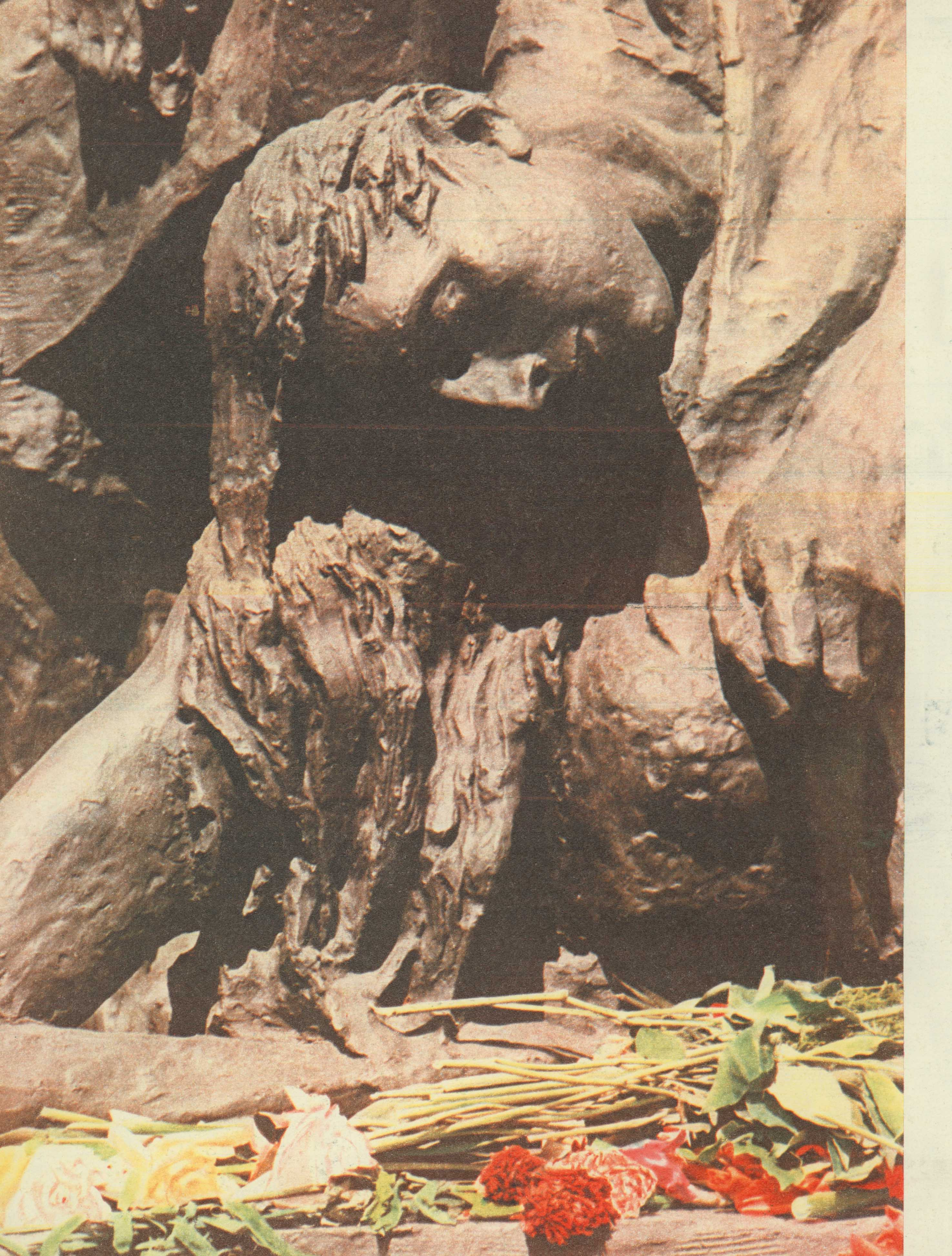
■

«Разорванное кольцо». Этот памятник посвящен славным героям Ладожской трассы. * Детям, юным героям Ленинграда, погибшим в годы блокады,— памятником эти березы. * НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Блокадный зал мемориального комплекса.

торый бы в граните и бронзе запечатлел мужество и стойкость воинов фронта, моряков Балтики, всего населения города. В Ленинградском отделении Госбанка СССР был открыт особый счет — 114292. Сюда поступали пожертвования граждан на сооружение монумента. Был объявлен открытый конкурс на лучший проект памятника. Свыше ста архитекторов и скульпторов участвовало в нем. В Русский музей, в Дом архитекторов, где демонстрировались проекты будущего монумента, приходили тысячи людей.

Здесь разгорались жаркие диспуты: какое место избрать для памятника? Им стала площадь Победы. Она на въезде в Ленинград со стороны Москвы и Киева, от нее к центру города протянулся Московский проспект. Недалеко отсюда проходила линия обороны Ленинграда — знаменитый Пулковский меридиан, ставший для врага неприступной крепостью. Площадь эта не раз была свидетельницей исторических побед советских людей: на Пулковской горе в девятнадцатом году красногвардейцы разгромили банды Юденича, через эту площадь народные ополченцы уходили на фронт сражаться против фашистов. А в сорок пятом здесь прошли торжественным маршем воины-гвардейцы, герои обороны Ленинграда...

Победителем конкурса стал творческий коллектив в составе народного художника СССР, действительного члена Академии художеств СССР, лауреата Ленинской премии М. К. Аникушина, народных архитекторов СССР С. Б. Сперанского и В. А. Каменского. Ровесник революции, М. К. Аникушин все девятьсот дней блокады находился в Ленинграде, сражался в одном строю с земляками, и памятник на площади Победы создан по живым впечатлениям военных лет.

При его сооружении был выполнен огромный объем работ: вынуто около 100 тысяч кубометров грунта, уложено 20 тысяч кубометров бетона, под основание монумента забито 800 свай. Гранит привезли из-под Выборга и Приозерска. Это была поистине народная стройка. Сто тысяч человек участвовало в ней. Коллектив завода «Электросила» первым вышел на строительную площадку. За ним последовали рабочие и служащие сотен предприятий, ветераны Отечественной войны, Великого Октября, молодежь...

— Мне хотелось,— рассказывает скульптор Аникушин,— чтобы фигуры не подавляли своими размерами, и человек, пришедший к памятнику, мог постоять у них, вглядеться в бронзовые лица, помечтать.

— Памятник достоин великой военной эпопеи,— сказал Герой Советского Союза, председатель Совета ветеранов войны на Кировском заводе, бывший снайпер Ленинградского фронта Федор Дьяченко.— Смотрю на него и думаю: только на этом месте и только таким, какой он есть, и представлял я себе всегда монумент в честь нашей Победы.

А вот что говорят пенсионерки С. Я. Семенова и Л. Я. Иванова:

— Мы пережили весь ужас блокады. Сейчас, осматривая мемориальный комплекс, все вспоминаем вновь... Как это было... Во время редких затиший мы слушали по радио стук метронома. И сегодня вновь раздается этот звук, уже у монумента. Полпредами нашего поколения останутся на земле такие памятники...

Взволнованны слова преподавателя ПТУ № 47 Б. Павловой:

— В блокаду я была совсем маленькой. Но горжусь, что жила в Ленинграде в то тяжелое время. И теперь у «Разорванного кольца» мне не сдержать слез. От ощущения нечеловеческих трудностей, которые преодолевали люди на этой земле, от того, что и зимой лежат тут цветы...

Монумент защитникам города стал местом паломничества тысяч и тысяч людей. Здесь собираются ветераны, здесь принимают в пионеры, вручают комсомольские билеты, посвящают молодежь в рабочий класс...

Памятник этот олицетворяет не только героизм прошлых лет. Он как эстафета мужества, устремленная в будущее.

■

Фрагмент композиции «Блокада».

Татьяна **АНДРОНОВА**

Перекрестки

●

Внуковские сосны за холмами,
рощицы с березой и дубами...
Милая московская земля!
Самолет плывет над облаками,
серебристой лентою пыля.

Шум его призывный надо мною,
чтобы лень ходила стороною,
память о Москве не увела:
входят в сердце острою иглою
разные и срочные дела.

Нам они положены на свете,
нашу жизнь зарубками отметить,
нежеланный отдалить предел!
Прочитаем в утренней газете,
кто над нашим домом пролетел.

И кого встречали-провожали
(из какой заморской синей дали)
эти облака и небеса.
С миром нас, как жилами, связали
внуковские светлые леса!

●

Покажется, что жизнь вся впереди,
и наважденье отогнать
нельзя...
Что сердце сильное
и прежнее в груди,
и ночью снятся старые друзья!
Без орденов,
без смерти и войны,
без ранней, нежеланной седины!
Не снятся взрывы,
и не снится бой,
а счастье и салюты над Москвой!
А я на перекрестке, у дорог...
Отец рукой
показывает мне:
«Иди вот так!»
И непривычно строг,
и мать с тревожною улыбкою в окне...
Вдруг вижу,
что я с белой головой,
и прежняя дорога
подо мной!
И все тревоги старые болят!
Все старые —
уж сколько лет подряд...
О тех,
кому глаз больше не открыть,
земные одеяла
не сорвать!
А мы, живые,
продолжаем жить,
давным-давно закончив
воевать...

●

Бьет молодость в свои колокола!
Свои причалы у нее,
свои бураны,
свои везучие,
безгрешные дела,
свои недолгие, залеченные раны.
Свой счет со временем:
хоть сколько вдаль смотри!
Лишь нетерпенье в смутном
ожиданье.
И прячутся еще поводыри
за спину всепрощающего знанья...
Ну что ж, не вечно
в этом мире ждать...
Пусть дольше кажется земля
им просто шаром!
Успеют скоро сложность
разгадать,
сполна испить и счастья и угара.
И пусть, пока расплата не пришла,
бьет молодость в свои колокола!

●

Нечаянно написана строка
про снег, с утра
белым-бело упавший,
про лес, седым
и развеселым ставший,
про то, как узкая
и тихая река
волною черной плещется в снегах...
Про то,
как избы русские глядят
в поля
и в эту черную волну,
из труб дымком
задумчиво чадят;
про их славянский,
простодушный взгляд,
еще не ждущий дальнюю весну.
Она не скоро.
И летит пока
нечаянная легкая строка!
Про деревенский отдых
после лета
и про снежинки
на твоем платке
(на золотых кистях и на цветке),
про песню грустную,
затянутую где-то...

●

Над Россией бескрайнею
ходит лето с дождями,
над разливами дальними,
над избой с тополями;
и под темною тучею
шепчет мокрой листвою
над твоей невезучею
и седой головою,
шепчет крышею ветхою
и подсолнухом спелым,
и надломленной веткою,
и плетнем огрубелым;
дышит теплою ласкою
на усталые плечи,
но ни песней, ни сказкою
грустных дум не излечит...
Над Россией бескрайнею
ходит лето с дождями,
над березами дальними,
над избой с тополями.

●

Под былинкой сухою уснула
заболевшая летом душа.
Лишь весною листочком понурым
из-под снега проклюнет, дыша...

Заглядится на небо ночное,
захлебнется от соков земных,
сквозь туман — полотно голубое —
добредет до владений моих.

Постоит под еловым навесом,
прикоснется щекою к сосне
и, наслушавшись шорохов леса,
улыбнется, ожившая, мне...

люди большой науки

Марк БАРИНОВ

«ХРАНИ СЕЛЕНЬЕ, ЛЕС И ДИКИЙ САДИК МОЙ...»

Когда у человека сильный характер, когда он много знает и умеет, общение с ним несколько затруднено: как будто все время стоишь на цыпочках, чтобы дотянуться до его уровня. Когда такой человек занят огромным, наиважнейшим делом, тем более сложно общение: отрывать время у него просто страшно. А когда ему семьдесят три года, каждая его минута — на вес золота.

Поэтому я не брал у него интервью (да и не дал бы он никогда мне интервью, как не дает никому), не докучал вопросами. Мне просто посчастливилось поработать вместе с Семеном Степановичем Гейченко — директором Пушкинского заповедника в Михайловском, главным хранителем этого храма духа. Люди пишущие знают: такой способ общения наилучший, если хочешь узнать человека.

Работал я с ним по-разному и не один год. Выполнял поручения Гейченко в Москве, старался просто помогать: то по-секретарски, то по-шоферски, наконец, почти месяц был лесником в Михайловском...

Пытаясь дать внешний, по первому приближению портрет этого человека, с самого начала испытываешь желание рассказать о том, чего не любит, что ненавидит Гейченко. Может быть, потому, что при первой встрече я его увидел в состоянии ярости. Он вышел из фруктового сада, что возле дома Пушкина, с искаженным от гнева лицом. Обрубком левой руки ловко прижимал подобранную где-то бутылку из-под вина. Мое представление: «...корреспондент... Москва... интервью...» — выслушал мельком, точнее, пропустил мимо ушей. Шли секунды, директор смотрел крайне неприветливо, я ощущал совершенно непривычное смущение и никак не мог понять, что сейчас он думал только об одном! Опять бутылка, опять на территории самого святого места на земле! Он яростно ненавидит хамство, неуважение к святыням народным, и нет для него больнее удара, как видеть в усадьбе Пушкина отоптанную траву на газоне, сломанную ветку в саду, сорванный цветок на клумбе. И в то же время он прекрасно понимает, что среди тысяч и тысяч экскурсантов далеко не все ценят Михайловское, как должно, понимает, что для тысяч и тысяч вот это первое посещение и есть начало духовного роста и обогащения, что, может быть, именно здесь впервые раскроются их глаза на прекрасное и высокое. Он все понимает, но глубоко страдает, пусть даже от неосознанного неуважения к усадьбе поэта.

И тут же, во время первой встречи, я узнал еще, что ненавидит Гейченко пустые разговоры, пустые обещания. Не очень он вежлив в этих случаях. «Уважение сначала заслужи!» — вот подоплека его поведения с любым человеком. Но для того, чтобы так себя вести, надо иметь на это право.

Тридцать два года непрерывного подвига дают ему такое право.

Добреньким его никак не назовешь. Он беспощадно требователен к людям и приходит в бешенство, если замечает равнодушие, леность, безынициативность.

Пришли два хороших человека: инженер и электрик. Пришли по делу, которое волновало обоих: в Петровском, реставрируемом музее-усадьбе, дарованной прадеду Пушкина, знаменитому «арапу Петра Великого», халатно работают строители. В конце концов их — инженера и электрика заповедника — это не касается, объект еще не сдан, но они проявили заботу, они болеют за дело и пришли к Гейченко жаловаться на строителей. Семен Степанович мрачно выслушал и вдруг обрушился на них с гневными словами. Он не желает слушать ничего подобного! Он ничего не понимает и не хочет понимать в этих делах! Почему они ведут себя, как дети?!

Я, случайно присутствовавший при этой сцене, ничего не мог понять. Видел обиду на лицах инженера и электрика. Гейченко на секунду замолчал. Взглянул на них и с досадой отвернулся. «Почему вы идете с докладом ко мне? Ведь я ничего не понимаю в ваших инженерных электрических делах! Неужели мне надо вас учить, как поступать в таких случаях?! Немедленно составьте подробнейший акт о безобразиях строителей! Приложите докладную на мое имя. Да так, чтобы все было ясно и ребенку. И тогда я немедленно выеду в обком. Почему мне надо учить вас таким вещам? Почему вы ведете себя как дети?!» — снова напустился он на них. Теперь я видел, что обида у пришедших прошла. Они поняли: для Гейченко нет исключительного в том, что люди волнуются, переживают. Более того, он требует, чтобы работали не просто сверх положенного, а изо всех сил. Физических, духовных, умственных. А это уже не работа. Это имеет другое название: служение.

Есть у Пушкина удивительное стихотворение — «Домовому». А кто такой домовой? Хранитель дома, достояния, памяти. Ласковый к друзьям и беспощадно нетерпимый, яростно злой к недругам. Где пределы для гения в проникновении в тайны бытия, во мглу будущего? И мне теперь кажется, что гений Пушкина провидел через столетие приход в Михайловское этого неистового человека и обратился именно к нему, конкретно, с трогательным доверием, с дружеской просьбой:

Поместья мирного незримый покровитель,
Тебя молю, мой добрый домовой,
Храни селенье, лес и дикий садик мой
И скромную семьи моей обитель!
Да не вредят полям опасный хлад дождей
И ветра позднего осенние набеги;
Да в пору благотворны снеги
Покроют влажный тук полей!
Останься, тайный страж, в наследственной сени,
Постигни робостью полунощного вора
И от недружеского взора
Счастливый домик охрани!
Ходи вокруг его заботливым дозором,
Люби мой малый сад и берег сонных вод,
И сей укромный огород
С калиткой ветхою, с обрушенным забором!
Люби зеленый скат холмов,
Луга, измятые моей бродящей ленью,
Прохладу лип и кленов шумный кров —
Они знакомы вдохновенью.

СТОЛ ГАННИБАЛА

В 1945 году, когда еще гремела война, Семена Степановича Гейченко пригласил президент Академии наук академик Сергей Иванович Вавилов. Он знал Гейченко — талантливого исследователя, одного из лучших научных работников музея Пушкинского дома в Ленинграде. Президент просил Семена Степановича возглавить Пушкинский заповедник, поднять его из руин. Сам Гейченко только что выписался из госпиталя после тяжелого ранения.

Рядовой минометного расчета, он немного не дошел до Михайловского. Ранение настигло его на берегах Волхова, под Новгородом. В полной мере узнал, на себе испытал он, что такое война. Но даже он, вчерашний солдат, содрогнулся, увидев, во что был превращен фашистами Пушкинский заповедник.

Ведь заповедник — это не музей, это целый конгломерат музеев. Усадьба Михайловское — музей. Усадьба Тригорское — тоже музей. Святогорский монастырь, там, где могила поэта,— музей. Петровское, имение «арапа Петра Великого», тоже. А леса, луга, озера и река, обрамляющие все эти места? Разве они не являются важнейшими составными частями заповедника?!

И вот весной сорок пятого года весь заповедник представлял собой изуродованное, выжженное место. Не было ни одного дома, искалеченные стояли деревья. Через Тригорское и Михайловское проходила передовая линия обороны фашистских войск. И они не пощадили здесь ничего. В доме Пушкина оборудовали артиллерийскую позицию и прорубили заднюю стену для пушки. А когда советские войска пошли в наступление, фашисты без всякой пощады сожгли усадьбу. В Святогорском монастыре они поставили более четырех тысяч мин, а под могильный холм поэта были подведены фугасы огромной мощности. Они, эти варвары XX века, хотели убить нашу святыню. Но святыню народную убить невозможно, поднявший руку на нее погибнет сам.

Гейченко знал, что пушкинские места, Михайловское необходимы людям не меньше хлеба, и он ринулся в труд, как в бой.

Через четыре года, в 1949 году, состоялось торжественное открытие заповедника. В это трудно поверить, но это так и было.

...С шести утра не спит директор, с семи у него в доме народ, хотя официально рабочий день начинается в девять, хотя официально развод (военное словечко) длится с девяти до половины десятого. Дела, дела. И непременно кто-то гостит в заповеднике, и непременно куча писем. Не просто так, а по делу. Кто-то предлагает рукопись пушкинских времен, кто-то приглашает приехать с лекциями, кому-то срочно требуется уточнить неясный факт биографии поэта.

И Гейченко мчится в Москву за рукописью и обнаруживает у старого военного, пенсионера уникальнейшую рукописную книгу самого Ганнибала, в которой прадед Пушкина излагает мысли о фортификации, математике, философии. И тот же Гейченко летит в Петрозаводск читать лекции о Пушкине в Михайловском. И не спит ночами, отыскивая толкование неясного эпизода, а потом пишет подробнейший ответ. И трясется по пять часов на машине по псковским проселкам в поисках недостающего колокола в коллекцию для Святогорского монастыря: «Памятнику надо возвратить голос!» И ведет бесконечные сражения со строителями, реставрирующими Петровское. И организует знаменитый Пушкинский праздник, на который съезжаются люди со всей страны. И читает лекции старым друзьям — студентам Академии художеств, проходящим здесь практику. И находит время подумать о подарках — наборах сувенирных изданий для московских школьников, которые приехали в Михайловское не на экскурсию, а «поработать для Пушкина», очистить рощи от валежника и сухостоя...

«Поработать для Пушкина», как говорит Семен Степанович, считают за честь многие.

Разыскал он где-то в Москве стол Ганнибала и оставил его на хранение в музее А. С. Пушкина, что на Кропоткинской. Как переправить в Михайловское уникальную вещь? Багажом — опасно, повредят, а специальную машину гнать за восемьсот километров «дорого, заповедник далеко не богат».

Я узнал о затруднении Гейченко и предложил: поеду в Михайловское, положу стол на крышу своих «Жигулей». Повезу со всем бережением и уважением к реликвии. Семен Степанович, бывший тогда в командировке в Москве, долго колебался, ворчал, наконец, дал свое согласие. А я почувствовал себя осчастливленным. Что же это за человек такой, который НАГРАЖДАЕТ РАБОТОЙ, почему так?

НЕОДУШЕВЛЕННЫХ ВЕЩЕЙ НЕТ!

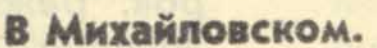
Я еще не сказал о самом главном деле — о смысле жизни Семена Степановича Гейченко. Он знает Пушкина как никто. По-особенному, по-своему. Он знает, какие птицы пели под окном поэта. Знает, каким бронзово-золотым светом горят сосны на закате у берегов озера Маленец в вечера, подобные тем, когда Пушкин любил сидеть на «холме лесистом». Он знает ощущение человека в Михайловском, когда «буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя».

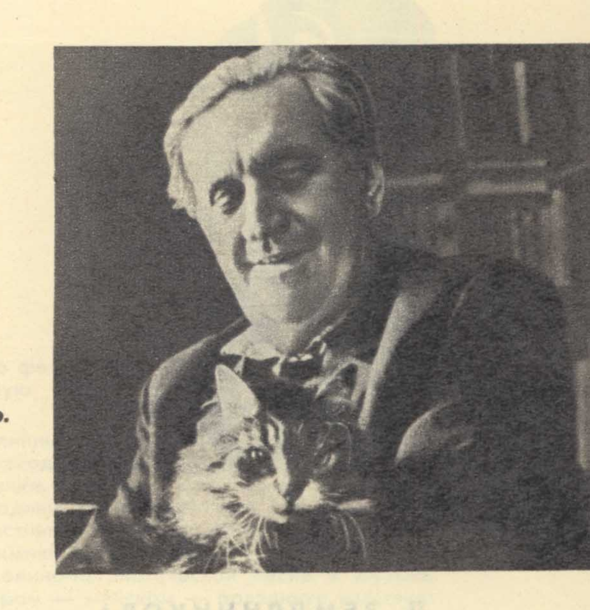
За тридцать два года служения в Михайловском он познал ЖИВУЮ ДУШУ Пушкина.

Фото А. Гостева

В кабинете А. С. Пушкина.

С. С. Гейченко.

В Михайловском.

Гейченко — музейный работник, ученый, историк, если можно так сказать, по рождению. Он родился почти что в Петергофском музее (там работала его мать), с юных лет привык трепетно относиться к реликвиям прошлого, к вещественной памяти истории. Но в отличие от людей педантичных, холодных, для которых документальность, подлинность превращаются в мертвую догму, он утверждает, что «неодушевленных вещей нет, есть неодушевленные люди». А это значит, что не может и не должен заповедник быть просто мемориальным местом.

Почему Пушкин считал себя всюду в гостях, а в Михайловском дома? Чем объясняется творческий взлет его поэтического гения в Михайловском — явление, которое подтверждают и современники и само его творчество?

Возможно ли сегодня увидеть Михайловское глазами Пушкина? Ощутить, впитать то самое живительное дыхание этого удивительного места, так много давшего поэту? Что может получить для своей души современный человек, прикоснувшись к бессмертию великого художника? Таких задач, таких вопросов не ставит перед собой обычный музейный работник.

Гейченко не обычный.

Вот уже три десятилетия ведет он нескончаемую исследовательскую работу: с текстами Пушкина—нет, не в руке, а в сердце—ходит и ходит он по сотни раз уже исхоженной пушкинской земле и восстанавливает все то, что видел Пушкин, чем упивалась его душа. И это не простое копирование прошлого. Думая о Пушкине, думая о нем беспрерывно, Гейченко думает о Пушкине для нас, для современных людей. И эта часть его работы, эта идея точно сформулирована им в одной фразе: «Все это видел Пушкин. Посмотрите, и вы станете лучше». Он выступает не только как ученый, пушкиновед, знаток, но и как большой художник, режиссер нескончаемого действа. Объяснить, как это делается, очень трудно: все в нюансах, в подчас мало заметных деталях. Попробую привести какие-то примеры.

В стихах А. С. Пушкина есть описание пейзажа, открывающегося взору с околицы Михайловской усадьбы.

Когда Гейченко принял Михайловское, не было мельницы на берегу реки. Остался лишь каменный фундамент. Как быть? Казалось бы, чего проще — поставить табличку: «На этом фундаменте во времена Пушкина была мельница». Но ведь о мельнице сказано в стихотворениях, без нее нарушается цельность восприятия. И Гейченко добивается того, чтобы мельница была реставрирована. Слова из песни не выкинешь!

Кстати, когда шла подготовка к

ИДЕТ ФЕ

Л. ЗЕМЛЯННИКОВА

интервью «огонька»

По всей стране взял старт третий тур Первого Всесоюзного фестиваля самодеятельного художественного творчества трудящихся. На предприятиях и в колхозах, в вузах и воинских частях, везде и всюду проходит этот воистину всенародный фестиваль. В нем участвуют миллионы советских тружеников, представлены буквально все профессии, все возрасты. О задачах художественной самодеятельности в свете решений XXV съезда КПСС, о ходе фестиваля, о том, как самодеятельное творчество помогает нравственному воспитанию советских людей, читателям «Огонька» рассказывает председатель Всесоюзного оргкомитета фестиваля, секретарь Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных союзов Людмила Андреевна ЗЕМЛЯННИКОВА.

Беседу провел драматург Цезарь СОЛОДАРЬ.

— Вас не удивляет, Людмила Андреевна, что интервью для «Огонька» у вас берет драматург?

— Нисколько. Работники литературы и искусства повседневно и в самых разнообразных формах помогают нашему фестивалю. Его участники ощущают внимание и поддержку поэтов и драматургов, композиторов и хормейстеров, режиссеров и актеров, хореографов и живописцев — словом, всех, кто причастен к искусству. Без такой помощи бурный расцвет самодеятельного творчества был бы невозможен. Мы с гордостью выслушали на съезде слова Леонида Ильича Брежнева: «Идет живительный процесс обогащения искусства знанием жизни и, с другой стороны, дальнейшего приобщения многомиллионных масс трудящихся к ценностям культуры».

Да, именно этому дальнейшему приобщению многомиллионных масс к ценностям культуры подчинены задачи фестиваля. Его итоги знаменательны: только за один год в самодеятельные коллективы профсоюзов влилось втрое больше тружеников города и села, нежели за предыдущее трехлетие. Например, на шахте «Кировская» Донецкой области число участников самодеятельных коллективов увеличилось за счет передовых шахтеров на 350 человек. Один из лучших самодеятельных коллективов шахты — вокальный ансамбль «Поющие забойщики». На Московском автозаводе имени Лихачева в смотре цеховой самодеятельности участвовало более 10 тысяч человек. Этот факт характерен для нашей столицы, показывающей пример успешного, подлинно массового проведения фестиваля.

Расцветает художественная самодеятельность и на селе. Скажем, в Азербайджанской республике количество участников самодеятельных коллективов возросло с 84 тысяч человек до 94 тысяч, в Молдавской ССР — с 99 тысяч до 108 тысяч, в Киргизской ССР — с 21 тысячи до 25 тысяч человек. И чем стремительнее растет семья народных талантов, тем более серьезными становятся требования художественной самодеятельности к работникам литературы и искусства.

— Как же они выполняют эти требования?

— Отрадно заметить, что работники литературы и искусства отчетливо осознают свой творческий долг в проведении фестиваля. Не случайно его возглавляют выдающиеся мастера: композиторы Тихон Хренников и Отар Тактакишвили, артисты Вия Артмане и Михаил Царев, хореографы Татьяна Устинова и Константин Сергеев, режиссеры Иосиф Туманов и Борис Захава, художники Николай Пономарев и Николай Томский, хормейстеры Борис Александров и Владислав Соколов, кинорежиссеры Лев Кулиджанов и Григорий Рошаль. Впрочем, я не сумею назвать и сотой части крупнейших деятелей искусства, чью поддержку повседневно ощущает фестиваль. Что касается писателей, то они участвуют прежде всего своими произведениями на темы современности, которые составляют репертуар фестиваля. Писатели не стоят в стороне от фестивальных спектаклей, концертов, выступлений самодеятельных артистов эстрады. Каждый день приносит все новые и новые примеры активной помощи профессиональных деятелей искусства коллективам самодеятельности. Государственный ансамбль народного танца СССР, которым руководит Игорь Моисеев, шефствует над московским Дворцом культуры имени Горького. Достойного спутника воспитал прославленный МХАТ из молодежного театра завода «Красный пролетарий». Народные оркестры Молдавии активно соревнуются за овладение переходящим призом республиканского ансамбля народной музыки «Флуераш». Государственный ансамбль народного танца Грузинской ССР помогает многим самодеятельным танцевальным коллективам республики. Ленинградская писательская организация проводит конкурс на лучший сценарий для агитбригад.

И все же хочется еще и еще раз сказать: помощь народным талантам должна стать еще шире, еще активней — и количественно и качественно. Ведь художественное творчество трудящихся представлено на фестивале двадцатью двумя жанрами. Народные таланты ищут все более впечатляющих средств обращения к своим зрителям.

— Какие из них следует упомянуть?

— Особенно заметна сейчас тяга к массовым театрализованным представлениям. В Подмосковье и на Урале в таких представлениях участвовали и драматические коллективы, и хоры, и танцевальные ансамбли, и цирковые студии, и театры чтецов. Так ведь эту тягу к массовым театрализованным представлениям легко объяснить: разве о БАМе, КамАЗе, о ве-

---

реставрации, директор получил письмо от председателя колхоза из Пермской области. Каким-то образом узнав о заботах Гейченко, тот писал, что у них есть старинная мельница и он готов за счет колхоза доставить мельницу в Михайловское. Еще один из тех людей, для кого дело чести — послужить Пушкину.

Кое-кому эти детали работы Гейченко могут показаться и немного наивными и трогательно-смешными. Например, совсем недавно, в июле этого года, Семен Степанович очень нервничал, волновался из-за утят. Каждый год он обычно сам добывает в окрестных совхозах 15—20 утят и торжественно поселяет их в непосредственной близости от пруда возле пушкинского дома. Он держит их, как сказал мне сам, «для цитаты». У Пушкина где-то сказано, что в пруду возле дома плавают утки.

Есть у Пушкина такие стихи:

Но там и я свой след оставил,
Там, ветру в дар, на темну ель
Повесил звонкую свирель...

Там, где «оставил свой след» Пушкин, особенно бережно относятся к вещам, лесам, тропам и водам. И как опасно хоть чуть-чуть, хоть в чем-то нарушить здесь МЕРУ! Как страшно проявить недостаток вкуса, недостаток знаний, некомпетентность. И каким мужеством надо обладать, чтобы считать себя — нет, не директором, не хозяином — ответственным перед людьми, человечеством за такое место!

Может быть, поэтому у Гейченко нет «школы», нет любимых учеников. Его единомышленники — все люди. И это не образное выражение. Кто-то из больших наших писателей сказал о том, какая удивительная судьба у Пушкина: нет ни одного другого поэта в мире, кого так нежно и глубоко любили бы люди и чью гибель оплакивали бы вот уже почти полтора столетия.

Гейченко отворяет дверь (или снимает телефонную трубку, или пишет письмо) и говорит: «Надо послужить Пушкину!» И люди считают это для себя честью. Они становятся друзьями заповедника. Это прежде всего местные жители, потомки тех, кто видел, знавал и любил Пушкина. Из них вышли преданные служители заповедника, такие, как Василий Шпинев (в прошлом полуграмотный парень, а ныне ученый, хранитель музея), Владимир Самородский, сначала садовник, а теперь художник заповедника, старый сторож дядя Вася, Василий Семенович Семенов. И не могу не назвать и такого навсегда преданного Пушкину человека, как первый секретарь Пушкиногорского райкома КПСС Анна Федоровна Васильева.

Друзья заповедника, друзья его директора — и в Москве и во всех городах нашей огромной страны. Он входит в мастерские художников, и те счастливы показать ему свои работы о Пушкине, о Михайловском — может быть, понравятся, может быть, возьмет в заповедник картину, портрет, эскиз. И если говорить об огромной работе в заповеднике, то делает ее всенародная любовь к Пушкину, помноженная на энергию, ум и опыт Гейченко.

Он бесстрашный человек. Тридцать два года ведет бой за чисто-

СТИВАЛЬ

личественных планах обновления полей Нечерноземья расскажешь средствами одного только драмкружка или хорового ансамбля? Разве об интернационализме советского народа сможет рассказать самодеятельность одного лишь только жанра? Здесь нужны объединенные усилия, массовые народные представления...

Многие формы самодеятельного искусства в ходе фестиваля заметно совершенствуются. Взять хотя бы агитбригады — коллективы романтиков, воскрешающих и развивающих прекрасные боевые традиции «Синей блузы». Многие из них закономерно перерастают в агиттеатры — настолько они окрепли творчески и организационно. И, конечно, они требуют новых форм помощи и от писателей и со стороны профессиональных коллективов искусства.

Первый тур фестиваля проходил в завершающем году девятой пятилетки, когда весь советский народ готовился встретить XXV съезд партии новыми свершениями, когда все прогрессивное человечество отмечало тридцатилетие Победы советского народа над фашизмом. Это благотворно отразилось на идейном содержании и творческом размахе первого тура. Второй же тур проходил в первом году десятой пятилетки.

— Каковы организационные особенности этого тура и каких результатов можно от него ждать?

— Первый тур проходил в основном на предприятиях, в колхозах и совхозах, учебных заведениях и воинских частях, организациях и учреждениях, в клубах, домах и дворцах культуры. А второй тур проводился преимущественно уже в областных и краевых центрах, в столицах автономных республик; подчеркиваю, преимущественно, но не исключительно. По-прежнему выступают новые участники драмколлективов, агитбригад, хоров, танцевальных ансамблей, цирковых групп. Они не борются за звание лауреатов фестиваля, а хотят порадовать своим искусством товарищей по труду, помочь им содержательно и весело провести выходные дни. С мест то и дело приходят вести о том, что в заводские и колхозные «Книги народных талантов» заносятся все новые и новые имена. График второго тура был построен с таким расчетом, чтобы конкурсы шли в субботние и воскресные дни по всем жанрам самодеятельного искусства. Участвовали в этих конкурсах победители первого тура — и коллективы и отдельные исполнители.

Второй тур, несомненно, еще больше активизировал деятельность общественных руководителей самодеятельности. Все они передовики социалистического соревнования, ударники коммунистического труда, многие отмечены почетными грамотами и знаками за свою работу на производстве. Назову слесаря В. М. Голикова с 1-го Московского подшипникового завода, машиниста разливочного крана Магнитогорского металлургического комбината И. С. Каунова, инженера из Новосибирска С. Ф. Нятина. Они стали заслуженными работниками культуры РСФСР.

— Что характерно для репертуара второго тура?

— Ощутимо сказывается понимание исторических задач художественной самодеятельности. Народные таланты более глубоко сознают свою роль в нравственном воспитании советских людей, формировании нового человека, строителя коммунизма. Это сказывается в выборе пьес, над которыми работают народные театры и драмкружки. Можно это видеть в содержании программ, с которыми выступают агитбригады. О высоком идейном уровне работы агитбригад — целеустремленной и романтичной по содержанию, броской, мобильной по форме — свидетельствуют программы: «Мы молодой рабочий класс», «Хвала рукам, что пахнут хлебом», «За того парня», «Трудовая эстафета поколений», «Всегда с партией», «Огни пятилетки»...

Уже сейчас явственно ощущается стремление самодеятельных коллективов всемерно расширить многонациональную палитру своего репертуара. Русские, украинские, грузинские народные театры обращаются к пьесе белорусского драматурга Андрея Макаенка «Трибунал»; эстонские, литовские, казахские, узбекские коллективы ставят пьесы замечательного украинского драматурга Александра Корнейчука; ансамбль танца минских тракторостроителей «Лявониха» пришел ко второму туру с многонациональной программой. В узбекском городе Коканде на конкурсе выступает оркестр русских народных инструментов, созданный на местном суперфосфатном заводе.

Можно привести много примеров взаимопроникновения национального искусства в репертуаре самодеятельных коллективов. Оно вносит живую, радостную струю в ход всесоюзного фестиваля, еще раз демонстрируя нерушимую дружбу всех народов Советской страны.

Подлинным украшением фестиваля становятся ежегодные традиционные музыкальные праздники. Они проводятся во всех краях нашей Родины, вовлекая в свою орбиту не только участников самодеятельности, но и зрителей. Зимний — февральский — праздник посвящен военно-патриотической песне и музыке. Во втором — майском — празднике участвует духовая музыка и проводятся парады духовых оркестров. Содержание третьего — октябрьского — праздника: молодежная песня. И, наконец, четвертый — декабрьский — праздник посвящен музыке и песням о труде, дружбе народов СССР.

Очень полюбились советским людям эти праздники, невозможно подсчитать, сколько исполнителей и зрителей — а их порою даже трудно различить — участвуют в этих праздниках в городах и поселках, селах, станицах, аулах... Закончится фестиваль, а ежегодные песенные праздники останутся традицией народа.

— Людмила Андреевна, заглянем в будущий год — это год шестидесятилетия Советской власти. Как будет финишировать фестиваль?

— Третий тур завершится в марте 1977 года. Это самый короткий тур, он будет длиться шесть месяцев. Завершающие конкурсы пройдут по столицам союзных республик и по зонам Российской Федерации. «Лауреат первого Всесоюзного фестиваля самодеятельного художественного творчества трудящихся» — такое звание получат победители третьего тура, лучшие коллективы, их руководители и исполнители. А с апреля по август 1977 года в столицах союзных республик и в ряде городов Российской Федерации будут проведены показательные выступления лауреатов. Они будут проводиться по жанрам. Кроме того, будут организованы две итоговые выставки лучших произведений самодеятельных художников и мастеров декоративно-прикладного искусства, а также лучших работ фотолюбителей. Финальной главой величественного смотра народных талантов по традиции станет заключительный показ в Москве.

До финала, однако, еще многое предстоит сделать. Надеюсь, что «Огонек» расскажет о самоотверженных людях, отдающих свой досуг любимому искусству.

ту, красоту и гармонию этот солдат — рядовой большой науки. И побеждает.

ДИАЛОГ С ПУШКИНЫМ! НЕТ, С САМИМ СОБОЙ...

Вся Псковщина — место непростое. Это — пограничье. Здесь из века в век лилась кровь защитников наших западных рубежей. Обостренное ощущение Родины — вот как, наверное, следует назвать это чувство, рождающееся при виде древних городищ, старинных крепостей, возвышающихся в Ворониче рядом со знаменитым Тригорским, в Савкине — любимой деревеньке А. С. Пушкина, в Святогорье. Это чувство крепнет и при встрече с братскими могилами минувшей войны на территории заповедника.

Обостренное чувство Родины... Еще и потому, что это, если позволено будет столь непоэтическое слово, эталон северорусской красоты.

И, наконец, сама мысль: здесь жил и работал Пушкин, гордость Родины,— сама эта мысль создает особое состояние духа.

Когда попадаешь в эти места, на лесные дороги и дорожки михайловских рощ, на берега Сороти, озер Кучане и Маленец, входишь в маленький бревенчатый домик (домик няни), ясно ощущаешь присутствие живого Пушкина.

Много раз бывая в Пушкинском заповеднике, я в первые же часы в Михайловском, в Тригорском, Петровском, в Святогорском монастыре как бы начинал молчаливый диалог с Пушкиным, задавал вопросы, выслушивал ответы, делился своими впечатлениями, радостями, заботами. И нет в этом ни мистики, ни игры расстроенного воображения. Что есть бессмертие? Видимо, это когда живы мысли человека, живы, несмотря на бегущие десятилетия, мысли, идеи его, образы, созданные им.

Диалог с Пушкиным? Нет, с самим собой. А это безмерно важно в наше время, когда невероятно ускоряется внешнее течение жизни, когда шквал информации бушует вокруг нас, безмерно важно, когда есть на земле такое место, где красота, память и гармония создают великую тишину, великий покой в душе и можно ДУМАТЬ. Думать о самом главном, анализировать свои поступки, выбирать основное направление жизни. Выбирать, а не плыть по течению.

Отчего именно здесь, в Михайловском, в Пушкинском заповеднике, возникает у людей это драгоценное состояние? Состояние, которое рождает высокие идеи, яркие образы, наконец, просто добрые мысли.

Все это, вместе взятое, и делает Михайловское, Пушкинский заповедник не просто мемориалом великого человека, великого поэта, а местом живым, наиважнейшим в нашей современной жизни, храмом духа, гуманности, мысли.

Проведите в Михайловском не обычный экскурсионный срок, не полдня, а немного больше, и вы почувствуете, поймете, увидите, что за всем этим огромная работа, неистощимая энергия, большой ум и вкус, громадные знания, глубокое личное отношение к Пушкину очень интересного, сложного, сильного человека — Семена Степановича Гейченко.

Джеймс **ОЛДРИДЖ**

ПОВЕСТЬ

Рисунки **М. ПЕТРОВОЙ**

ГЛАВА 13

То был последний раз, когда я, так сказать, близко соприкоснулся с Джули, ибо трагедия, которая перевернула всю его жизнь, уже назрела.

Но мы еще не раз встречались с ним и перебрасывались словами. Джули на меня не обиделся. Он не видел причин обижаться. Примерно через месяц после того воскресенья он опять стал работать в фуражной лавке у Дормена Уокера— стал он еще худей и костлявей прежнего и еще дальше (если это возможно) укрылся за стеной неизменной своей отрешенности.

— Прочел книжку, которую я тебе оставил? — спросил я как-то, проходя мимо, когда он разгружал корм для птичьего двора миссис Ферроу.

— Руки не дошли,— ответил он.

— А будешь читать?

— Нет. В пятницу принесу тебе на работу.

— Оставь себе,— сказал я.— От Бетт есть какие-нибудь вести?

— Уехала в Мельбурн. Она уже кончила учительский колледж.

— Да, мне говорили.

Я пошел было дальше, но тут он вдруг спросил:

— Кит, ты не дашь мне на субботу, на вечер, свой велосипед?

— На субботу? А зачем? Собираешься в Ной на танцы?

— Да.

— Туда двенадцать миль, Джули. Думаешь, на обратном пути в темноте сумеешь проехать по этим дорогам?

Велосипедист он был никудышный.

— Там ведь у тебя моторчик и фонарь, верно?

— Да. Но что случилось с Нормой и с ее «крайслером»?

— Ничего. Одолжишь велосипед?

— Идет. Оставлю у тебя во дворе, у калитки. Только не привози его среди ночи, а то Мик поднимет лай. Отдашь в воскресенье утром.

— Ладно,— сказал Джули, а я подумал: кого же он на этот раз щадит — Норму или мать? Но куда важней было, что он вернулся к «Веселым парням».

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь! — крикнул я ему через плечо.

Джули не потрудился ответить.

Так снова по городу пошла старая сплетня, но на этот раз дело пахло уже не шуткой. Теперь город уже не просто по-дурацки гоготал над Джули. Теперь во всем сквозила злоба, ведь не было человека, который не знал бы о той воскресной стычке между доктором Хоумзом и Нормой. Любой из тех десяти, кто при ней присутствовал, мог преподнести эту историю по-своему. Но больше всех ее смаковала Норма, без зазрения совести мстила она евангелистам за то, как они с ней обошлись. И версия Нормы была отнюдь не ближе всех к истине.

— Норма говорит, Джули ненавидит свою сумасшедшую мать,— сказала однажды за завтраком моя сестра Джинни; отца уже не было, он в тот день рано ушел в контору. Отец не позволял сплетничать в его присутствии.— Она говорит, он только о том и мечтает, как бы удрать от нее и от всех этих евангелистов.

— Норма сама тебе это говорила? — спросил я.

— Нет. Но вся школа знает про это от ее младшей сестры.

Моя сестра Джинни кончила единственную в городе привилегированную частную школу для девочек и надеялась позже где-нибудь изучать медицину, а пока помогала директрисе. По словам Джинни, все городские девчонки — на стороне Нормы.

— А что еще говорят? — спросил я.

— Норма клянется, что они запугивают его и превратили его жизнь черт знает во что...

— Джин! — остановила ее мама.

— Я только повторяю слова маленькой Джесс Толмедж.— Плутовка Джинни не лишена была чувства юмора.

Очень быстро весь город уверовал, будто Джули на ножах с матерью, с доктором Хоумзом и даже с жильцами-евангелистами. То, что начала Норма, город довершил, и до нас уже доходили россказни о драках, об ужасных сценах, которые якобы разыгрываются между матерью и сыном. Городские кумушки снова принялись думать да гадать, откуда вообще они взялись — миссис Кристо и Джули.

— Кит, это правда, что Джули — сын грека?— спросил меня Билли, когда мы как-то встретились с ним на мосту, что соединял наш город с Новым Южным Уэльсом. Билли — простая душа и, уж если чего не

Продолжение. См. «Огонек» №№ 35—42.

понимает, хочет, чтоб ему все как есть разъяснили.

— Какого еще грека? — спросил я. Я отлично знал, кого он имеет в виду, но ждал подтверждения.

— Джоуби Лика...

— Ну с чего ты это взял, черт подери? Джоуби каждый год появлялся у нас в городе во время сбора винограда, был он перекати-поле, смуглый, бледный, красивый и вправду похож на грека, но говорили: он цыган и чуть не во всех прибрежных городах на нашей реке у него полно незаконных детей. В нашем городке незаконных было четверо, и отцом всех четверых считали Джоуби.

— Так все говорят,— сказал Билли.

— Ну и дурачье,— сказал я. — И уж ни о чем другом не говоря, Джоуби вдвое ее моложе.

— Тогда кто ж его отец?

— А я почем знаю! Но только не Джоуби, уж это точно.

Мы облокотились на перила моста, дружно обругали сплетников и сплетниц, и я спросил Билли, как успехи Джули в джазе.

— Неладно у нас,— огорченно сказал Билли.— Мы уже не можем за ним угнаться, Кит. Сперва, когда он вернулся, все шло хорошо. На духовых он еще не мог, дыхания не хватало. Ну, он и играл на банджо с длинной декой, и мы кой-как к нему подстраивались. Но, черт возьми, Кит, теперь он прямо как с цепи сорвался. Не пойму, что он делает и как, а только больно все это для нас мудрено. И ритм не держит, всех танцоров зло берет. Ну, и очень нам теперь трудно. Никак не поймем, чего он накручивает.

— А сам он знает?

— Ему-то как не знать? А мы если б умели сообразить, что он такое выделывает, так мы б не в джазе играли, а где получше. Но он будто на луне живет, не знаю, как тебе растолковать. Будто на луне, не дозовешься,— повторил Билли, когда мы уже входили в город.

Я знал, о чем он толкует. После болезни Джули все больше замыкался в себе, смотрел на всех сумрачными, невидящими глазами, и, я уверен, мысли его поглощены были человечками, которых он рисовал в старых школьных тетрадях. Мне до смерти хотелось знать, что поделывают эти его человечки, что за музыку разыгрывают, какие ими записаны сонатины, фуги, элегии, рондо, паваны...

— В общем, они уже навредили бедняге, как могли, дальше, пожалуй, некуда, верно я говорю? Но хотел бы я знать, чего они все чешут и чешут языками, чего он им дался?

— Да ведь лиха беда начало, потом уж не остановишь,— сказал я.

Теперь уже невозможно было положить этому конец. Больше того, теперь уже сплетничали не столько про Джули, сколько про его мать. Думаю, отчасти тут виновата Норма, это она ткнула пальцем в сторону миссис Кристо, хотя, пересказывая на свой лад события того дня, она просто защищала Джули. Но миссис Кристо была так неотразимо соблазнительна, что время от времени о ней неизбежно начинали сплетничать. В иных женщинах она всегда будила грубую зависть, а в иных мужчинах — тайное желание. И она была удобной мишенью для тех, кто стремился отвести сплетни от себя, направив их в другую сторону. Миссис Джек Джоэн, которая жила неподалеку от нас и была завзятая сплетница, нарочно перешла через дорогу и заглянула к моей матери, чтобы поделиться с ней последними новостями. Все знали, что ее так называемый племянник на самом деле ее внебрачный сын. И эта тихая и в остальном безобидная женщина перемывала косточки всем на свете, чтоб другим недосуг было перемывать косточки ей. Я спросил маму, что ей рассказала миссис Джоэн, и мама ответила, что это невозможно передать.

— Скажи,— попросил я,— я никому не передам.

— Она говорит, что миссис Кристо прежде жила в Мельбурне, в доме с дурной славой.

— Иными словами, в публичном доме,— сказал я.

— Да, в публичном доме в Мельбурне. И что доктор Хоумз обратил ее и спас.

— О господи!— воскликнул я.— Ну до чего доходят злые языки!

Они пошли еще дальше. Оказывается, у миссис Кристо когда-то был сифилис, вот почему Джули такой «чудной» и почему, хоть она на редкость соблазнительная, никто на ней не женился.

— Только бы все эти разговоры не докатились до Джули,— сказал я брату, когда он пришел однажды домой и рассказал, что по слухам два дня назад Джули вернулся с танцев в три часа ночи, пьяный, а мать ждала его у калитки, вот он ее и стукнул.

Удивительней всего, что, по-моему, никто в городе всерьез не верил в эти россказни, и, однако, все их повторяли. Время от времени, примерно раз в год, что-нибудь в этом роде нападало на город и проникало в его кровь, точно яд или зараза. Довольно пустяка, будь то глупая сплетня, шутка, ложь, обида,— и пошло-поехало. Весь город теряет рассудок, им овладевает безумие, достойное средних веков, и лишь какое-нибудь ужасное событие, внезапное и чудовищное потрясение способно встряхнуть нас и привести в чувство.

И на этот раз разросся тот же снежный ком.

Было прохладное воскресное утро. Я поднялся в шесть часов, надо было посмотреть, как в город прибудут шесть тысяч овец, и дать об этом заметку в газету. Неожиданно раздался телефонный звонок — я кинулся в кабинет отца и схватил трубку, пока он еще не перебудил весь дом.

— Кто у телефона?— спросили меня.

— Кит Куэйл...

— Кит,— донесся до меня шепот,— говорит Гарри Сноуден.

Мы вместе учились в школе, а сейчас Гарри работал в нашей больнице ночным сторожем, регистратором и санитаром. Он был одной из главных моих связей с городом: ведь в больнице почти всегда раньше всех узнают о несчастных случаях и трагедиях,— газетчику надо поспеть на место происшествия первым, хотя на то, чтобы написать о случившемся, у меня обычно оставалась целая неделя. Но стоит опоздать на день — чувства и события теряют свежесть и остроту, и разузнать все, что надо, куда трудней.

— Ты знаешь, который час?— спросил я Гарри.

— Знаю. Я не хотел тебе звонить в такую рань, но ты приезжай, Кит. И поскорей.

— Слушай, Гарри, брось ты говорить загадками,— сказал я.— Да еще в такую рань.

Гарри был рыжий, глаза всегда красные, воспаленные, и у него была нелепая привычка из всякого пустяка делать тайну. Он скрывал, сколько ему лет, каков его рост и вес, что он ел на завтрак, куда идет, где был. Прямого ответа от него не добьешься, непременно напустит туману.

— По телефону ничего говорить не буду,— пробормотал он в трубку.— Давай приезжай, быстро.— А когда я попробовал на него нажать, он перебил: — Слушай, Кит, не приставай с вопросами. Ты знаешь человека, который тут замешан, так что давай приезжай — сам увидишь.

Я сел на свой черный велосипед и, пока доехал до больницы, проклиная страсть Гарри к тайнам, успел перебрать в уме половину города — все гадал, кто же стал жертвой неведомого несчастья. У входа в больницу я прислонил велосипед к виноградной шпалере и прошел на темноватую, низкую веранду; здесь уже ждал Гарри. Он предостерегающе поднял огромную, совсем не для медика ручищу, не давая мне вымолвить ни слова.

— Во дворе,— сказал он.

Я чуть было не рявкнул — хватит, мол, дурака валять, но тут он показал мне на пятна крови — они тянулись по немощеной дорожке, над которой нависал вьющийся виноград, что рос вдоль больничных стен.

— Смотри...

Мне сразу стало и жутко и тошно.

— Здесь ее несли,— сказал Гарри.

— Кого? Скажешь ты наконец?— яростно прошептал я.

— Миссис Кристо,— сказал Гарри.— Ей всадили нож прямо в грудь. Бен-евангелист привез ее в коляске своего мотоцикла в четыре утра. Ей всадили нож прямо сюда...

Гарри стукнул себя кулаком по груди под самым сердцем; у меня словно помутилось в голове: так ясно представилась живая грудь миссис Кристо.

— Она не очень пострадала?

— Господи боже мой! А ты как думаешь?— спросил Гарри.

— Не знаю, что и думать. Она жива?

— Да нет же,— сказал Гарри.— Ее принесли уже мертвую...

ГЛАВА 14

Гарри сказал, что ему неизвестно, кто заколол миссис Кристо, и я кинулся к дому Джули в таком смятении, что сам не знал, то ли я думал о мертвой миссис Кристо, о ее ужасной, трагической смерти, то ли о Джули — живом, безнадежно ошеломленном и одиноком. Но все недоуменные мои вопросы остались без ответа: в дом Кристо меня не впустили. Прислонясь к воротам, стоял полусонный полицейский Эндрюс.

— Откуда ты, черт возьми, узнал?— поинтересовался он.— Ведь только еще семь утра.

— Не все ли равно?— сказал я.— Впустите меня, Боб. Я хочу поговорить с Джули.

Эндрюс был знаменит тем, что на местных благотворительных базарах и концертах исполнял «По дороге в Мандалей», и когда, как сейчас, он напускал на себя официальный вид, он походил либо на певца, кото-

ОТРЕШЕННЫЙ

рый приготовился запеть, либо на английского солдата, едущего домой, в отпуск. В это утро передо мной был полусонный английский солдат.

— Никому не позволено никого видеть,— сказал он.— И меньше всех тебе.

— Почему? Что там происходит?

— Не твое дело,— сказал он.— Вход запрещен.

Я вынул блокнот и начал писать, повторяя вслух: «Не твое дело...»

— Ладно, ладно,— сказал полицейский.— Но туда нельзя, Кит. Там сержант Коллинз всех допрашивает.

— Но кто ее убил?— спросил я.— Что случилось?

— Не спрашивай меня. Я бы не мог сказать, даже если б знал, а я не знаю.

Я не поверил.

— Рано или поздно это все равно выйдет наружу, Боб, так что можно бы и намекнуть.

— Сам понимаешь, не могу. Иди-ка лучше отсюда.

Взбудораженный, полный любопытства, я поверх плеча Эндрюса уставился на песчаную дорожку, и лишь теперь до меня стал доходить весь ужас случившегося. Пыльная, пустынная дорожка вся была в пятнах крови, вид их подействовал на меня неожиданно. Я вдруг понял, что не хочу ни спрашивать, ни смотреть, ни что-либо узнавать. Хочу только одного: убраться подальше... Все ответы были здесь, но я уже не хотел их знать.

Я сел на велосипед и поехал через весь город на скотопригонный двор, куда собаки, гуртовщики и местные ребята должны были пригнать шесть тысяч овец. Нелепо было ехать сейчас туда, но что еще мне оставалось. Тошно было мне, и, казалось, все заслонял нож, который пронзил ее грудь, и, однако, я помню чуть не каждую из этих тысяч пыльных, сальных, грязных овец.

А все же меня тянуло к дому Джули, и я снова пошел туда. Был уже десятый час. Полицейский Эндрюс исчез, и я зашагал по песчаной дорожке к двери в кухню и постучал. Открыла мисс Майл.

— Сюда нельзя, Кит,— сказала она.

— А Джули дома, мисс Майл?

— Нет. Он ушел с сержантом Коллинзом.

— Куда?

— В участок.

— Но как это случилось? Скажите мне по крайней мере, как это случилось...

— Сержант Коллинз сказал, мы не должны ничего никому говорить.

За спиной мисс Майл уже столпились остальные жильцы. Они глядели на меня, точно перепуганные дети, которые остались без матери.

— Как это случилось, мистер Мейкпис?— спросил я.

Вера всегда придавала мистеру Мейкпису своего рода простодушную силу — без нее он не мог бы разъезжать по городу со своими плакатами, не обращая внимания на наши насмешки. Он и знакомства ни с кем не водил, кроме жителей библейского квартала, да и все они прежде ни в ком постороннем не нуждались. Стены этого уродливого дома всегда надежно их защищали. А вот сейчас я чувствовал: они хотят, чтобы я зашел, сел за стол и помог им поддержать эти стены. Никакой другой жизнью они жить не умели, а эта вдруг зашаталась — вот-вот обрушится.

— По-моему, тебе можно довериться, Кит,— сказал Мейкпис.— Но только никому не говори, кто рассказал. Обещаешь?

— Будьте спокойны,— сказал я.

— Я толком сам не знаю, как это случилось. Я спал, и меня разбудил Джули. Я пошел за ним в кухню и вижу: миссис Кристо валится на колени, вздохнула так и на пол валится, а в груди у нее торчит старый немецкий штык, ну, который у нас вместо ножа, вот здесь торчит...

Он пальцем показал на себе, куда вошел нож, и снова меня будто ударило в сердце, будто это в мою плоть вонзился нож, да так глубоко, что его уже не вытащить.

— Но как же все-таки это случилось, мистер Мейкпис?

— Не знаю. Джули ничего не сказал. Он поздно вернулся из Ноя. Иногда, если он поздно приходил, миссис Кристо просыпалась. Встанет, бывало, даст ему булочку с сосиской, чаю нальет. Или оставит на столе, прямо на противне, пирог, а он уж сам себе отрежет. Не знаю, что там вышло. Знаю только, Джули разбудил меня, а у самого руки дрожат, и мы уложили миссис Кристо в коляску Бенова мотоцикла и свезли ее в больницу. А там сестра Пидмонт мне говорит: она, говорит, уже умерла. Ужас, какая она была холодная, Кит. А больше я ничего не знаю, и ты никому не говори, что это я тебе рассказал.

— Будьте спокойны.

— Что ж теперь будет?— спросила мисс Майл.— Что они станут делать?

— Не знаю. Но пойду попробую, может, мне удастся поговорить с Джули. Он что, совсем ни слова не сказал?— спросил я Мейкписа.

— Ничего. Ни слова. Я сержанту Коллинзу рассказал то же самое, вот как сейчас тебе. А Джули ни ему, сержанту Коллинзу, ни слова не сказал. Сержант очень на него рассердился, а Джули все равно не стал с ним разговаривать. Джули весь бледный был и все стискивал руки, а больше я ничего не знаю, Кит. Не знаю я, что там случилось.

Когда я выходил из дома Кристо, за воротами уже торчали двое парней (близнецы Джексоны) на велосипедах. Одна из ближайших соседок заглядывала сбоку через забор. То была миссис Климентс, она спросила, какие новости, но я сказал, мне некогда. Я снова покатил через весь город к полицейскому участку — домику с верандой, стоявшему у реки, под перечными деревьями, но едва я отворил затянутую проволочной сеткой дверь, как сержант Коллинз сказал, чтоб я, черт возьми, убирался подальше.

— Тут хлопот по горло, так обязательно нагрянет кто-нибудь вроде тебя. Либо ты, либо твой папаша.

— Но...

— Ничего ты от меня не услышишь, и не место тебе здесь. Так что проваливай.

— Я хочу только узнать, как это случилось,— сказал я.

— А я не намерен тебе про это рассказывать. Так что убери свой блокнот.

Блокнот я даже и не доставал, я совсем про него забыл. Думал я только об одном — о Джули.

— Разрешите мне увидеться с Джули, сержант,— сказал я.— Только на минутку.

— Зачем?

Тут я замялся, а зная Коллинза, надо было твердо стоять на своем.

— Вы его посадили за решетку?— спросил я.

— Да, и тебе его не увидать.

— Вы что ж, хотите в чем-то его обвинить?

— Поживешь — увидишь. А теперь шагай отсюда. Слышишь?

— Послушайте, сержант,— нашелся я наконец, кое-как вспомнив порядки и законы,— Джули непременно должен с кем-то поговорить. Вы не можете просто вот так взять его и запереть.

— Почему это не могу?

— А потому что не имеете права.

— Это ты так считаешь. А вот увижу, что ты суешь нос куда не надо, расспрашиваешь жильцов того дома,— и сам пойдешь под суд за то, что мешаешь следствию.

— Ну, нет,— разозлился я.— Нет такого закона, который запрещал бы мне задавать вопросы.

Настолько-то я закон знал, и этому меня учил отец: никогда не позволять никому, даже самим представителям закона, угрожать тебе искаженным или ложно истолкованным законом: «Это лишь дурацкая форма опасного шантажа».

— Я еще вернусь,— пригрозил я, уходя.

Я знал: сержант Коллинз вовсе не собирался обойтись со мной так сурово, но он и мой отец вечно воевали друг с другом, оттого-то сейчас досталось и мне. Однако я понимал, что право сейчас на его стороне, и по дороге домой все думал, как бы помочь Джули. Отец уехал в Бендиго защищать нашего владельца гаража, Чарли Кука,— таможняя страховая компания обвинила его, что он предъявил фальшивый полис. До конца недели отец не вернется, а судя по настроению сержанта Коллинза, если уж он считает, что ему есть в чем обвинить Джули, он с этим мешкать не станет.

ГЛАВА 15

К вечеру понедельника весь город упивался потрясающим событием. Однако насильственная смерть миссис Кристо не убавила яду и не смягчила трагедию, напротив, она словно бы с потрясающей неопровержимостью доказала, что все слухи о Джули были поразительно, неправдоподобно справедливы. Где бы ни встретились двое наших горожан в то воскресенье и в понедельник, даже если они перешептывались в церкви, ясно было, что их обуревают ужас, волнение, жалость и стыд, они потрясены, изумлены, только об этом и могут думать, а меж тем неприбранное тело миссис Кристо ждало в больничном погребе, пока его осмотрит следователь и определит причину смерти.

Но задолго до осмотра трупа Джули предстал перед полицейским судом, и ему предъявили обвинение. Случилось это в среду, и я даже и не знал, что будет слушаться дело Джули, пока полицейский Эндрюс не объявил его вслед за делом о краже, совершенной двумя местными парнями, Джекки Смитом и Джо Бертоном,— они стащили на сортировочной станции два мешка цемента. Мне до сих пор так и не удалось повидать Джули, а в суд меня привели мои обычные репортерские обязанности. Впрочем, я мог бы и раньше понять, что предстоит нечто необычное: ведь в сторонке сидел и читал газету доктор Джеймс Дик — наш патолог и следователь по делам о насильственной смерти.

— Джулиан Кристо!— выкрикнул Эндрюс.

Джули вошел в сопровождении нашего однорукого чиновника полицейского суда, который провел его к скамье подсудимых. Прямо передо мной, пониже, стоя за столом, где обычно сидели адвокаты, сержант Коллинз читал обвинение, которое в переводе с юридического языка на обыкновенный гласило, что в воскресенье, 12 сентября, около половины третьего ночи Джули с заранее обдуманным намерением ударил ножом свою мать, и это послужило причиной ее смерти. Полиция просила полицейский суд согласиться с этим обвинением и передать дело Джули в более высокую инстанцию — в суд присяжных, которому подсудны дела об убийстве.

— Признает ли обвиняемый себя виновным?— спросил полицейский судья. Это был мистер Крест, которого мы прозвали Крест-Накрест: в прошлом он был поверенным и, говорят, кривыми путями прибрал к рукам закладные на многие фермы в наших краях.

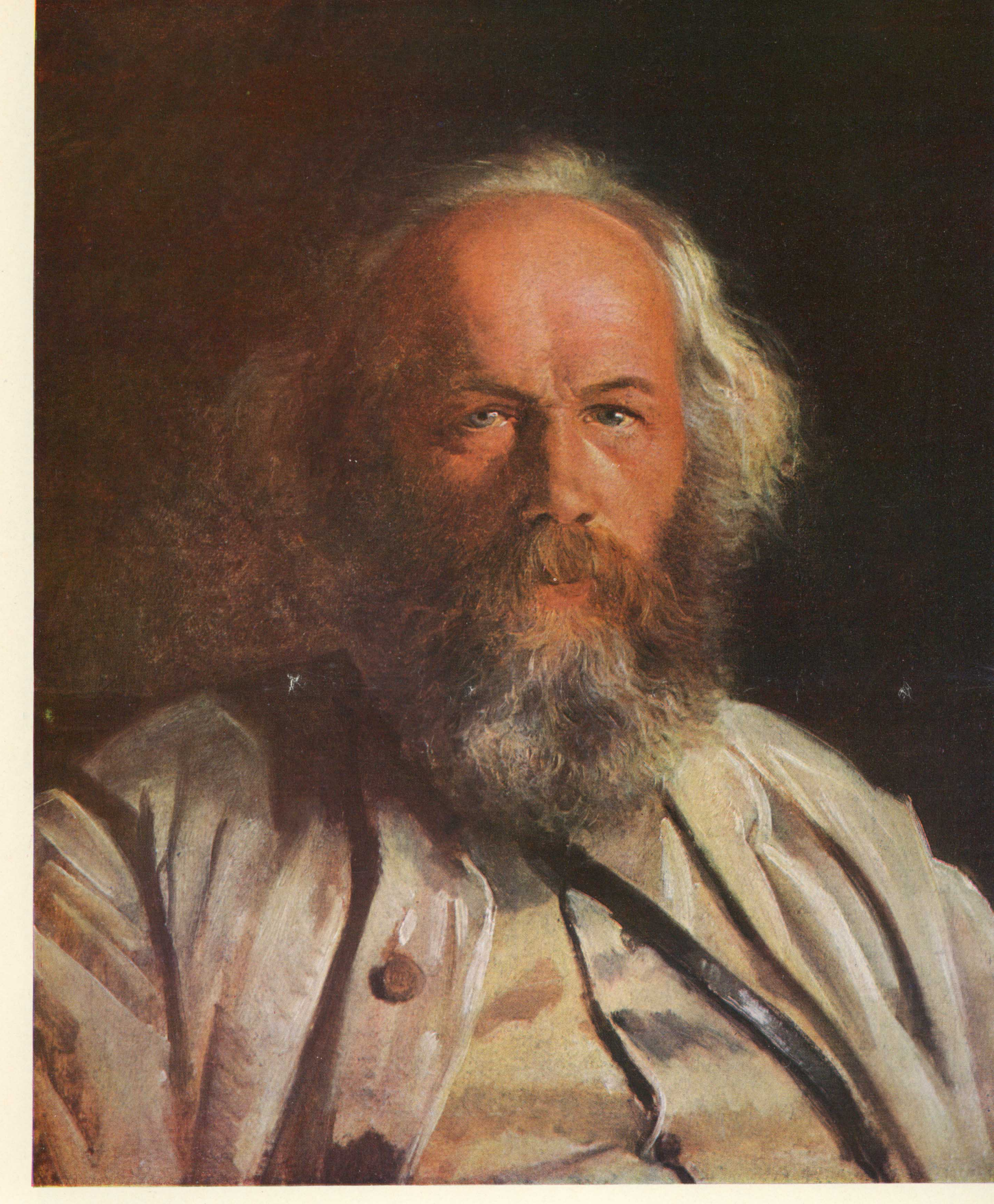
Я ждал ответа Джули. С той минуты, как он вошел, я все пытался по взгляду его, по какому-нибудь движению понять, что думает он, что чувствует. Хоть бы он как-то это показал! Как угодно! Но нет, теперь мне уже не уловить, как на него подействовало случившееся: я упустил время, не видел его в те первые часы, не видел его страдания — что бы ни пришлось ему перестрадать. А сейчас Джули был такой, каким я знал его всегда,— по обыкновению он смотрел сквозь нас, повиновался, когда ему велели что-то сделать, безучастно глядел на все, что происходило вокруг, и ничем не выдавал, что у него внутри — никаких признаков, по которым мы могли бы догадаться, виновен он или не виновен, терзают ли его боль, горе или раскаяние. Привычная маска его была непроницаема.

— Признаете ли вы себя виновным?— повторил судья.

Джули словно и не слышал.

— Ваша милость, подсудимый не признает себя виновным в предъявленном ему обвинении.

Это кто-то ответил за Джули. Но кто же? Я наклонился вперед и увидел, что это

Н. Ге. 1831—1894. М. А. БАКУНИН.

Ф. Малявин. 1869—1940. ЯМЩИК.

Джексон Стендиш, которого мы прозвали Серебряный Стендиш: он был седовласый, всегда крутил в руках серебряный карандаш и считался одним из самых богатых городских адвокатов. Юристов его склада отец мой называл «торговыми адвокатами». Иными словами, он был не многим больше, чем посредник по купле-продаже — оформлял сделки с недвижимостью, составлял договоры, выступал в качестве арбитра между поставщиками пшеницы, регистрировал племенных быков и лошадей и прочее в этом роде. Какого же черта этот Серебряный делец выступает от имени Джули? Кто навязал ему эту роль?

Ясно одно: кто-то пытается вызволить Джули, и не требовалось особой догадливости, чтобы понять, что тут не обошлось без Нормы Толмедж. Стендиши — близкие друзья Толмеджей, и все знали: бóльшая часть состояния Толмеджей нажита не зубоврачеванием, а капиталовложениями и сделками с пшеницей, к которым причастен Стендиш. Могло показаться, будто Джули повезло, что в суде его уже представляет старик Стендиш, но я понимал: ничего хорошего в этом нет. Тут требовался адвокат совсем иного рода.

Да, совсем другой тут нужен был защитник, иначе полиция не вынесла бы дело Джули на суд так быстро и легко. Ведь если бы в этом суде Джули представлял мой отец, он на каждом шагу оспаривал бы все сказанное и сделанное, ибо всегда предпочитал отстаивать своего подзащитного перед полицейским судом, пока дело не передано в суд присяжных. «Полицейского судью еще иногда можно усовестить настолько, что он поступит разумно, а присяжных, как ни усовещивай, в лучшем случае добьешься, что возникнут сомнения и голоса разделятся».

Стендиш, в сущности, даже не пытался отстаивать Джули перед полицейским судом. Он вел себя так, словно хотел с самого начала, чтобы дело передали в более высокую инстанцию. Итак, мы слушали показания жильцов, а потом сержанта Коллинза — он рассказал, как вел расследование, как его вызвали, что он застал на месте, что кто ему говорил. Наконец, было прочитано медицинское заключение. Из него явствовало, что смерть наступила от сильного удара ножом или подобием штыка, который так и остался вонзенным в тело, а теперь завернутый в промокательную бумагу лежал на столе перед судьей.

— Будете вызывать каких-либо свидетелей, сержант Коллинз? — спросил судья Крест.

— Да, ваша милость. Мы вызовем доктора Дика. Он сообщит, что показало вскрытие трупа.

— Хорошо...

Вызвали доктора Дика — не в качестве свидетеля, а в качестве патолога, который должен сообщить, как и отчего наступила смерть. Доктор Дик всегда, и на улице и в помещении, носил белое шелковое кашне с кисточками, и о нем ходили жуткие слухи, будто его излюбленная обитель — единственный в городе погреб, больничный погреб, где держат трупы. А на самом деле он просто страдал астмой и полагал, что холодный воздух погреба ему на пользу.

— «Удар был нанесен прямо,— читал вслух (вернее, сопел) доктор Дик собственное заключение.— Это был скорее не удар, а толчок...» — Он поднял глаза от бумаги, желая убедиться, что его правильно поняли. Потом он прочел медицинское объяснение — как нож пронзил внешнюю мышечную ткань сердца и острым краем распорол ее. Смерть наступила в считанные минуты, пока миссис Кристо медленно опускалась на колени, не оттого, что нож вонзился в сердце, а оттого, что его чуть потянули назад, хотя и не извлекли.

— Это важно? — спросил Крест.

— В сущности, нет, ваша милость,— ответил Дик.— Просто дело времени. Сердце все равно остановилось бы, и очень скоро.

— Можно ли самому нанести себе такой удар? — спросил его Серебряный.

— Только в том случае, если жертва както сумела укрепить нож острием к себе и бросилась на него.

Доктор сошел со свидетельского места, и сержант Коллинз попросил вызвать мистера Сирила Мейкписа.

Мейкпис встал на место свидетеля с таким чувством, с каким мальчишка входит в церковь иной веры. Он сам не знал, кого сейчас следует опасаться — дьявола или господа. Его показания были уже зачитаны раньше, они почти дословно совпадали с тем, что он рассказал мне в то утро. Но судья пожелал задать ему вопрос насчет кухни.

— Был ли в кухне кто-нибудь, кроме обвиняемого и его матери? — спросил он Мейкписа.

— Нет. Только Джули и его мать.

Стендиш спросил, кто позвал его в кухню. Позвал Джули, ответил Мейкпис. Джули был одет? Да. Что он делал в кухне в такой поздний (или ранний) час? Мейкпис опять пояснил, что мать обычно оставляла сыну пирог или булочки с сосисками.

— Слышали вы шум, что-нибудь похожее на ссору? — спросил Стендиш.

— Нет. Пока Джули меня не разбудил, я спал.

— Что он вам сказал, мистер Мейкпис?

— Он просто сказал: «Пойдемте в кухню, мистер Мейкпис». Так и сказал.

— А больше он ничего не сказал?

— Ничего. Только повторил это раза три и очень был бледный. А руки держал вот так.

И Мейкпис стиснул руки.

Теперь пришел черед сержанта Коллинза подчеркнуть, что Джули Кристо отказался отвечать на вопросы и давать какие-либо объяснения по поводу того, что произошло в кухне между ним и матерью. Он отказался привести неоспоримые доказательства того, что не присутствовал при случившемся. И, наконец, он ничего не отрицал, когда ему было сказано, что на него ложится ответственность за смерть матери.

— Желаете ли задать вопросы обвиняемому? — спросил судья Серебряного, карандаш которого так и ходил по бумаге.

— Не сейчас,— ответил Стендиш.

— А вообще обвиняемый хоть что-нибудь сказал? — спросил судья сержанта Коллинза.

— Иногда он качает головой,— ответил Коллинз.— Да только все время молчит, как воды в рот набрал, хоть ему сколько раз предлагали объяснить, как дело было.

— Вам есть что сказать, прежде чем суд вынесет решение? — обратился судья к Джули.

Джули словно не слышал.

— А вам, мистер Стендиш?

— Я нахожусь в столь же невыгодном положении, ваша милость. Я вынужден защищать своего клиента, не услышав от него ни единого слова, так что в настоящее время я не могу привести никаких веских доводов в его защиту. Быть может, позднее.

В пору было мне самому встать и защищать Джули. Моего отца молчание Джули не отпугнуло бы, это уж наверняка. Он бы непременно взял слово и перешел в наступление. Он всегда повторял: если у тебя нет ничего подходящего для защиты клиента, выбивай оружие из рук противной стороны.

Решение было очевидно: Джули останется под стражей и дело его передадут на выездную сессию суда присяжных. Дату слушания дела установят позднее. Возможно, его будут судить шестнадцатого числа следующего месяца, когда состоится очередная сессия в Сент-Хелене и суд получит высокие полномочия, необходимые для слушания дела такой важности.

Когда Джули выводили, я нарушил судебные правила.

— Джули! — крикнул я. — Бога ради, защищайся!

Джули наклонился и как-то странно потер колено, словно ушибся, и я вдруг подумал: а ведь все полчаса, которые понадобились полицейскому суду, чтобы передать его суду присяжных, он просидел, уставясь в одну точку, и, кажется, даже не мигнул ни разу.

Перевела с английского
Р. ОБЛОНСКАЯ

Продолжение следует.

СЛОВО О ПЕСНЕ

Она часто поет русские народные песни. Она поет их по-настоящему, знает и чувствует душу песни, сливается и живет с ней в едином порыве. И берет ее песня за сердце любого. Умеет Людмила Георгиевна русской песней открывать человеческие души. В чем секрет такой удивительный? На этот вопрос Людмила Зыкина стремится ответить своей книгой «Песня».

Видимо, по наследству от бабушки — знаменитой на всю округу песельницы — передалось Людмиле Георгиевне бережное, вдумчивое отношение к песне. Читая книгу, прослеживаешь, как много и всесторонне работает певица, совершенствуя свое мастерство.

В ее репертуаре нет песни, биографию которой она бы не знала. Знакомство с песней Людмила Георгиевна начинает с ее истории, чтобы правильно определить смысловой контекст, форму, интонацию. Озвучить, переложить текст на голос — второй шаг, новые упорные поиски, проникновение в ткань песни, чтобы петь ее посвоему.

Вот как сама Зыкина пишет об этом: «Из старинных народных больше всего мне пришлось «повозиться» с «Тонкой рябиной» на стихи Сурикова, записанной в 30-х годах О. Ковалевой от ивановских ткачих. Просмотрела фонотеку на радио и подивилась: уж больно «запетая»... Может, думала, не стоит и браться. И все же не переставала ломать голову — как подступиться к этой грустной песенной истории, за которой стоят живые человеческие судьбы?.. Я почувствовала в этой песне нераскрытый эмоциональный резерв. Рябина, склонившая голову «до самого тына»,— это нежный и хрупкий женский образ, привлекающий и покоряющий своей удивительной трепетностью. Значит, нужны какие-то новые краски».

Людмила Зыкина гостеприимно приглашает читателя в свою творческую мастерскую, пожалуйста, заимствуй, учись. Учись быть неповторимым, учись искренности, открытости в песне, без которых нельзя пробудить добрые чувства в сердцах человеческих.

«Беречь истоки!» — назвала Людмила Зыкина главу, в которой протестует против произвольного обращения с народной песней. Уважать, беречь песню, не унижать ее бездумным и бездушным исполнением призывает она. «Нередко задумываешься,— пишет Людмила Георгиевна,— откуда у нас такое нерачительное отношение к своему национальному богатству, перед которым преклонялись и преклоняются высочайшие авторитеты искусства и культуры, на котором сформировались гении русской нации? Может, это от ощущения, что всего у нас много, от сознания бескрайности земли русской? Но ведь при всех наших богатствах государство уже сейчас призывает беречь реки, сохранять леса. И нас не может не тревожить, каким дойдет до потомков наше национальное сокровище — русская песня, музыка».

Людмила АТРАШЕНКО

Людмила Зыкина. Песня. М., «Советская Россия», 1975, 144 стр.

Новая тройка. Молодой Харламов (справа) играет с Борисом Михайловым и Владимиром Петровым. Фото В. Трушникова

Валерий ХАРЛАМОВ, заслуженный мастер спорта

ПУТЬ В СБОРНУЮ

Почему я стал хоккеистом? Признаться, прежде я об этом особенно не задумывался. Но вот однажды меня попросили рассказать, как пришла любовь к хоккею, и я... я не смог ответить на этот вопрос. Просто в детстве я много времени проводил на льду. А потом в один прекрасный день в моих руках оказалась клюшка.

Чтобы стать спортсменом, достичь каких-то высот, надо полюбить этот вид спорта — это очевидно. Но есть и второе условие: надо жить где-то поблизости от стадиона, по крайней мере в таком месте, где были бы условия для занятий этим спортом. Я рос в районе Ленинградского проспекта, недалеко от Дворца спорта ЦСКА, и, пожалуй, именно это повлияло на выбор спортивного пути.

Хоккей — игра технически сложная. Здесь много условностей и условий. Хоккей не столь естествен, как бег, прыжки, плавание, метание. В футбол может играть практически каждый, кто умеет ходить, а в хоккее есть предварительное условие: сначала нужно научиться кататься на коньках, потому я считаю, что футбол в этом смысле доступнее.

Кататься я начал рано. Первым тренером был отец, Борис Сергеевич, слесарь-испытатель одного из московских заводов. Он возил меня, пятилетнего, с собой на соревнования заводских команд, давал мне, чтобы я не замерз, коньки. Ботинки были настолько велики, что я надевал их прямо на валенки.

Отец не опекал меня, когда я вставал на коньки: на льду я чувствовал себя уверенно. Родители мои работали. Мама к тому времени уже хорошо говорила по-русски, хотя и с акцентом, сохраняющимся и сегодня: Орибе Абат Хермане приехала в Советский Союз двенадцатилетней девочкой в 1937 году вместе с другими испанскими детьми.

Поскольку родители были заняты, то с понедельника и до субботы я был у бабушки. Сейчас это район Старого шоссе, тогда эти места назывались Соломенной сторожкой. Анатолий Владимирович Тарасов, узнав, где я впервые встал на коньки, воскликнул: «Я знаю это место. Раньше там были сады и огороды — мы туда за клубникой лазили!» Жили мы в деревянном доме. Я был все время на улице, катался на заснеженных дорогах, отшлифованных проезжими машинами.

Хоккей по-настоящему меня увлек в начале 1963 года, когда я увидел по телевидению чемпионат мира, проходивший в Стокгольме,

---

Продолжение. Начало см. № 42.

на котором началась серия побед советских хоккеистов. Серия, в которой и я успел сыграть.

Как только в нашем дворе появилась хоккейная коробка, я начал играть со старшими ребятами. Они охотно брали меня в свои команды, потому что я катался лучше других маленьких мальчишек. В ЦСКА я попал во многом благодаря именно этим ребятам. От них я узнал о том, что там периодически происходит запись желающих играть в хоккей и каждый год ведется набор в детскую школу. Набор в то время был не такой большой, как сейчас. Мы прокатили полтора круга, и из всей нашей компании оставили меня одного. Принял меня Борис Павлович Кулагин. Естественно, ни он, ни я не догадывались, что начинается наша совместная работа, которая будет длиться полтора десятка лет.

Начинал я нехорошо — с обмана. Был я тогда маленького роста и потому смог выдать себя за тринадцатилетнего: ребят, родившихся, как и я, в сорок восьмом, уже не принимали. Принимали только тех, кто был на год моложе меня, кто родился в 1949-м. Хоккейный клуб играл на первенство Москвы, в его составе были две команды мальчиков, три юношеские и две мужские. Мальчики, родившиеся в сорок девятом году, в чемпионате в то время еще не участвовали, их набирали заранее и пока только готовили к следующему сезону, а участвовали мы лишь в товарищеских матчах, познавая азы хоккея.

Но первый матч на зрителях я сыграл раньше, не ожидая следующей зимы, причем во Дворце ЦСКА перед матчем команд мастеров. Была назначена переигровка вторых команд мальчиков со «Спартаком» за первое-второе место, и случилось так, что в нашей первой пятерке один нападающий заболел. Вот тренеры и решили выставить меня. Так из команды сорок девятого года меня делегировали играть за ребят сорок восьмого года, и я попал в тройку к Коле Гарипову и Валерию Лопину.

Мы выиграли 6 : 2, а наше трио забросило то ли четыре, то ли пять шайб. А у спартаковцев была хорошая команда, там играли Владимир Шадрин и Игорь Лапин.

В тот день случился эпизод, который я запомнил на всю жизнь. Я нарушил правило, столкнувшись с уже мощным в ту пору Лапиным, и меня посадили на скамью штрафников. Я был, конечно, огорчен, мне было стыдно, что я подвел товарищей, и вдруг ко мне подошел Анатолий Владимирович Тарасов и сказал: «Молодец, что не испугался. Спасибо за мужество. Никогда никого не бойся!»

Я был обрадован, горд, восхищен. Сам знаменитый, легендарный Тарасов, несравненный маг хоккея, заметил меня, похвалил за смелость!

Для четырнадцатилетнего мальчишки, увлеченного хоккеем, похвала Тарасова была не просто высшей оценкой, но максимально возможной наградой. И вполне понятно, что его напутствие: «Никого не бойся!» — стало для меня высшим заветом: подростки особенно восприимчивы, и тем более внимательны и старательны они, если обращается к ним их кумир.

Отец терпеть не может лжи, даже в «тактических» целях. Мне врать всегда запрещалось, и потому папа рассказал моим тренерам Виталию Георгиевичу Ерфилову и Андрею Васильевичу Старовойтову, что я обманул их, что я с сорок восьмого года. Думал, меня выгонят, но меня простили, наверное, потому, что обман мой никому вреда принести не успел: за команду сорок девятого года я ни одного официального матча не провел, а за ребят сорок восьмого выступать имел полное право. Меня оставили в команде, и с тех пор я в ЦСКА. Последовательно поднимался из команды в команду — вторая, потом первая команда мальчиков, третья, вторая, первая юношей.

Медицинскую справку у меня не спрашивали, и я был рад, но боялся, что однажды моя тайна может быть раскрыта: дело в том, что я не мог в ту пору принести справку. В 1960 году я перенес ангину в тяжелой форме, болезнь дала осложнение: ревматизм сердца. Я долго был в больнице, три месяца лечился в санатории, и с того времени врачи запретили мне подвижные игры и даже школьные походы. Играя в ЦСКА, я боялся, что у меня спросят медицинскую справку. А когда ее все-таки потребовали, болезнь, видимо, сдалась. Комиссия врачей изучила дело и признала, что болезнь я переборол.

Играл с желанием. Старался, но был момент, когда я начал пропускать тренировки. Отец, узнав об этом, сказал:

— Если уж взялся за что-то, нужно заниматься как следует или вовсе отказаться... Работай по-настоящему, или я скажу тренеру, что ты не хочешь играть, а ребят подводить не позволю, они на тебя рассчитывают...

Это правило я запомнил хорошо: попал в команду — не подводи товарищей. Впоследствии оно мне во многом помогло.

Все шло гладко, без взлетов и падений, пока я как бы из класса в класс переходил из одной возрастной группы в другую, но вот настал черед первой юношеской команды, меня стали приглашать и в мужскую, и я очутился перед проблемой: следовать ли советам тренеров ЦСКА, подавать ли заявление о призыве в армию? Я написал такое заявление и сейчас понимаю, что поступил правильно, но тогда...

В команде мастеров ЦСКА все места были заняты. Играли еще великие хоккеисты старшего поколения, возглавляемые Вениамином Александровым, Александром Альметовым и Анатолием Фирсовым — я говорю сейчас только о нападающих. Играли Валентин Сенюшкин, Леонид Волков, играла быстрейшая в стране (да только ли в стране!) тройка Юрий Моисеев — Евгений Мишаков — Анатолий Ионов. Играла и талантливая молодежь, возглавляемая Владимиром Викуловым и Виктором Полупановым, такие одаренные мастера, как Борис Михайлов и Владимир Петров. В молодежной команде вместе со мной выступали перспективные ребята — Владимир Богомолов, Александр Смолин, Юрий Блинов, Евгений Деев, которые по физическим кондициям, по игре были, на взгляд тренеров, не хуже, а лучше меня. Потому на меня тренеры обращали не слишком много внимания, а на подходе были уже Вячеслав Анисин и Александр Бодунов.

Короче говоря, в основной состав команды мастеров меня подключили только однажды. Было это 22 октября 1967 года в Новосибирске. ЦСКА выиграл у «Сибири» 6 : 2. Играл я не с самого начала матча.

Радоваться особенно было нечему. Мне девятнадцать лет, и я далек от основного состава, а ведь Альметов в моем возрасте был уже в сборной! А потом тренеры мне сказали, что, выступая только за клубную мужскую команду, я не смогу повышать свое мастерство, и потому в ноябре они решили направить меня на стажировку в одну из армейских команд.

Прощаясь, Анатолий Владимирович Тарасов мрачно пошутил: «Поедешь, чтобы не было скучно там Гусеву». Александр Гусев, молодой армейский защитник, уехал туда раньше.

Выступали мы с Гусевым там успешно, но об этом ли я мечтал? Были моменты, когда я хотел бросить игру. Утешил Кулагин. Мы играли в Калинине, Борис Павлович приехал на матч. И вот после игры он намекнул нам, чтобы мы и дальше старались, что нас скоро, видимо, вызовут в Москву. Это нас окрылило. И действительно, в марте 1968 года меня вызвали в ЦСКА, а скоро настал черед и Александра Гусева.

7 марта команда выиграла, и эта победа позволила ей перейти в следующий класс розыгрыша первенства страны, а 8-го я был в Москве и прямо с поезда зашел к приятелю, который встречал меня на вокзале. Только мы с бывшими моими одноклассниками сели за стол, как вдруг приезжает отец и говорит, что надо идти на тренировку ЦСКА. Я страшно удивился: откуда узнали, что я в Москве? Конечно, помчался на тренировку. На льду в тот день были только те, кто не играл накануне. Помню Юру Блинова, Бориса Ноздрина.

И началась новая жизнь.

Так я стал вхож в компанию избранных, хотя еще не был «действительным членом» этой общепризнанной академии хоккея. Уже десятого марта, спустя четыре с половиной месяца после первой попытки, я снова был включен в основной состав. И снова против аутсайдера — новосибирской «Сибири». Мы разгромили тогда соперника 11 : 3. Мне дали возможность сыграть вместе с Викуловым и Полупановым, подменяя самого Фирсова.

Через день ЦСКА учинил разгром динамовцам Киева — 17 : 2. В конце этого матча я впервые вышел на лед Дворца спорта в Лужниках. Еще через два дня меня подключили в игру ответственную, важную — против динамовцев Москвы. Так я начал играть во всех матчах ЦСКА, и вот 23 марта 1968 года во встрече с воскресенским «Химиком» меня незадолго до конца поединка послали на лед вместо Вениамина Александрова вместе с Петровым и Михайловым. Это был лишь эпизод, всего лишь эпизод, и ни один из нас, ни наши тренеры, никто еще не знал, что только что на льду возникла тройка, которой суждено будущее.

Матч за матчем. 26 марта я впервые в жизни вышел на лед с самого начала игры, и партнерами у меня были Михайлов и Фирсов. Затем я заменял Моисеева, Ионова, снова Фирсова.

23 апреля в матче с «Крылышками» тренеры вслед за звеньями Полупанова и Петрова выпустили молодежную тройку: Харламов — Смолин — Блинов, и после последней смены ворот я забил свой первый гол в высшей лиге. Кстати, Саша Гусев в этом матче тоже забросил шайбу.

Сезон заканчивался, и я снова был полон надежд. Летом готовился к будущим баталиям и с нетерпением ждал новых встреч и новых испытаний. Календарь чемпионата страны был тогда не столь напряженным, как сейчас, силы соперников не так равноценны, и тренеры не особенно рисковали, выпуская на лед молодежное звено. Ну, а уж мы старались. Помню, в начале сезона нас выпустили на два матча в Киеве. Армейцы выиграли 10 : 6 и 14 : 4, и в первом матче тройка Харламов — Смолин — Блинов забросила три шайбы, не пропустив ни одной, а во втором поединке свой микроматч выиграла со счетом 8 : 0.

Тройка Михайлов — Петров — Харламов была создана после возвращения команды из Японии. Я заменил Александрова. И вот при-

ОЯ СТИХИЯ

шло признание. В декабре 1968 года на международном турнире газеты «Известия» наша тройка, выступая в составе второй сборной, забила канадцам четыре шайбы. В команде Канады выступали такие известные игроки, как вратарь Стефенсон, защитники Бэгг и Боуэнс, нападающие Хакк, Ирвинг, Пиндер, Кеффри. Я открыл счет на первой минуте. Канадцы ответили тремя голами, затем Петров и Михайлов после моих пасов сравняли счет, а в третьем периоде мне удалось забросить решающую шайбу.

Это был мой первый международный матч, первый матч за сборную, пусть и не главную. Затем за короткий отрезок времени я сыграл дюжину матчей с канадцами: в составе первой команды мы совершили турне по Канаде и во всех десяти матчах играли. И вот награда: мы едем в Стокгольм, на чемпионат мира 1969 года, хотя наша тройка к началу турнира имела от роду всего лишь пятнадцать недель.

ИЩИ СВОЮ ИГРУ

Не знаю, есть ли в природе идеальные хоккеисты или футболисты. Есть, кажется, только один — бразилец Пеле. Переводчик нашей сборной показывал мне как-то вырезку то ли из канадской, то ли из американской газеты, где утверждалось, что я великий хоккеист. Такие оценки объясняю преувеличенной восторженностью репортеров и результатом рекламной суеты. Какое у меня великое множество недостатков, знают не только мои партнеры и тренеры, но и я сам. Может быть, даже лучше, чем они. Поэтому отбросим в сторону разговоры об идеальных партнерах, об идеальных спортсменах и поговорим о живых, конкретных людях, о прекрасных хоккеистах — Борисе Михайлове и Владимире Петрове.

Мы вместе испытывали радость больших побед, вместе — что еще важнее — добивались их, вместе огорчались в случае неудачи.

Здесь самое время напомнить о том, что в ту пору наш тренер решал проблему третьей тройки. В первом звене играли первоклассные мастера — Анатолий Фирсов и молодые, но уже успевшие к началу сезона 1968/69 года стать трехкратными чемпионами мира и олимпийскими чемпионами Владимир Викулов и Виктор Полупанов. Надежно было и второе звено, где также играли олимпийские чемпионы — Евгений Мишаков, Анатолий Ионов и Юрий Моисеев. А вот проблема третьего звена решалась медленно.

Сейчас я понимаю, почему. Это только так говорится — третье звено. На самом деле перед Тарасовым стояла труднейшая задача: он искал замену хоккеистам тройки «А». Трем великим асам хоккея, которые один за другим покидали лед, нужна была смена. Ушел Константин Локтев, ушел Александр Альметов. Оставался последний из могикан — Вениамин Александров. Он играл то вместе с Михайловым и Петровым, то с Михайловым и Смолиным, играл со мной, играл с Фирсовым, подключались в состав тройки и другие хоккеисты, и по мрачному лицу Тарасова можно было догадаться, что опять «не то», снова «не то».

Недовольство тренера понятно: перед его мысленным взором была великолепная игра испытанной тройки «А». Мы все на ее фоне проигрывали, а я тогда ясно чувствовал, что мне далеко до Александрова, и был готов к тому, что завтра на тренировке услышу о новом составе звена.

Но я ошибся. Тарасов уже решил, каким будет новое трио, и после нескольких проверок остановился окончательно на том варианте, который показался ему самым перспективным: Михайлов — Петров — Харламов. И с тех пор нас считают первой тройкой советского хоккея. Тройкой «А».

Хоккейная тройка — это коллектив. Своеобразный «производственный» коллектив. Не случайно нас называют звеном. А первое условие успешной деятельности коллектива — психологическая совместимость. Еще лучше, если дружба. Три мастера, даже очень хороших, не станут сильным звеном, если не будут понимать друг друга, уважать друг друга, исповедовать одни и те же принципы хоккея.

Это тем более важно, если речь идет о долголетнем сотрудничестве. Тут взаимная симпатия, готовность помогать друг другу, прощать ошибки особенно необходимы.

Хорошо сыграл! Борис Михайлов поздравляет Валерия. Фото А. Бочинина

А мы очень разные. Разные во всем. Разные люди нас привлекают. Разные книги интересуют. И разные взгляды на самые серьезные да и не слишком серьезные проблемы делают нас очень несхожими. Мы много спорим. А тем более на тренировках. И особенно во время подготовительных сборов, когда живем вместе. Это только на чемпионатах мира и на Олимпийских играх я живу с другими, чаще всего с Александром Мальцевым. Но наша дружба на льду, одинаковое понимание не только принципов игры, но и — что не менее существенно — одинаковое отношение к игре помогают нам преодолевать все, что разделяет нас.

Если меня спрашивают во время учебно-тренировочного сбора, в дни зарубежной поездки: что делают сейчас, в эту минуту, Михайлов и Петров, я всегда могу ответить, не опасаясь ошибки: спорят!

Это величайшие спорщики. Анатолий Фирсов назвал Михайлова чемпионом мира по спорам, и он, конечно же, прав. Борис готов спорить без конца, но сильная его сторона заключается в том, что он самокритичен, умеет признавать свою ошибку, признавать правоту оппонента. В общем, я считаю, что это хорошо — постоянное стремление докопаться до истины, умение отстаивать свою точку зрения в самых яростных спорах с тренерами, руководителями клуба. Тем более, если это не переходит в упрямство. А вот Володя Петров своих промахов не признает ни за что. Он уступить не может никому и ни в чем.

Однажды у меня спросили, верен ли рассказ о том, как Володя играл во время одного из тренировочных сборов в шахматы с Анатолием Карповым. Гроссмейстер в те же дни готовился к турниру, жил рядом с нами, мы играли с ним в бильярд, и вполне было возможно, что Петров, величайший любитель шахмат, пожелал испытать силы Карпова.

Очевидцы утверждают, что Володя проигрывал раз за разом, но смириться с неудачами не мог. Догадываюсь, отлично зная нашего центрфорварда, о ходе его размышлений: конечно, Карпов — чемпион мира, конечно, он силен, но не настолько же, чтобы я не выиграл у него ни одной партии.

Хочу проверить эту историю, да боюсь спрашивать у Петрова. Но если это и выдумка, то очень похожая на правду. Именно так в подобной ситуации и вел бы себя мой партнер.

Настойчивость и упрямство — граничащие друг с другом качества. Настойчивость помогла Володе стать первоклассным хоккеистом. Упрямство мешает ему добиваться еще большего. Вот иллюстрация.

В игре с московским «Динамо» Петров сильнейшим броском от синей линии (причем находился он у борта, то есть бросал шайбу в ворота под углом) забил гол Владимиру Полупанову. В следующем матче он бросал шайбу с той же точки еще несколько раз. Тщетными были наши попытки убедить его, что это неразумно, Петров продолжал свое. И даже когда соперник втроем защищался против нашей пятерки и у нас была превосходная возможность разыграть шайбу и выйти на позицию для верного взятия ворот, Петров, получив шайбу, швырнул ее издалека от синей линии, и динамовцы, легко овладев шайбой, выбросили ее из своей зоны.

Петров и Михайлов часто спорят еще и потому, что отстаивают интересы команды, интересы товарищей, и это, конечно, благородно, а мы, зная достоинства своих друзей, постоянно избираем Бориса капитаном команды, а Володю — комсоргом. (Михайлов вот уже несколько лет капитан двух команд — ЦСКА и сборной.)

Но на льду мы забываем обо всех дискуссиях и спорах. На льду мы единомышленники, которых не разольешь водой. Мы готовы постоять друг за друга, помочь друг другу и «отработать», как говорят в хоккее, один за другого.

Жизнь человеческая — это будни, дела, повторяющиеся изо дня в день, какие-то житейские мелочи, на первый взгляд несущественные, но решающие многое. Вот и хоккей — это не только и не столько чемпионаты мира или захватывающие поединки ЦСКА со «Спартаком», сколько тренировки и тренировки, общение ежедневное, ежечасное с одними и теми же людьми. И прежде всего с партнерами по звену.

Пока, к счастью, мы еще не надоели друг другу. На учебно-тренировочном сборе, на чемпионате мира Борис, Володя и я стараемся сесть за один стол, в раздевалке наши места непременно рядом. Если кто-нибудь из нас троих идет получать клюшки, то старается прихватить их и для своих партнеров. И все мы прекрасно знаем, какой тип клюшки (у клюшек разные углы, они бывают для «леворуких» и «праворуких») предпочитает каждый.

С Борисом Михайловым и Володей Петровым играть легко. Даже в тех матчах, когда соперник попадается трудный. Взаимопонимание, мастерство, работоспособность моих партнеров выше всяких похвал. Мы понимаем друг друга не с полуслова, а с полубуквы. Я знаю, что они могут предпринять в то или иное мгновение, догадываюсь об их решении, даже если смотрят они куда-то в другую сторону. Точнее говоря, я не столько знаю, сколько чувствую, что сделают они в следующую секунду, как сыграют в той или иной ситуации, и потому в то же мгновение мчусь туда, где ждет меня шайба, где, по замыслу партнера, я должен появиться.

Я играл вместе со многими мастерами, в том числе и с очень большими, но ни с кем не удавалось мне добиться таких удач. Именно Володя и Борис сделали меня Харламовым.

Когда я попал к ним в тройку, у меня, по существу, было только одно достоинство — неплохая или, как говорили тренеры, нестандартная обводка. Все остальное предстояло постигать — и безошибочную игру в обороне, и умение добивать шайбу, и искусство игры в пас.

Мои старшие товарищи не обижали меня поучениями, хотя к тому времени, когда я попал к ним, они уже были мастерами спорта, чемпионами СССР, а я только перворазрядником (мастером спорта, и притом сразу заслуженным, я стал после победы сборной Советского Союза на чемпионате мира 1969 года). Борис и Владимир играли на меня, за меня, играли без лишних слов, без упреков. Они спешили мне на помощь, когда, потеряв шайбу, я по неопытности не успевал вернуться назад, терпеливо ждали паса, к которому я поначалу не питал особого пристрастия. Они говорили мне: «Играй в свою игру, но посматривай на нас, ищи нас на площадке».

Прошло немало времени, прежде чем я научился видеть всю площадку, играть на партнеров, выдавать им точные пасы. Казалось бы, мне теперь только и играть с ними. Но наше звено ждали серьезные испытания. В сезоне 1971/72 года Анатолий Владимирович Тарасов решил сформировать новую пятерку, в которой вместе с защитником Александром Рагулиным, полузащитниками (амплуа в хоккее в то время непривычное) Геннадием Цыганковым и Анатолием Фирсовым были бы два нападающих — Владимир Викулов и Харламов.

Одна из идей нового построения заключалась в том, что два нападающих получали больший простор для маневра, а центральным нападающим становился в момент атаки тот из полузащитников, который оказывался на более выгодной позиции для штурма ворот. Стоппер (он же центральный защитник) Рагулин должен был постоянно дежурить на «пятачке» у своих ворот, а борьба за шайбу в углах поля возлагалась на полузащитников.

Когда Тарасов поделился с нами своей идеей, команда была на тренировочном сборе в ГДР, в Берлине. Мы ужасно обиделись. Конечно, тренер волен по-своему компоновать звенья. Но, как правило, реорганизация касается тех троек, игра у которых не ладится. Но зачем же расформировывать ведущее звено клуба и сборной страны? Это не укладывалось в сознании. И особенно обидным решение тренера показалось Петрову и Михайлову. Думаю, они подозревали меня в том, что я согласился на реорганизацию с легкой душой, ведь теперь я буду выступать в компании с большими мастерами! Напомню, что несколькими месяцами ранее Анатолий Фирсов в третий раз получил приз, присуждаемый лучшему нападающему чемпионата мира, а Рагулин и Викулов были не менее прославленными хоккеистами.

Борис и Володя не раз пытались уговорить тренера не трогать нашу тройку, но Тарасов был непреклонен. И это происходило всего за несколько месяцев до Олимпийских игр, до первой нашей Олимпиады, на которую мы мечтали попасть, к которой шли вместе более трех лет. Обиды были серьезные. Недоволен был тренер, недовольны хоккеисты, и это взаимное недовольство мешало играть и тренироваться... И продолжался разброд до тех пор, пока Анатолий Владимирович не сумел все-таки убедить нас, что в интересах ЦСКА и сборной СССР мы обязаны располагать двумя сильными пятерками.

— Неужели,— говорил Тарасов, обращаясь к Борису и Владимиру, — вы с вашим опытом, мастерством, трудолюбием, работоспособностью, доброжелательным отношением к молодым не сможете вырастить еще одного Харламова? Вам все по плечу...

Тренер бил точно в цель. Он говорил не только о перспективах команды. Он учитывал и особенности характера Михайлова и Петрова, и мало-помалу они проникались желанием доказать миру и Тарасову, что звено и без Харламова сможет сыграть блестяще, что они и вправду способны сделать из Юрия Блинова первоклассного мастера.

Володя и Борис добились своего. То был лучший сезон Блинова. И не только потому, что он стал олимпийским чемпионом, заслуженным мастером спорта, но и потому, что играл Блинов той зимой блистательно. И публика, и журналисты, и мастера хоккея ахали: «Вот это игрок!» В матчах чемпионата страны и на Олимпийских играх Петров, Михайлов и их молодой партнер сыграли великолепно. А мною владели двойственные чувства. С одной стороны, мне жаль было расставаться с друзьями, было обидно, что ведущее звено не только ЦСКА, но и сборной расформировали, что пропадает все, чего мы с таким трудом достигли. С другой же... Я выступал теперь рядом с Анатолием Фирсовым и Владимиром Викуловым, выступал в компании, где плохо играть было просто невозможно.

Игра в новой пятерке многому меня научила, многое мне дала. Я стал меньше суетиться. Может быть, потому, что теперь у меня был больший простор (разделите ширину площадок — 30 метров — не на троих, как прежде, а на двоих), а может быть, потому, что стал иначе видеть хоккей. Играя рядом с таким мастером, как Анатолий Васильевич Фирсов, я заново открывал для себя многие тонкости, иначе, глубже понимал тактику хоккея. Новые партнеры научили меня действовать на площадке более вдумчиво, строже выполнять планы, разработанные перед матчем, заранее готовиться к тем или иным тактическим построениям, которыми, по замыслу тренеров, мы должны были озадачить соперника.

Викулов и Фирсов в каждом матче не только выполняли заранее продуманный план игры, но и творили, импровизировали, предлагали соперникам один ребус за другим. Они действовали и в нападении и в защите. И если с прежними своими партнерами я больше играл впереди, мало заботясь об обороне, о помощи защитникам, то теперь, находясь на льду рядом с такими прославленными игроками, не мог не следовать их примеру. Играть иначе, чем они, меньше трудиться на льду было бы неуважением к ним.

Так я познавал культуру хоккея. Тот сезон был для меня удачным. Не только потому, что стали мы в Саппоро олимпийскими чемпионами. Новая пятерка хорошо играла весь сезон — весной нашей микрокоманде вручили приз, присуждаемый редакцией газеты «Труд» самому результативному трио в союзном чемпионате. Но если бы меня спросили тогда, где хочу я играть — в новом звене или в прежнем, я бы не колебался. Конечно же, с Петровым и Михайловым! Только с ними! И пусть эти слова не покажутся обидными Фирсову или Цыганкову, Викулову или Рагулину. Я благодарен замечательным мастерам за все мои университеты. Я восхищен ими, но разве предосудительна верность первой любви? И когда осенью 1972 года я снова вернулся в звено Петрова, то стал играть еще лучше. По общему мнению, наше звено хорошо отыграло на чемпионате мира, который проводился весной 1973 года в Москве, и нам оказали большую помощь два таких могучих защитника, как Александр Гусев из ЦСКА и Валерий Васильев из московского «Динамо». Если память меня не подводит, мы забросили пятьдесят две шайбы! На иных чемпионатах столько не забрасывает и вся команда.

Продолжение следует.

ВЗЫСКАТЕЛЬНОСТЬ КРИТИКА

Около полувека отдал советскому театру известный театральный критик наших дней Николай Александрович Абалкин. Его семидесятилетие отмечает писательская, журналистская и театральная общественность.

Перу Н. Абалкина, кроме огромного количества журнальных и газетных статей, принадлежит ряд книг, уже самые названия которых исчерпывающе говорят о направлении мысли талантливого театрального писателя: «Система Станиславского и советский театр», «Кругозор драматурга», «Оружие гуманизма», «Художник и революция», «Диалог с драматургом», «Факел Охлопкова», «Театральная хроника», «На добрую память»... Книги эти написаны человеком, беззаветно влюбленным в театр. То, что Н. А. Абалкин, окончив режиссерский факультет, сам несколько лет работал в театре, позволяет ему особенно глубоко проникать в специфику сценического искусства, познавая ее, так сказать, изнутри. Он судит об искусстве с позиций высокой требовательности, и по его статьям и книгам всегда можно понять, ощутить основные тенденции, главные процессы, характеризующие нашу современную театральную жизнь.

Н. Абалкин (слева) и А. Корнейчук.

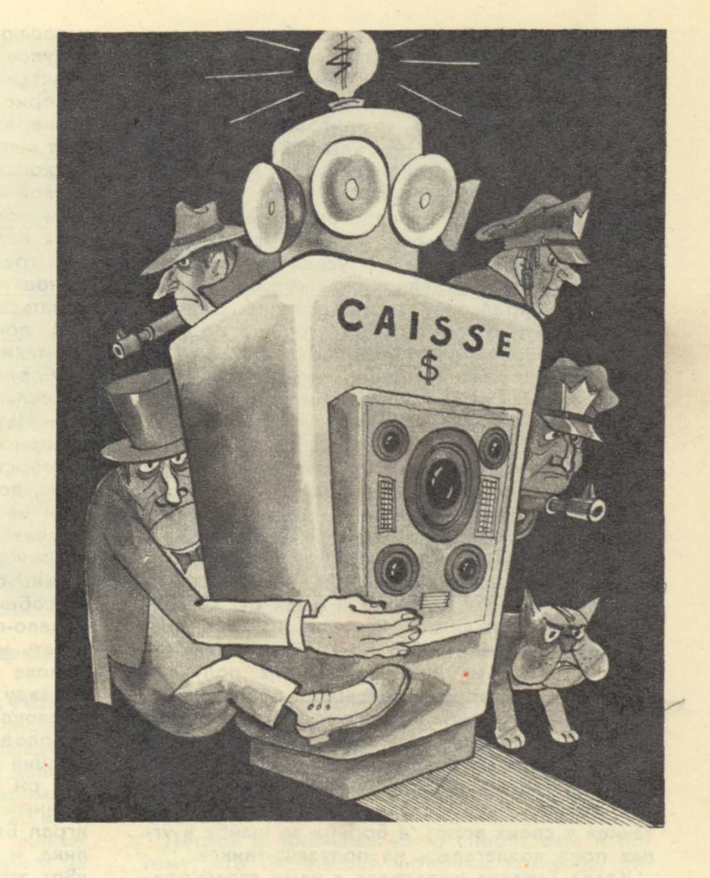
Необычайно широк диапазон творческих интересов и пристрастий критика. Здесь и театры с многолетними традициями, как Малый, МХАТ, Пушкинский в Ленинграде; здесь и московские, ленинградские театры, рожденные Октябрем, и национальные театры союзных и автономных республик.

Много лет отдано Николаем Александровичем всестороннему, скрупулезному исследованию творческого наследия К. С. Станиславского, боевой, активной пропаганде его эстетических принципов...

Борьба за идейную чистоту искусства — одна из самых главных задач нашей критики. Коммунистическая партия не раз напоминала нам всем, что главным критерием общественной значимости любого произведения было и остается идейное содержание. Н. А. Абалкин страстно и убежденно развивает эти позиции в своем творчестве, отличаясь и сегодня глубиной темперамента, молодостью души.

Юр. ЗУБКОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Обесчещенный КОМПЬЮТЕР

В. НИКОЛАЕВ

Рисунок Б. Воробьева

Сорок миллиардов долларов... Солидная цифра, не правда ли? Она выведена в результате большой исследовательской работы американских ученых. Обозначает сумму, воруемую в США ежегодно при помощи подлогов и прочих финансовых махинаций. Это воровство, как правило, осуществляется не профессиональными преступниками, а вполне добропорядочными с официальной точки зрения американцами, неплохо разбирающимися в хитросплетениях финансовых джунглей. Это тонкая разновидность уголовщины, сразу ее распознать трудно.

Впрочем, денежные тузы тоже не дремлют, сидя на своих сейфах. Одной из преград на пути мошенников в белых воротничках стали электронные вычислительные машины — компьютеры. Их стальные груди по идее непроницаемы для финансовых жуликов. Бесстрастная честность компьютера запрограммирована в нем с самого момента его рождения. Американский знаток этой проблемы Аллан Мейер недаром подметил, что публика обычно принимает выдаваемые электронным бухгалтером данные за «святую правду».

Именно на эту психологическую деталь и обратили внимание мошенники, задумавшие перехитрить компьютеры и их хозяев. Жил-поживал, например, в городе Миннеаполисе некий американец Мило́. Как говорится, подавал надежды. Был молодым многообещающим программистом электронных вычислительных машин. То есть можно сказать, что именно он одушевлял их стальные внутренности, вкладывал в них электронный разум, призванный бдительно, честно и неукоснительно служить интересам американского бизнеса. Способного специалиста ценили. И вовсе не случайно ему предложили отрегулировать электронную бухгалтерию в Национальном городском банке. Мило́ откликнулся на это предложение очень охотно. Дело в том, что молодой специалист имел свой счет именно в этом банке.

Итак, Мило начал по всем правилам науки и техники вкладывать программу в невозмутимый компьютер. Ах, если бы этот электронный робот умел негодовать! Он бы рассказал людям о том, какое чудовищное насилие совершил над ним коварный программист. Обучая уму-разуму стальные мозги, Мило навсегда заложил в них приказ: выписывать деньги ему, Мило, не считаясь с тем, есть ли они на его счету в банке или нет.

И началась у Мило распрекрасная жизнь! Знай себе выписывай чеки и, словно по щучьему велению, живи в полное свое удовольствие, компьютер все оплатит. Но однажды электронная машина сломалась. Пока ее несколько дней чинили, все финансовые операции делались по старинке, вручную, не стальными, а живыми кассирами и бухгалтерами. И они тут же заметили, что на счету у Мило давно нет ни цента, а он, несмотря на это, выгребал из банковских сейфов полновесные доллары.

Уникальное преступление? Увы, нет... «Мило один из многих тысяч

Век бессмертия

Николай ЕЛИН,

Владимир КАШАЕВ

ЮМОРЕСКА

Федор Семенович Прутиков пришел домой, разделся и лег в постель.

«Ну, кажется, все дела переделаны,— подумал он.— Внучку я замуж выдал, за кооперативную квартиру расплатился... Теперь можно умирать спокойно. Все-таки возраст у меня преклонный, силы уже не те. Пожил — и хватит, пора и честь знать. Жизнь я прожил хорошо, на совесть, стыдиться вроде бы нечего...»

Федор Семенович закрыл глаза и погрузился в воспоминания. Он лежал так около часа, а потом встрепенулся, вздохнул и, как бы подводя черту, сказал сам себе:

— Нет, все было правильно. Умереть могу с чистой совестью.

Прутиков мысленно попрощался с детьми, внуками, сослуживцами, закрыл глаза, сделал последний вдох, и... в этот момент зазвонил телефон. Федор Семенович нехотя выдохнул и снял трубку.

— Папа,— услышал он голос дочери,— выручай, на тебя вся надежда! У нас с Гришей билеты в кино взяты, а Вовку не с кем оставить... Очень тебя прошу...

— Ладно,— поколебавшись, согласился Прутиков.— Сейчас приду...

такого рода мошенников»,— свидетельствует американский журнал «Тайм». Повседневная действительность подтверждает справедливость этого утверждения.

Так, один нью-йоркский кассир, например, за три года выкачал из банковских сейфов с помощью обесчещенного им компьютера полтора миллиона долларов. Хозяева Юнион дайм сэйвингс бэнк, возможно, и сегодня ни в чем не подозревали бы своего служащего, если бы им не помог случай. Кассир был азартным игроком, и полиция обратила внимание на то, что мелкий клерк так сорит деньгами. А некий бухгалтер в Калифорнии с помощью компьютера не только украл больше миллиона долларов, но и так его запрограммировал, чтобы он, бедный, заблаговременно предупреждал технически образованного жулика о том, что очередное изъятие денег уже опасно, надо малость обождать.

Или вот другая любопытная разновидность электронного мошенничества. Накопленные компьютером данные используются в корыстных целях теми, кто эти данные ухитряется извлекать из машины. Один из таких жуликов тонкой специализации соединил компьютер со своим личным телефонным аппаратом и делал деньги, не вылезая из постели.

С некоторым опозданием к электронным жуликам подключились и представители профессиональной преступности, до которых, как видно, эта новинка в сфере уголовщины дошла не сразу. Так, в Чикаго банда гангстеров использовала компьютер для получения точных данных о финансовых делах своих будущих жертв, то есть похищала эти данные у машины, а затем уже изымала деньги и ценные бумаги у их владельцев, столь неосмотрительно доверившихся вычислительной технике.

Но это все отдельные примеры. А как обстоит дело с электронной уголовщиной по стране в целом, каковы ее перспективы? Официальная американская статистика весьма убедительно отвечает на этот вопрос, подробно освещенный в только что вышедшей книге «Преступление с помощью компьютера». Написана она знающим человеком, Донном Паркером, сотрудником Станфордского научно-исследовательского института. По подсчетам Паркера и его коллег, мошенники с помощью компьютеров ежегодно крадут в США триста миллионов долларов. Конечно, это мелочь по сравнению с сорока миллиардами, о которых шла речь в самом начале нашего повествования. Но, во-первых, оказывается, 85 процентов электронных преступлений не попадает под бдительное око полиции, а значит, и статистики. Во-вторых, если сейчас в США насчитывается 150 тысяч компьютеров, то к 1980 году, как предполагают, их будет более 500 тысяч. Так что есть все предпосылки для дальнейшего развития преступного электронного бизнеса.

Правда, владельцы компьютеров также кое-что предпринимают. Международная корпорация электронно-вычислительных машин разработала и запустила в производство специальное предохранительное устройство, которое по идее должно охранять компьютер от посягательств жуликов. Пресса сообщает, что это приспособление отличается исключительной сложностью и на него возлагаются большие надежды. Об этих хитроумных устройствах и других мерах борьбы с электронной уголовщиной шла речь на специальной конференции, состоявшейся недавно в Калифорнийском университете. Ученые мужи и служители правосудия разрабатывали стратегию борьбы с новейшим видом мошенничества. Но и высококвалифицированные жулики тоже не стоят на месте. Соревнование уголовщины с наукой продолжается...

Он часа два посидел с внуком, потом тепло попрощался с ним и с дочерью, вернулся к себе и снова лег.

— Ну, теперь вроде все,— удовлетворенно произнес он, устроился в кровати поудобнее и вдруг вспомнил, что забыл выпить лекарство, которое прописал ему гомеопат.

«Нехорошо,— подумал Федор Семенович.— Доктор старался, рецепт выписывал, каждые три часа пилюльки пить велел, а я так наплевательски к чужому труду отнесусь. Надо допить, негоже добру пропадать...»

Он кряхтя слез с постели, сгреб в ладонь несколько оставшихся пилюлек и единым махом отправил их в рот.

— Вот теперь уж точно все в порядке,— сказал Прутиков, ложась.— Больше меня на этом свете ничто не задерживает...

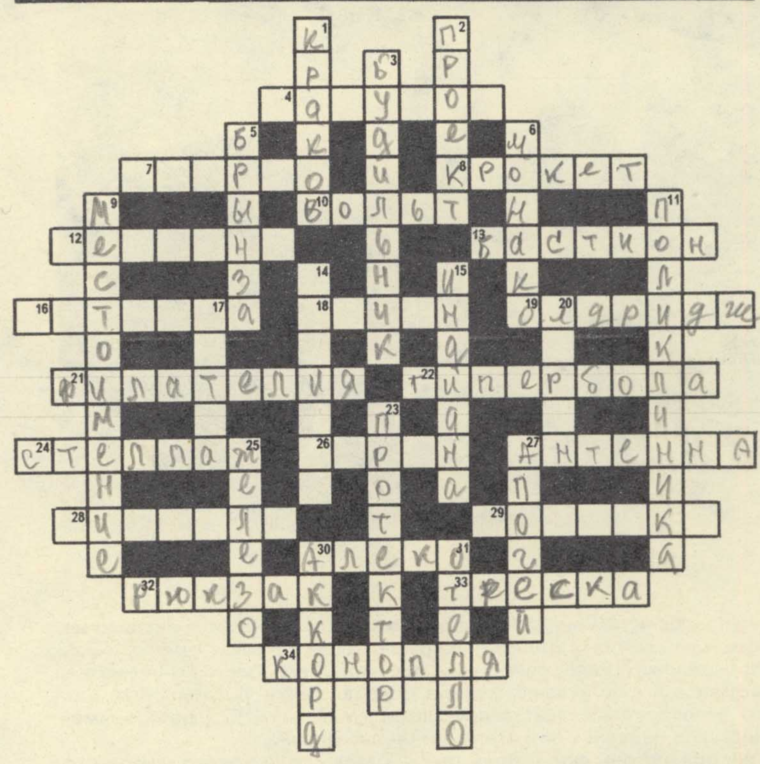
Он расслабился и начал погружаться в забытье. Из этого состояния его вывел стук в дверь. Пришла соседка и попросила починить утюг. Управившись с утюгом, Прутиков вернулся в комнату, но дойти до кровати не успел. Снова звякнул телефон. Звонили пионеры из подшефной школы. Они долго благодарили Федора Семеновича за интересное выступление у них на сборе, а потом попросили Прутикова принять их по неотложному делу: им надо уточнить некоторые детали его трудовой биографии, потому что они хотят написать о нем заметку в школьную стенгазету.

...В этот вечер Федор Семенович еще три раза подходил к телефону, дважды принимал посетителей, а в восемь часов не выдержал и включил телевизор, чтобы в последний раз посмотреть футбол. Смерть он решил отложить до ночи.

Наконец, все успокоилось. Часы пробили двенадцать раз. Прутиков торжественно подошел к кровати, аккуратно сложил одежду и вытянулся под одеялом. В этот раз он уже почти совсем умер, но в дверь снова забарабанили. На пороге стоял почтальон и протягивал телеграмму. Двоюродная сестра Федора Семеновича, проживающая в Средней Азии, извещала брата, что она едет к нему с внуками погостить. Прутиков вздохнул, расписался у почтальона в тетрадке и пошел в кухню перекусить. Умирать было некогда.

Наступал долгожданный век бессмертия...

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Народный поэт Дагестана. 7. Музыкальная пьеса. 8. Игра в деревянные шары. 10. Единица электрического напряжения. 12. Штат США. 13. Крепостное укрепление. 16. Форма для отливки типографского набора. 18. Экваториальное созвездие. 19. Английский писатель. 21. Коллекционирование марок. 22. Преувеличение. 24. Ряды полок в несколько ярусов. 26. Река в Иране. 27. Устройство для излучения и приема радиоволн. 28. Действующее лицо оперы Ж. Бизе «Кармен». 29. Остров в Средиземном море. 30. Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Цыганы». 32. Заплечный вещевой мешок. 33. Промысловая рыба. 34. Волокнистое и масличное растение.

По вертикали: 1. Город в Польше. 2. Разработанный план сооружения. 3. Сатирический журнал, в котором сотрудничал А. П. Чехов. 5. Сыр, приготовляемый из овечьего молока. 6. Государство в Европе. 9. Часть речи. 11. Медицинское учреждение. 14. Сушеный виноград. 15. Роман Жорж Санд. 17. Щипковый инструмент. 20. Французский химик XIX века. 23. Резиновый слой по окружности шины. 25. Металл. 27. Точка лунной орбиты, наиболее удаленная от Земли. 30. Сочетание нескольких звуков различной высоты. 31. Трагедия Шекспира.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 42

По горизонтали: 7. Степь. 8. Онега. 9. Ампер. 10. География. 11. Эскалатор. 12. Гагарка. 15. Риека. 17. Катет. 18. Фасад. 19. Копра. 22. Букса. 24. Арбуз. 26. «Свадьба». 29. Секундант. 30. Космодром. 31. «Анчар». 32. Лубок. 33. Пашня.

По вертикали: 1. Коперник. 2. Ермолова. 3. Стронций. 4. Готика. 5. Барсук. 6. Бестужев. 13. Гардина. 14. Рашкуль. 16. Анапа. 17. Корма. 20. «Музыкант». 21. Бумеранг. 23. Стандарт. 25. Резонанс. 27. Ваниль. 28. Бровка.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Встреча на Внуковском аэродроме.

Фото А. Гостева

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Скульптурная группа «Ополченцы». ✻ Бойцам 70-й и 90-й дивизий, ополченцам, артиллеристам, летчикам и зенитчикам, остановившим продвижение врага к Ленинграду. ✻ У памятника молодые курсанты. ✻ Пулково. Отважным танкистам. ✻ «Румболовская гора» установлена в честь командиров и бойцов, доставлявших грузы в осажденный Ленинград. ✻ 900 дней и 900 ночей.

Фото И. Тункеля

(См. в номере репортаж К. Черевкова «О смелых рассказы...»)

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 4/X — 1976 г. А 00730. Подп. к печ. 19/X — 1976 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2354. Тираж 2 030 000 экз. Заказ № 2885.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Густые заросли векового букового леса. На горизонте — снежные вершины Кавказского хребта. Ледяная вода горной реки... Эти места принадлежат Белореченскому лесничеству Кабардино-Балкарии. Здесь водятся дикие кабаны, куница, выдра. Речки богаты форелью. Большим лесопарком ведает зверосовхоз «Майский». Его достопримечательностью с недавних пор стали пятнистые олени.

Как же попали они сюда? Ведь родина этого реликтового животного дальневосточная тайга.

Идея акклиматизации пятнистого оленя в горах Кабардино-Балкарии принадлежит директору зверосовхоза «Майский» Михаилу Григорьевичу Роменскому. В прошлом дальневосточник, он спросил как-то тамошнего оленевода Николая Алексеевича Наконечного:

— Не хочешь ли прогуляться в окрестности Нальчика и приглядеть там подходящий уголок для твоих любимцев?

Наконечный, понимая, что оленям на родине становится тесно да и опасно из-за множества хищников, решил слетать в Кабардино-Балкарию. Долго он ходил по горным тропам, прикидывал, хорошо ли тут будет оленям, и пришел к выводу, что земли Белореченского лесничества вполне подойдут переселенцам. Здесь летом прекрасный травостой, изобилие прозрачных ключей, много любимого оленями кустарника. Природа отличная, а гнуса, столь ненавистного оленям, в горах нет.

И вот в марте 1968 года в Кабардино-Балкарию завезли 200 голов дальневосточного оленя. Животные быстро прижились здесь, стали давать потомство. Олени привыкли к оленеводам и даже берут пищу у них из рук. Теперь в стаде уже около тысячи голов.

А в прошлом и позапрошлом годах зверосовхоз «Майский» поделился пятнистыми оленями с Таджикистаном, Дагестаном и некоторыми городами РСФСР — всего отсюда отправили 600 голов.

«Майский» получает от своей оленефермы немалый доход. За два года пантов сдали более чем на 100 тысяч рублей, от продажи оленей в другие республики тоже поступления немалые. Итак, олень-цветок, как называл его М. М. Пришвин, получает ныне «прописку» во многих уголках нашей страны.

О. ЛИМАРЬ

отечество наше...

ОЛЕНЬ-ЦВЕТОК

ПУТЕШЕСТВУЕТ

Фото
Э. ШПАНАГЕЛЯ

НА ФОТОКОНКУРС
«ОГОНЬКА»

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663

